

ISSN 1992-2892
ISSN 2500-221X (online)

2026 '2

ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 — 2026

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись ПИ № ФС 77-78824 от 30.07.2020*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 16.10.2022)*

Редакционный совет:

О. А. Хасбулатова (главный редактор, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),

Н. Л. Пушкарева (заместитель главного редактора, Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),

М. В. Певная (Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург; доктор социологических наук, доцент),

Т. К. Ростовская (Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва;
доктор социологических наук, профессор),

О. В. Рябов (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник),

З. Х.-М. Саралиева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),

И. Н. Смирнова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат социологических наук, доцент),

Р. Н. Сулейманова (Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН, г. Уфа; доктор исторических наук, главный научный сотрудник),

Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

А. В. Белова (Тверской государственный университет, г. Тверь;
доктор исторических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

И. С. Клецина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),

Т. Б. Рябова (Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
г. Санкт-Петербург; доктор социологических наук, профессор),

Н. С. Рычихина (ответственный секретарь, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат экономических наук, доцент)

Адрес редакции (издателя): 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Тимирязева, 5
Тел./факс в Иванове: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2026
© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2026

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 2 — 2026

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
Registry entry PI № FS 77-78824 on 30.07.2020*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 16.10.2022)*

Editorial Council:

- Prof. **O. A. Khasbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology
and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Assoc. Prof. **M. V. Pevnaya**, Dr. Sc. Sociology (Ural Federal University named after the First
President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg),
Prof. **T. K. Rostovskaya**, Dr. Sc. Sociology (Institute for Demographic Research —
Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy, Leading Researcher
(Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **Z. M. Saralieva**, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (Ivanovo State University, Ivanovo),
R. N. Suleymanova, Dr. Sc. History, Chief Researcher (Institute of History, Language and Literature
of Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, Ufa),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **A. V. Belova**, Dr. Sc. History (Tver State University, Tver)

Editorial Board:

- Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg),
Assoc. Prof. **N. S. Rychikhina** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo region, Ivanovo, Timiriyev str., 5
Tel./Fax: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2026
© Ivanovo State University, 2026

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ POLITICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2026. № 2. С. 3—14.
Woman in Russian Society. 2026. No. 2. P. 3—14.

Научная статья

УДК 316.346.2:32

EDN: <https://elibrary.ru/xjhmcg>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.2.1

ЖЕНЩИНЫ И ВЛАСТЬ: АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Надежда Александровна Шведова

Институт США и Канады им. академика Г. А. Арбатова,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблематике равенства женщин и мужчин в социуме и политического участия женщин. Материал охватывает широкий круг вопросов: от теоретического осмысления природы власти и гендерного анализа до исторических прецедентов и практических барьеров на пути интеграции женщин в политические структуры. Вопрос о гендерном измерении власти и политического представительства — один из ключевых в современной политической науке. Актуальность темы не вызывает сомнений, поскольку в условиях глобальных демократических транзитов, роста авторитарных тенденций и одновременного усиления международного внимания к гендерной повестке проблема интеграции женщин в политические структуры приобретает не только теоретическое, но и прикладное значение. Характер гендерных отношений коррелируется с типом политического режима, что задает серьезную исследовательскую перспективу. А. Гутерриш подчеркивал, что мир, где «доминируют мужчины, доминирует мужская культура», наносит ущерб всем — женщинам, мужчинам, девочкам и мальчикам. При этом «предвзятость и дискриминация» вредят всем. *Это, по существу, вопрос власти* [Secretary-General's Remarks..., 2020].

В рамках темы существует немало вопросов. Зачем женщины нужны во власти? Что такое власть? Какая связь между национальным механизмом гендерного равенства и женщинами во власти? Что препятствует женщинам войти во власть? Какие пути и способы преодоления барьеров на политический Олимп? Автор предлагает свои ответы на них.

Ключевые слова: гендерный анализ, «женский вопрос», гендерное равенство, гендерная справедливость, Виктория Вудхалл, Дженет Ранкин, Нэнси Пелоси, Кокус по делам женщин в Конгрессе США

Для цитирования: Шведова Н. А. Женщины и власть: анализ политического представительства // *Женщина в российском обществе. 2026. № 2. С. 3—14.*

Original article

WOMEN AND POWER: AN ANALYSIS OF POLITICAL REPRESENTATION

Nadezhda A. Shvedova

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation, n.shvedova2015@yandex.ru

Abstract. This article examines the equality of women and men in society and women's political participation. It covers a wide range of topics, from theoretical understanding of the nature of power and gender analysis to historical precedents and practical barriers to women's integration into political structures. The gender dimension of power and political representation is a key issue in contemporary political science. The relevance of this topic is undeniable, as amid global democratic transitions, rising authoritarian tendencies, and increased international attention to the gender agenda (the UN Sustainable Development Goals, the Beijing Platform for Action), the issue of women's integration into political structures is acquiring not only theoretical but also practical significance. The nature of gender relations correlates with the type of political regime, offering a compelling research opportunity. UN Secretary-General António Guterres, speaking about the root causes of the persistence of gender discrimination, emphasized the role of "millennia of patriarchy," which has created a world where "males dominate, male-dominated culture harms everyone—women, men, girls, and boys". Moreover, "bias and discrimination" harm everyone. It is, at its core, a question of power" [Secretary-General's Remarks..., 2020].

There are many questions within this topic. Why are women needed in power? What is power? What is the connection between the national mechanism for gender equality and women in power? What prevents women from entering power? What are the ways and means of overcoming barriers to political success? The author offers her answers.

Key words: gender analysis, women's issues, gender equality, gender justice, Victoria Woodhull, Jeannette Rankin, Nancy Pelosi, Congressional Women's Caucus

For citation: Shvedova, N. A. (2026) *Zhenshchiny i vlast': analiz politicheskogo predstavitel'stva* [Women and power: an analysis of political representation], *Zhenshchina v Rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—14.

Введение

Известно: власть — это многоуровневое явление, что касается государственной власти (макроуровень) и отношений в социуме между женщинами и мужчинами (микроуровень). Характер социально-политической системы формирует направленность гендерного равенства. Традиционные гендерные отношения или отношения соподчинения — объективная база для авторитарного режима. Паритетные гендерные отношения — объективная база для демократии участия. При этом утверждение «традиционные гендерные отношения — объективная база для авторитарного режима» нуждается в более тонкой аргументации, учитывающей разнообразие авторитарных практик и наличие патриархатных элементов в демократиях.

В основе так называемого «женского вопроса» лежит фундаментальный конфликт между природной субъектностью женщины, обладающей, наравне с мужчиной, заложенными от рождения способностями к саморазвитию, и навязанной ей обществом пассивной ролью объекта. Исследование взаимосвязи женщин и власти находится на пересечении политической науки, социологии и гендерных исследований

[Paxton, Kunovich, 2003; Тинкер, 2006; Перес, 2022; Explainer..., 2024; Transforming Social Norms, 2025].

Актуальность данной проблематики обусловлена тем, что характер гендерных отношений выступает в качестве матрицы государственной власти. В этой связи возникает ряд острых вопросов, относящихся к объекту и предмету исследования.

Каковы особенности политического участия женщин в качестве субъекта и объекта в избирательном процессе?

Какова мера влияния участия женщин в избирательном процессе, в частности на результаты выборов?

Является ли женщина качественно новым избирателем на политической арене?

Какова политическая мобилизация женщин?

1. Теоретико-методологические основания гендерного анализа

Ключевым инструментом исследования является *гендерный анализ*, который выступает принципиальной основой национального механизма обеспечения гендерного равенства. *Гендерный анализ определяется как процесс оценки различного воздействия, оказываемого на женщин и мужчин существующими или предлагаемыми политическими курсами, программами и законодательством*. Переход от эссенциалистского понимания пола к сложному междисциплинарному анализу власти, где гендер предстает в качестве одной из ключевых категорий политического анализа, требует решения амбициозной задачи: в условиях дефицита гендерно-чувствительной литературы создать синтетическое исследование, в котором политическая теория и история перестают быть фоном для социальных процессов, а становятся главными объектами гендерной критики. Такой подход особенно важен с учетом политики «ретрадиционализации», которая отбрасывает гендерное равенство на периферию государственной повестки. Важно разграничивать понятия формального равенства и справедливости. Понятие «равенства» в современной парадигме признает, что различное отношение к женщинам и мужчинам может быть необходимо для достижения равных результатов, что позволяет компенсировать исторически сложившуюся дискриминацию. В связи с этим в научный оборот вводится понятие «гендерной справедливости».

«Гендерная справедливость» — это процесс справедливого отношения к женщинам и мужчинам, суть которого составляет соблюдение социальной справедливости с учетом гендерной специфики. Для обеспечения справедливости необходимы специальные меры по компенсации исторических и социальных упущений, которые мешают женщинам и мужчинам занимать равные позиции.

Гендерный анализ позволяет деконструировать утверждение о «гендерно-нейтральной» политике. Критический подход демонстрирует, что подобная политика на практике часто оказывается социально недостаточной, поскольку игнорирует специфическое воздействие принимаемых решений на оба пола. Доказано: если больше женщин работает вне дома — выше уровень их политической и социальной активности, политического влияния. Они чаще получают представительство в органах власти. Кроме того, чем больше женщин работает — тем больше они зарабатывают, чем выше уровень их образования, тем шире их возможности трудоустройства на рынке труда.

Вслед за Р. Айслер под «моделью доминирования» имеется в виду социальная организация, основанная на иерархии, насилии и принуждении, где отношения господства-подчинения воспроизводятся на всех уровнях — от семьи до международных

отношений. В отличие от нее, «модель партнерства» предполагает связь, основанную на уважении, заботе и ненасилии. Важно подчеркнуть: эти модели — не бинарная оппозиция, а идеальные типы, между которыми располагаются разнообразные гибридные формы. Безопасность в данном контексте понимается не только как отсутствие военных угроз, но как состояние защищенности от всех форм насилия — физического, экономического, психологического.

Факторы, определяющие статус женщины в политике:

1. Характер политического режима.
2. Уровень демократии в государстве и обществе.
3. Позиции и инициативы субъектов государственной политики (властных структур, политических партий, общественных движений, женских сообществ).

Под воздействием статуса женщин формируется тип характера политического режима, отражающий уровень цивилизации общества. Положение женщины во всех сферах жизни, ее статус в обществе — *объективный барометр остроты конфликта, рожденного «женским вопросом»*. Критический взгляд утверждает, что «гендерно-нейтральная политика» на практике оказывается «социально недостаточной» или «социально ущербной», поскольку анализ политических курсов, программ и законодательства неполон, если в нем не рассмотрено воздействие с точки зрения влияния планируемых или проводимых мероприятий в стране на оба пола — женщин и мужчин.

В чем значение мирового сообщества в деле продвижения идей гендерного анализа в политическом поле?

На самом деле трудно переоценить значение мирового сообщества в деле разработки теории и практики (методологии) применения гендерного анализа как инструмента для понимания социальных процессов и для поиска ответов на вопросы (при наличии информированных и справедливых вариантов): как и почему политические проблемы влияют на женщин и мужчин? Этот подход определил модель национального механизма «интеграции интересов женщин», призванного учитывать интересы женщин от первой до последней стадии выработки как общих, так и конкретных направлений государственной политики.

Процесс гендерного анализа предназначен:

1. стать одним из аспектов комплексного подхода к разработке политики и улучшить качество современного анализа;
2. Интегрировать гендерный подход в каждый этап процесса разработки политики;
3. Стимулировать реакцию и дальнейшее исследование проблем и факторов;
4. Использовать существующую экспертизу и способности тех, кто вовлечен в разработку политики и анализа;
5. Применить методологию гендерного анализа на любом этапе развития событий.

2. Исторические прецеденты и индикаторы политического участия

Мировое сообщество, представленное Организацией Объединенных Наций, выработало специальные индикаторы для объективной оценки социального статуса женщин [в частности: Доклад комитета..., 1997]. В политической сфере ключевыми индикаторами являются политические и гражданские права женщин, степень их политического участия, а также свобода выражения несогласия с официальным курсом [Резолюция 1325..., 2000].

Исторический процесс обретения избирательных прав демонстрирует неравномерность распространения демократических институтов. Хронология предоставления женщинам права голоса выглядит следующим образом:

1893 г. — Новая Зеландия (первая страна, предоставившая равное право голоса);

1906 г. — Финляндия (первая страна в мире, предоставившая женщинам не только право голоса, но и право быть избранными в парламент);

1920 г. — США (XIX поправка к Конституции);

1928 г. — Великобритания.

Особый интерес представляет опыт США, где еще в 1869 году в штате Вайоминг женщины получили право голоса. В 1872 году Виктория Вудхалл (Victoria Woodhull) стала первой женщиной, выдвинувшей свою кандидатуру на пост президента США от Партии равных прав (Equal Rights Party), что стало прецедентом, опередившим свое время [Underhill, 1996]. В 1916 году Дженет Ранкин (Jeannette Rankin) была избрана в Палату представителей Конгресса США, став первой женщиной на этой должности. Эпохальным событием стало избрание НэнсиPelоси (Nancy Pelosi) спикером Палаты представителей в 2007 году.

Существенным примером институционализации гендерной повестки является создание в 1977 году в Конгрессе США Кокуса по проблемам женщин (Congressional Caucus for Women's Issues). Этот двухпартийный орган, объединяющий женщин-депутатов вне зависимости от партийной принадлежности, способствовал принятию таких значимых законодательных актов, как Закон о медицинском отпуске и отпуске по семейным обстоятельствам (Family and Medical Leave Act, 1993) и Закон о борьбе с насилием в отношении женщин (Violence Against Women Act, 1994).

3. Обоснование необходимости женского политического лидерства

Женское лидерство и власть женщин не являются самоцелью, а представляют собой инструмент достижения гендерного равенства и устойчивого развития. Как подчеркивается в официальных документах ООН, без активного участия женщин и включения их на все уровни принятия решений цели равенства, развития и мира не могут быть достигнуты. Именно эта позиция лежит в основе неоднократных заявлений Генерального Секретаря ООН о необходимости раскрытия потенциала всех женщин, что сможет обеспечить будущее всех.

Организация Объединенных Наций выработала специальные индикаторы для объективной оценки социального статуса женщин.

В политической сфере — политические и гражданские права женщин, степень их политического участия, свободы выражения несогласия с официальным курсом.

В профессиональной сфере — степень реализации права на труд, справедливость его оплаты, возможность продвижения по службе, условия совмещения производственных и семейных ролей.

Индикаторы в семейной сфере, в области образования, охраны здоровья, культуры, защищенности от насилия.

Важно преодолеть реальное отчуждение «женского фактора» в политической жизни страны по ряду объективных обстоятельств, среди которых выделяются важнейшие:

1. Репрезентативность демократии: партнерство в политике является источником полной и представительной демократии.

2. Учет многополюсных интересов: политика и решения, разрабатываемые исключительно мужчинами, отражают лишь часть человеческого опыта. Как отмечается в международных документах, «такая политика... не склонна принимать во внимание гендерные последствия, а также экономические и социальные факторы, которые оказывают влияние на жизнь женщин».

3. Социальная ориентация: женщины-политики инициируют принятие социально-ориентированных законов (например, в сфере защиты от насилия, здравоохранения и образования), они вносят свой особый вклад в общественную жизнь (например, именно женщины-парламентарии остро поставили и продолжают это делать, хотя прогресс еще слабо ощутим, проблеме насилия в отношении женщин).

4. Гендерно и географически сбалансированные институты, правительства (сообщества) — источник эффективности, всесторонних и устойчивых результатов.

5. Женщины-политики служат примером для подражания в обществе, облегчают точки доступа для влияния других женщин.

Очевидно, признавая точку зрения о политике как об отношении по поводу власти, которая подразумевает *доступ, контроль и распоряжение ресурсами*, то логично вытекает вывод: без доступа к власти половина человечества лишена справедливой доли своего не только влияния, но и реального участия и причастности. «Без активного участия женщин и включения их на все уровни принятия решений цели равенства, развития и мира не могут быть достигнуты¹, — зафиксировано в «Платформе действий», принятой на Четвертой Международной Женской Конференции в Пекине (1995 г.), документе, сохраняющем свою острую актуальность по настоящее время [Report of the Fourth World Conference on Women, 1995].

4. Барьеры и стратегии преодоления

Несмотря на очевидные аргументы в пользу гендерного равенства, прогресс в улучшении статуса женщин сталкивается с системным сопротивлением. Типичными формами такого сопротивления являются:

1. Активное противодействие или равнодушие к идеям гендерного равенства.
2. Формальное признание идей равенства при одновременном отрицании наличия проблемы на практике.
3. Практика «номинального участия» — назначение одной-двух женщин на высокие должности преимущественно из числа лояльных к существующей системе.
4. Проволочки с принятием конкретных решений и откладывание вопросов «под сукно».
5. Преодоление этих барьеров требует комплексного подхода.

Исследователи сходятся во мнении, что не существует единственного «волшебного средства» для изменения ситуации. В качестве эффективных мер рассматриваются:

1. Наличие осознанной политической воли на высшем уровне; внедрение законодательных требований к гендерному составу списков кандидатов (система гендерных квот). Финляндия, например, учредила специальный Закон

¹ United Nations. Report of the Fourth World Conference on Women, Beijing, 4—15 September 1995. New York: United Nations, 1995. 180 p. (UN Document Symbol: A/CONF.177/20). URL: <https://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/fwcwn.html> (дата обращения: 10.01.2026).

о гендерном равноправии (1987 г.), создала Министерство социального обеспечения и здравоохранения, ответственное за реализацию стратегий равенства, и внедрила национальную систему квотирования для минимизации гендерной асимметрии во всех сферах социальной практики. Этот контраст показывает, что проблема не в «неизбежности» насилия, а в отсутствии политической воли и институциональных механизмов.

2. Важность политической представленности женщин подтверждается количественными исследованиями. Анализ данных Всемирного экономического форума с использованием регрессионного анализа показал, что доля женщин в управлении государственным сектором, администрации и политике объясняет существенную часть вариации Индекса глобального гендерного разрыва. Стандартизированные коэффициенты свидетельствуют, что увеличение доли женщин в парламентах, на постах глав государств и министерских позициях значимо коррелирует с уменьшением гендерного неравенства, контролируя экономические факторы. Это дает количественное обоснование политике квот и целевых показателей представленности.

3. Изменение электоральной системы в сторону более «дружественной» женщинам (например, переход к пропорциональной системе, которая, по данным ряда исследований, способствует большему представительству женщин).

Выделение барьеров и стратегий, систематизация форм сопротивления (активное противодействие, формальное признание, номинальное участие, проволочки) и мер преодоления (политическая воля, квоты, изменение избирательной системы) являются практически полезными действиями. Они способствуют привлечению внимания в обществе к роли мужчин.

Фонд ООН в области народонаселения — (UNFPA) с помощью кампании «Не позволяйте свету погаснуть» стремится пролить свет на потребности женщин и девочек в кризисах. Им представлены цифры:

- 70 % женщин в кризисных ситуациях подвергаются гендерному насилию — вдвое больше, чем в некризисных ситуациях;
- 60 % предотвратимых материнских смертей происходят в странах, затронутых кризисом [UNFPA Statement..., 2025].

Эти данные ярко подчеркивают серьезность ситуации и необходимость немедленных действий.

5. Роль мужчин и перспективы устойчивого развития

Дискриминация по половому признаку долгое время ошибочно рассматривалась исключительно как «женская проблема». На самом деле, это и проблема мужчин, которые рассматривают себя как *представителей рода человеческого в целом, оставив «за бортом» неучтенной половину рода человеческого — женскую*. Речь идет о мужчинах, вовлеченных в систему патриархатных «ценностей» и несущих издержки традиционной модели маскулинности. Вряд ли можно уповать на универсальное и единственное средство, способное умножить женское представительство как субъекта политического процесса во всем многообразии. В одночасье ситуация не изменится. Цели должны добиваться обе социально-половые группы, потому что нет единственно возможной панацеи.

Почему прогресс в улучшении статуса женщин во всех сферах жизни не становится реальностью повсеместно? Это обусловлено следующими факторами:

1. отсутствием политической и государственной воли по реализации целей, намеченных в документах ООН;
2. слабостью женского движения;
3. нехваткой активной работы, способствующей движению за эмансипацию мужчин — т. е. за освобождение мужчин и общества от идеи превосходства (сексизма), от незаслуженных привилегий, которые подрывают духовность и профессионализм в обществе;
4. дефицитом реального национального механизма по вопросам продвижения интересов женщин как гендерно дискриминируемой общности;
5. резкой гендерной диспропорцией в представительстве на уровнях принятия решений;
6. широким распространением сексистских предубеждений, а также патриархальных «ценностей» на бытовом уровне в обществе.

В результате, идея превосходства, более высокого положения по отношению к женщинам, является достаточно распространенной общей для мужчин практически во многих уголках во всем мире.

К началу XXI века положение меняется: международное сообщество артикулирует важность и значение ролей мужчин и мальчиков в создании гендерного равенства, пользу и выгоду для мужчин и мальчиков, которым сулит гендерный паритет. Победителями становятся и женщины, и мужчины.

Привлечение внимания к роли мужчин подчеркивает, что дискриминация по половому признаку — не только «женская проблема», а ссылка на 48 сессию Комиссии ООН по положению женщин (2004), которая расширяет традиционный фокус. Действительно, эта сессия стала знаковым событием в смене парадигмы, которая уделила специальное внимание теме «*Роль мужчин и мальчиков в достижении гендерного равенства*». В итоговых документах сессии было признано, что вовлечение мужчин в решение задач гендерного равенства актуально в связи с глобальными вызовами (пандемия, экономическая перестройка). Логика такого подхода основывается на идее «общей выгоды»: равенство позволяет отцам быть ближе к детям, повышая престиж отцовства, а также способствует более конструктивному сотрудничеству полов в использовании личностного потенциала.

Заключение

Взаимосвязь женщин и власти выступает как индикатор цивилизованности общества, что актуализирует исследования роли женщин в политической системе. Достижение реального равноправия невозможно без отказа от патриархальных стереотипов и последовательного внедрения гендерного анализа на всех этапах разработки и реализации государственной политики во всех сферах и многообразии жизни [Equality in Politics..., 2008].

Еще в начале XX века русская писательница и общественный деятель Ольга Шапир в работе «Идеалы будущего» (1906) сформулировала принцип, сохраняющий свою теоретическую значимость и в наши дни. Она отмечала, что путь к эмансипации лежит не через унификацию полов, а через признание ценности индивидуальных различий:

«Пора нам перестать стыдиться самих себя... Прежде всего, она должна быть сама собой и должна приложить все силы к тому, чтобы развивать собственные индивидуальные возможности. И тогда-то слиянием двух различающихся психик в дружном строительстве жизни впервые создается то общее, что должно быть нашим идеалом. Не подчинять или преклоняться, а дополнять и умерять одна другую в творческом синтезе двух сил» [Шапир, 1998].

Данный тезис коррелирует с более поздними размышлениями А. Эйнштейна, лауреата Нобелевской премии (1921), который в своих философских эссе подчеркивал, что ценность человеческого общества детерминирована возможностями, предоставляемыми им для развития личности. Социум, интегрирующий женские и мужские личности, подчиняется той же закономерности: его устойчивость и прогресс напрямую зависят от степени реализации потенциала каждого гражданина и гражданки.

В контексте нормативной базы и эмпирических обобщений важная роль принадлежит системе Организации Объединенных Наций (ООН), которая предлагает институционально закреплённый подход к пониманию факторов участия женщин во власти. В преамбуле Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW) сказано, что «полное и всестороннее развитие страны, благосостояние мира и дело мира требуют максимального участия женщин на равных с мужчинами во всех областях». Ключевые положения, вытекающие из документов ООН, сводятся к следующим выводам [Конвенция о ликвидации..., 1979]:

Во-первых, общество, системно исключаящее женщин из публичной жизни, не может быть определено как демократическое. Демократия обретает реальное содержание лишь при условии учета интересов всех социальных групп в процессе принятия политических решений.

Во-вторых, согласно исследованиям, на которые ссылается ООН, компании с высоким процентом женщин в высшем руководстве на 25 % чаще демонстрируют финансовое превосходство; кроме того, корреляционный анализ указывает на обратную зависимость между уровнем женского участия во власти и уровнем коррупции в стране.

В-третьих, двойственность политической фигуры женщины: субъект и объект политики. В соответствии со Статьями 7 и 8 Конвенции CEDAW, роль женщины в политическом процессе рассматривается в двух взаимосвязанных ипостасях, что формирует теоретическую рамку для анализа государственных стратегий: женщина как субъект политики (активная участница). Данный аспект воплощается в реализации избирательных прав: права голосовать, права быть избранной в органы публичной власти на равных с мужчинами условиях, а также права участвовать в формировании государственной политики и деятельности институтов гражданского общества. Международное сообщество на протяжении десятилетий подчеркивает обязанность государств обеспечивать реализацию этих прав *de jure*.

В-четвертых, женщина как объект государственной политики, ввиду исторически сложившегося разделения сфер (закрепление женщин преимущественно в частной/домашней сфере), требует осознания того факта, что формальное устранение юридических барьеров (*de jure*) оказывается недостаточным для достижения фактического равенства (*de facto*). В этом контексте женщина выступает объектом политики, нацеленной на создание справедливых условий для развития. Данный подход требует от

государства не пассивного невмешательства, а применения временных специальных мер (affirmative action), включая квоты и правовую защиту, направленных на преодоление структурных барьеров, объективно воспроизводящих дисбаланс власти.

Таким образом, двойственность политической фигуры женщины (как субъекта избирательного процесса и как объекта мер государственной поддержки) является системообразующей характеристикой современных политических режимов, претендующих на статус демократических.

Эффективная реализация гендерного равенства требует не только изменения законодательства, но и деконструкции устоявшихся патриархатных мифов о власти, что составляет важную задачу политической науки и гендерного просвещения.

Игнорирование гендерного измерения в политологическом анализе ведет к редукции исследовательской оптики, лишая возможность выявления глубинных причин неэффективности государственного управления. Признание гендерного равенства в качестве национального интереса является необходимым условием устойчивого развития и требует проявления последовательной политической воли со стороны государства.

Список источников

- Доклад Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин: Общая рекомендация № 23 (Статьи 7 и 8: политическая и публичная жизнь) // ООН-женщины. Шестнадцатая сессия, 1997 год. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw_handbook/cedaw_rec24.pdf (дата обращения: 10.01.2026).
- Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 24.09.2025).
- Перес К. К.* Невидимые женщины: почему мы живем в мире, удобном только для мужчин. Неравноправие, основанное на данных: пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2022. 538 с.
- Резолюция 1325 (2000), принятая Советом Безопасности на его 4213-м заседании 31 октября 2000 года // ООН. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/1325\(2000\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/1325(2000)) (дата обращения: 05.02.2026).
- Тикнер Дж. Э.* Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны» / пер. с англ. под ред. Д. И. Польшанного. М.: Культурная революция, 2006. 336 с.
- Шапир О. А.* Идеалы будущего // Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М.: РИК Русанова, 1998. С. 307—313. URL: <https://a-z.ru/women/texts/shapirrd.htm> (дата обращения: 24.09.2025).
- Equality in Politics: A Survey of Women and Men in Parliaments // Inter-Parliamentary Union. Geneva: Inter-Parliamentary Union, 2008. URL: <https://www.ipu.org/resources/publications/reports/2016-07/equality-in-politics-survey-women-and-men-in-parliaments> (дата обращения: 03.02.2026).
- Explainer: Why so few women are in political leadership, and five actions to boost women's political participation // UN Women. New York, 10 September 2024. URL: <https://www.unwomen.org/en/news-stories/explainer/2024/09/five-actions-to-boost-womens-political-participation> (дата обращения: 15.09.2025).
- Paxton P., Kunovich S.* Women's Political Representation: The Importance of Ideology // Social Forces. 2003. Vol. 82, no. 1. P. 87—113.
- Report of the Fourth World Conference on Women // United Nations. Beijing, 4—15 September 1995. New York: United Nations, 1995. 180 p. (UN Document Symbol: A/CONF.177/20). URL: <https://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/fwcwn.html> (дата обращения: 10.01.2026).

- Secretary-General's Remarks at Town Hall with Young Women from Civil Society Organizations [As Delivered] // United Nations. 31 August 2020. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statements/2020-08-31/secretary-generals-remarks-town-hall-young-women-civil-society-organizations-delivered> (дата обращения: 17.06.2025).
- Transforming Social Norms to Advance Women's Political Participation // European Union. Brussels, 18 August 2025. URL: https://capacity4dev.europa.eu/library/report-expert-group-meeting-transforming-social-norms-advance-womens-political-participation_en (дата обращения: 15.04.2025).
- Underhill L. D. The Woman Who Ran for President: The Many Lives of Victoria Woodhull. New York: Penguin Group USA, 1996. 347 p.
- UNFPA Statement: Don't Let the Lights Go Out on Women and Girls in Neglected Crises // United Nations Population Fund. 19 May 2025. URL: <https://www.unfpa.org/press/unfpa-statement-dont-let-lights-go-out-women-and-girls-neglected-crises> (дата обращения: 30.03.2026).

References

- Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women. General recommendations made by the Committee on the Elimination of Discrimination against Women. General Recommendation No. 23 (16th session, 1997), *UN Women*, available from <https://www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/recommendations/recomm.htm> (accessed 10.01.2026).
- Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women New York, 18 December 1979. United Nations General Assembly resolution 34/180, *United Nations*, available from <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-elimination-all-forms-discrimination-against-women> (accessed 10.01.2026).
- Equality in Politics: A Survey of Women and Men in Parliaments, *Inter-Parliamentary Union*. Geneva: Inter-Parliamentary Union, 2008, available from <https://www.ipu.org/resources/publications/reports/2016-07/equality-in-politics-survey-women-and-men-in-parliaments> (accessed 03.02.2026).
- Paxton, P., Kunovich, S. (2003) Women's Political Representation: The Importance of Ideology, *Social Forces*, vol. 82, no. 1, pp. 87—113.
- Perez, C. C. (2019) *Invisible Women: Exposing Data Bias in a World Designed for Men*. London: Chatto & Windus.
- Report of the Fourth World Conference on Women, *United Nations*, Beijing, 4—15 September 1995. New York: United Nations, 1995. 180 p. (UN Document Symbol: A/CONF.177/20), available from <https://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/fwcwn.html> (accessed 10.01.2026).
- Resolution 1325 (2000), Adopted by the Security Council at its 4213th meeting, on 31 October 2000, *UN*, available from [https://docs.un.org/en/S/RES/1325\(2000\)](https://docs.un.org/en/S/RES/1325(2000)) (accessed 05.02.2026).
- Secretary-General's Remarks at Town Hall with Young Women from Civil Society Organizations [As Delivered], *United Nations*. 31 August 2020, available from <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statements/2020-08-31/secretary-generals-remarks-town-hall-young-women-civil-society-organizations-delivered> (accessed 17.06.2025).
- Shapir, O. A. (1998) *Idealy budushchego* [Ideals of the Future] // Aivazova S. G. Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviia (Ocherki politicheskoi teorii i istorii. Dokumental'nye materialy). Moscow: RIK Rusanova, 307—313 pp., available from <https://a-z.ru/women/texts/shapirrd.htm> (accessed 09.24.2025).
- Tickner, J. A. (2001) *Gendering World Politics: Issues and Approaches in the Post-Cold War Era*. New York: Columbia University Press, 200 p.
- Transforming Social Norms to Advance Women's Political Participation, *European Union*. Brussels, 18 August 2025, available from https://capacity4dev.europa.eu/library/report-expert-group-meeting-transforming-social-norms-advance-womens-political-participation_en (accessed 15.04.2025).

- Underhill, L. D. (1996) *The Woman Who Ran for President: The Many Lives of Victoria Woodhull*. New York: Penguin Group USA.
- UNFPA Statement: Don't Let the Lights Go Out on Women and Girls in Neglected Crises, *United Nations Population Fund*. 19 May 2025, available <https://www.unfpa.org/press/unfpa-statement-dont-let-lights-go-out-women-and-girls-neglected-crises> (accessed 30.03.2026).
- UN Women (2024) Explainer: Why so few women are in political leadership, and five actions to boost women's political participation, *UN Women*. New York, 10 September 2024, available from <https://www.unwomen.org/en/news-stories/explainer/2024/09/five-actions-to-boost-womens-political-participation> (accessed 15.09.2025).

Статья поступила в редакцию 17.03.2026; одобрена после рецензирования 27.03.2026; принята к публикации 14.04.2026.

The article was submitted 17.03.2026; approved after reviewing 27.03.2026; accepted for publication 14.04.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Шведова Надежда Александровна — доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела внутривластных исследований, Институт США и Канады им. академика Г. А. Арбатова Российской академии наук, г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor, Chief Researcher, Department of Internal Policy Studies, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2026. № 2. С. 15—35.

Woman in Russian Society. 2026. No. 2. P. 15—35.

Научная статья

УДК 314.146(470.315)

EDN: <https://elibrary.ru/ufspee>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.2.2

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДОЙ СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ (На примере Ивановской области)

Тамара Керимовна Ростовская¹,

Наталья Сергеевна Рычихина²,

Александр Борисович Синельников^{1,3}

¹ Институт социальной демографии,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, rostovskaya.tamara@mail.ru

² Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия

³ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье актуализирована значимость молодых сельских семей в развитии демографического потенциала России; рассмотрен демографический потенциал семей, проживающих в сельской местности Ивановской области; определены причины снижения численности сельского населения Ивановской области; выявлены основные тенденции современных молодых сельских семей; описан комплекс государственных и региональных финансовых и социальных мер, направленных на формирование благополучия молодой сельской семьи. Целью исследования является анализ факторов, влияющих на формирование демографического потенциала молодой сельской семьи, и мер государственной и региональной поддержки, направленных на повышение ее благополучия. Методологическую базу исследования составляют показатели демографического развития территории, а нормативно-правовую — перечень нормативно-правовых документов и законодательных актов РФ.

Ключевые слова: демографический потенциал, семья, молодая сельская семья, Ивановская область, поддержка

Для цитирования: Ростовская Т. К., Рычихина Н. С., Синельников А. Б. Демографический потенциал молодой сельской семьи (на примере Ивановской области) // Женщина в российском обществе. 2026. № 2. С. 15—35.

Original article

THE DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF YOUNG RURAL FAMILIES (Based on the example of the Ivanovo Region)

*Tamara K. Rostovskaya*¹,

*Natalia S. Rychikhina*²,

Alexander B. Sinelnikov^{1,3}

¹ Institute of Social Demography, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, rostovskaya.tamara@mail.ru;

² Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

³ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article highlights the importance of young rural families in developing Russia's demographic potential. The authors examined the demographic potential of families living in rural areas of the Ivanovo Region. The article identifies the reasons for the decline in the rural population of the Ivanovo Region: aging population, decrease in the number of women of reproductive age, and migration of young people to cities. The authors identified the main trends among contemporary young rural families: young couples postponing marriage, young women delaying the birth of their first child, educational migration of young people from rural areas to cities, instability of marital unions, and a shift toward smaller families. The article discusses a set of state and regional financial and social measures aimed at improving the well-being of young rural families. The purpose of the study is to analyze the demographic potential of young rural families and the factors influencing its formation, as well as state and regional support measures aimed at improving the well-being of rural families. The methodological basis of the study is represented by indicators of demographic development in the region and a list of regulatory and legal documents and legislative acts of the Russian Federation.

Key words: demographic potential, family, young rural family, Ivanovo Region, support

For citation: Rostovskaya, T. K., Rychikhina, N. S., Sinelnikov, A. B. (2026) Demograficheskii potentsial molodoi sel'skoj sem'i (na primere Ivanovskoj oblasti) [The demographic potential of young rural families (based on the example of the Ivanovo Region)], *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*, no. 2: 15—35.

Введение

Создание, укрепление и поддержка молодых сельских семей является важной составляющей демографического развития России. Традиционно сельские семьи отличались такими характеристиками, как: ранний возраст вступления в брак, устойчивость брачных союзов, стремление к многодетности. Однако демографический крен на снижение рождаемости затронул и сельские поселения. В них также сейчас наблюдается откладывание вступления в брак на более поздний возрастной период, намерение молодых девушек уехать в город, получить образование и строить карьеру [Шабунов, Крошилин, 2024].

Закон о материнском (семейном) капитале и другие меры демографической политики, принятые на федеральном и региональном уровне, способствовали повышению рождаемости в период между 2007 и 2015 гг. [Синельников, 2025; Синельникова, Карпов, 2023]. В сельской местности степень повышения была значительно больше, чем в городах. Это можно объяснить тем, что сельским семьям было

проще улучшить жилищные условия в случае рождения ребенка: в частности, пристроить к своему дому флигель или второй этаж, либо продать небольшой дом и купить более просторный дом, а значительную часть средств на этих расходы взять из материнского капитала. Чего нельзя сказать о подобных возможностях в городской среде. Кроме того, в сельской местности и до активизации демографической политики традиционные семейные ценности сохранились лучше, чем в городах, семьи, в среднем, имели больше детей, женщины меньше ориентировались на карьеру и легче совмещали работу с воспитанием детей.

Однако в середине 2010-х гг. рождаемость в России вновь стала снижаться. Этот процесс продолжается до настоящего времени. Суммарные коэффициенты рождаемости в сельской местности снижаются быстрее, чем в городах, и сближаются с соответствующими показателями для городского населения [Синельников, 2023].

Методология и методы

Демографические проблемы, связанные со снижением рождаемости, изменением репродуктивных установок женщин, трансформацией роли женщины в семье и на работе актуальны как для России, так и для других стран [Кабайкиной, 2016; Радаев, 2025]. Это повлекло в настоящее время рост исследований в данной области. Отношение молодежи к институту брака, к рождению детей в РФ, Франции, Германии, в странах Центральной Азии и Северной Африке рассматриваются в публикациях О. В. Гоковой, А. М. Киселевой, Я. А. Мохаммеда, Чэн Сюминь, Тань Жоюй [Гокова, Киселева, 2016; Мохаммед, 2024; Чэн Сюминь, Тань Жоюй, 2024]. Особый интерес вызывают исследования региональных особенностей процессов брачности и рождаемости в России. Они представлены в работах: П. Е. Еремкиной, проводящей оценку благополучия работающих женщин Урала; А. Е. Звонаревой, изучающей факторы брачного выбора жителей Ивановской области; А. В. Короленко, занимающейся демографическими проблемами Вологодской области; К. И. Казенина, Э. Ш. Идрисова, М. М. Имашевой, уделяющих особое внимание рождаемости в Республике Дагестан. Отдельные тенденции формирования современных сельских семей рассматриваются в публикациях Л. А. Попова, А. А. Шабуновой, С. В. Крошилина, А. В. Ярашевой, Е. И. Медведевой [Попов, 2016; Шабунова, Крошин, 2024]. Однако работ, посвященных анализу тенденций формирования современных молодых сельских семей недостаточно, не изучен демографический потенциал сельских семей, государственные и региональные меры, направленные на формирование благополучия молодой сельской семьи, что и обуславливает актуальность темы исследования.

Цель данной статьи состоит в изучении специфики современных сельских семей, особенно молодых. Если они сохраняют свои демографические преимущества перед городскими семьями, то демографическая политика должна ориентироваться в первую очередь на повышение рождаемости среди сельского населения, на снижение миграции из сел в города и даже на стимулирование возвращения части молодых мигрантов в родные села.

Гипотеза исследования состоит в том, что сельское население в основных репродуктивных возрастах все более сближается с городским по своему брачному, бракоразводному и репродуктивному поведению. Если эта гипотеза верна, то преимущественная ориентация демографической политики на повышение рождаемости именно в сельской местности не имеет смысла и сельским семьям надо помогать в той же степени, что и городским.

Эмпирической базой являются данные переписи населения и другие материалы государственной демографической статистики.

Объектом исследования выступает сельское население Ивановской области, демографическая ситуация в которой близка к общероссийской.

Результаты исследования

Рассмотрим демографический потенциал и комплекс государственных и региональных мер, направленных на формирование благополучия молодой сельской семьи, на примере Ивановской области (одной из типичных областей Центрального макрорегиона). Сельские районы Ивановской области включают небольшие поселения и деревни, где население занимается сельским хозяйством и другими отраслями, связанными с природными ресурсами. В Ивановской области насчитывается 92 сельских поселения: поселение Михайловское Шуйского района, Поселение Рябцевское Кинешевского района, поселение Приволжское Приволжского района, поселение Тейковское Тейковского района и другие, а также деревни Старая Вичуга Вичугского района, деревня Бурцево Тейковского района, деревня Лежнево Лежневского района и др. Доля сельских жителей в общей численности населения Ивановской области на 1 января 2024 г. составляла 18 % (рис. 1). В 2019 г. доля сельских жителей также составляла 18 %. Несмотря на неизменное соотношение сельского и городского населения Ивановской области, численность сельского населения в Ивановской области ежегодно снижается. На 1 января 2024 г. сельское население составляло 162 тыс. человек. За 2023 г. численность сельского населения снизилась на 2 тыс. человек¹. За последние пять лет в области наблюдается устойчивая тенденция снижения численности сельского населения, которая обусловлена рядом факторов: низким уровнем рождаемости, высоким общим коэффициентом смертности (из-за старения населения), оттоком молодых людей из сельской местности в города с целью поступления в вузы и в поисках работы с более значимым уровнем заработной платы.

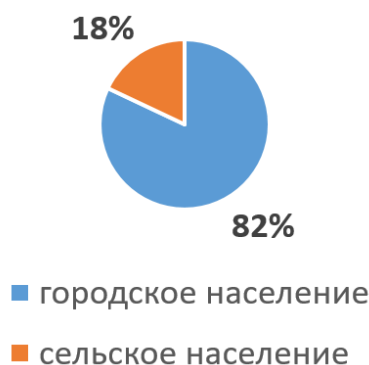


Рис. 1. Доля (%) городского и сельского населения Ивановской области на 01.01.2024 г.²

¹ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 года. (Статистический бюллетень). М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2024. Табл. 2.1.5; Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2023 года. (Статистический бюллетень). М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2023. Табл. 2.1.5. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 29.12.2025).

² Рассчитано по: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 года. (Статистический бюллетень). М.: Федеральная служба государственной

Одной из причин снижения демографического потенциала и уровня рождаемости в сельской местности Ивановской области является уменьшение численности женщин в репродуктивном возрасте (15—49 лет), которая на 1 января 2024 г. составляла 30 050 человек (рис. 2).

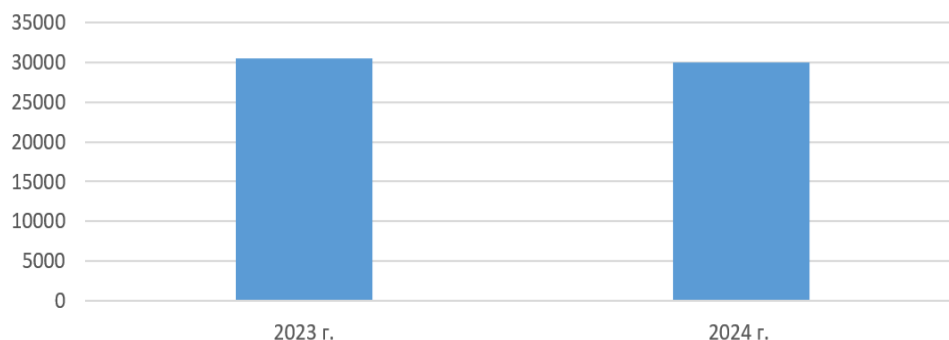


Рис. 2. Численность женщин репродуктивного возраста (15—49 лет) на 1 января 2023 г. и 2024 гг. в сельской местности Ивановской области³

Среди всего сельского женского населения области женщины репродуктивного возраста составляют 35,8 %, т. е. более одной трети (рис. 3).

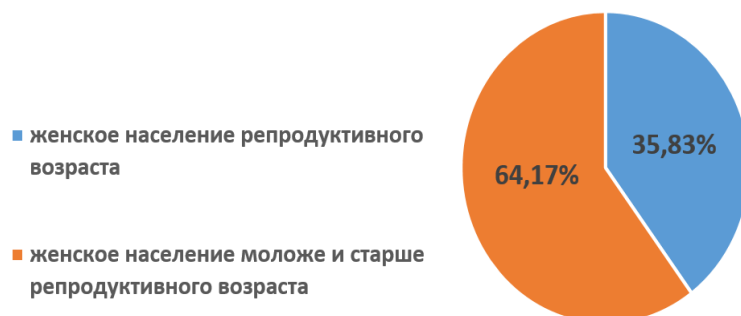


Рис. 3. Доля женщин репродуктивного возраста в общей численности женщин сельского населения Ивановской области на 1 января 2024 г.⁴

статистики (Росстат), 2024. Табл. 2.1.5. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 29.12.2025).

³ Рассчитано по: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 года. (Статистический бюллетень). М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2024; Табл. 2.1.5; Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2023 года. (Статистический бюллетень). М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2023; Табл. 2.1.5. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 29.12.2025).

⁴ Рассчитано по: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 г. (Статистический бюллетень). М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2024; Табл. 2.1.5. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 29.12.2025).

Интерес представляет возрастная структура внутри очень неоднородного по частоте рождений возрастного диапазона от 15 до 49 лет (табл. 1). 33 % составляют женщины от 15 до 30 лет (в том числе 14 % от 15 до 20 лет и 19 % — от 21 года до 30 лет), 34 % — от 31 года до 40 лет и 33 % — от 41 года до 49 лет.

Таблица 1

Численность сельского женского населения в репродуктивном возрасте на 1 января 2024 г. по возрастным группам⁵

Возрастная категория женщины в репродуктивном возрасте	Численность женщин в репродуктивном возрасте по сельскому населению	
	чел.	%
От 15 до 20 лет	4230	14
От 21 до 30 лет	5730	19
От 31 до 40 лет	10 206	34
От 41 до 49 лет	9884	33
Всего от 15 до 49 лет	30 050	100

Важной категорией женщин репродуктивного возраста, проживающих в сельской местности, является молодое поколение от 18 до 30 лет. На 1 января 2024 г. в сельской местности Ивановской области проживало 7623 женщин данной возрастной категории, что составляет 25,4 % от числа всех женщин репродуктивного возраста. На этот же период в сельской местности Ивановской области проживало мужского населения данной возрастной категории 9033 человек. Т. е. на 1000 женщин данной возрастной категории приходится 1185 мужчин аналогичного возраста⁶. В количественном аспекте ситуация на «брачном рынке» для молодых женщин благоприятна — потенциальных женихов значительно больше, чем потенциальных невест.

В целом по всему сельскому населению Ивановской области численность женщин преобладает над численностью мужчин (84 871 женщин и 79 129 мужчин). Но это объясняется численным перевесом женщин над мужчинами в пенсионном возрасте. В молодых и средних возрастах ситуация другая.

По данным переписи, проведенной в 2021 г., среди сельского населения области на 1000 женщин основных репродуктивных возрастов (18—44 лет)⁷ приходилось 1229 мужчин, а по оценке Росстата на 1 января 2024 г., сделанной на основе той же переписи с учетом статистической информации о смертности и миграции за период после переписи — 1211⁸.

⁵ Рассчитано по: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 г. (Статистический бюллетень). М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2024; Табл. 2.1.5. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 29.12.2025).

⁶ Рассчитано по: Росстат [сайт] / Статистика / Население / Демография / Естественное движение населения / Официальные публикации / Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 г. (Статистический бюллетень). М.: Росстат, 2024. Табл. 2.1.5. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 21.12.2025).

⁷ Хотя к репродуктивным возрастам принято относить весь диапазон от 15 до 49 лет, женщины редко рожают до 17 лет и крайне редко — после 45 лет.

⁸ Рассчитано по: Росстат [сайт] / Статистика / Население / Демография / Естественное движение населения / Официальные публикации / Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 г. (Статистический бюллетень). М.: Росстат, 2024. Табл. 2.1.5. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 21.12.2025).

В сельской местности женщинам труднее, чем мужчинам, найти подходящие для себя рабочие места. Поэтому женщины чаще, чем мужчины, переселяются в города, где могут устроиться на хорошо оплачиваемую и не столь тяжелую работу. Численный перевес мужчин над женщинами имеет место во всех возрастных группах от 18 до 44 лет.

Из-за этого далеко не все мужчины могут жениться на ровесницах или женщинах моложе себя, а многие мужчины вообще остаются холостыми, в том числе и в том возрасте, когда шансы вступить в первый брак невелики (табл. 2).

Таблица 2

Состав городского и сельского населения Ивановской области в возрастах от 18 до 44 лет по состоянию в браке по данным Всероссийской переписи населения 2020 года, в % к числу лиц данного пола и возраста, указавших свой брачный статус⁹

	состоящие в браке	из них		никогда не состоявшие в браке, супружеском союзе	разведенные официально	разошедшиеся	вдовье	Число мужчин на 1000 женщин
		в зарегистрированном браке	в незарегистрированном супружеском союзе					
Городское население								
Мужчины 18—44 лет	53,8	46,9	6,9	37,6	6,3	1,9	0,3	967
в том числе:								
18—19 лет	3,0	0,9	2,1	96,7	0,1	0,2	0,0	1152
20—24 лет	15,1	9,2	5,9	84,1	0,5	0,3	0,0	1109
25—29 лет	45,1	37,3	7,7	50,9	3,0	0,9	0,2	994
30—34 лет	63,3	55,8	7,5	28,4	5,9	2,0	0,3	962
35—39 лет	70,5	63,1	7,4	17,5	8,9	2,6	0,4	924
40—44 лет	71,6	64,1	7,4	13,0	11,7	3,0	0,8	883
Женщины 18-44 лет	59,5	52,4	7,1	25,9	11,1	2,3	1,1	967
в том числе:								
18—19 лет	6,2	2,9	3,3	93,6	0,1	0,1	0,0	1152
20—24 лет	27,6	20,2	7,4	70,2	1,6	0,5	0,1	1109
25—29 лет	61,1	52,9	8,3	29,9	7,2	1,5	0,3	994
30—34 лет	70,7	63,1	7,6	15,5	10,6	2,6	0,6	962

⁹ Расчет по: Итоги ВПН-2020. Т. 2: Возрастно-половой состав и состояние в браке. Табл. 5. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (дата обращения: 02.02. 2026).

35—39 лет	70,0	62,8	7,2	11,4	14,3	2,9	1,3	924
40—44 лет	65,9	59,1	6,8	10,4	17,7	3,5	2,5	883
Сельское население								
Мужчины 18—44 лет	49,7	40,5	9,2	39,6	7,8	2,5	0,4	1229
в том числе:								
18—19 лет	1,4	0,6	0,8	98,0	0,2	0,3	0,1	1047
20—24 лет	13,3	8,9	4,4	85,1	1,2	0,4	0,0	1200
25—29 лет	37,0	29,4	7,5	57,8	3,9	1,2	0,1	1200
30—34 лет	56,1	45,5	10,7	33,3	7,9	2,4	0,3	1287
35—39 лет	61,6	51,3	10,3	24,7	9,9	3,3	0,5	1278
40—44 лет	64,5	53,1	11,4	18,4	12,5	3,7	0,9	1197
Женщины 18—44 лет	60,2	50,4	9,9	26,1	10,0	2,4	1,2	1229
в том числе:								
18—19 лет	5,9	3,8	2,0	94,0	0,2	0,0	0,0	1047
20—24 лет	27,9	20,2	7,7	68,7	2,6	0,7	0,2	1200
25—29 лет	59,2	48,9	10,3	31,5	6,5	2,4	0,4	1200
30—34 лет	69,0	57,9	11,1	16,3	10,6	3,0	1,2	1287
35—39 лет	71,0	60,1	10,9	12,7	12,3	2,8	1,2	1278
40—44 лет	69,1	58,8	10,3	10,7	14,9	2,9	2,4	1197

По данным переписи, в 2021 г. в Ивановской области проживали 157 592 мужчины и 156 538 женщин в возрасте от 18 до 44 лет, т. е. число мужчин превышало число женщин, но разница составляла лишь 1054 человека или 0,7 % от числа женщин. На 1000 женщин приходилось 1007 мужчин.

Однако этот почти полный гендерный паритет существует лишь для всего населения в целом. В городах проживает 128 546 мужчин и 132 907 женщин, т. е. для паритета «не хватает» 4361 мужчин. В селах ситуация противоположная — на 29 046 мужчин приходится лишь 23 631 женщина, т. е. для баланса «не хватает» 5415 женщин.

Абсолютные величины этих гендерных дисбалансов в городах и в сельской местности довольно близки друг к другу. Полного совпадения не может быть, так как на эти дисбалансы влияет миграция не только из сел в города и обратно внутри области, но и миграция за пределы области, а также миграция из прочих регионов РФ и из-за границы в Ивановскую область и другие факторы, в том числе различия в уровне смертности среди мужчин и женщин. Но очевидно, что женщины уезжают из сел в города чаще чем мужчины, из-за чего в селах не хватает женщин, а в городах — мужчин. Поскольку в городах проживает 82 % населения области, а в селах — только 18 %, в относительном выражении эта диспропорция полов слабо выражена среди городского населения — 967 мужчин на 1000 женщин 18—44 лет — и очень сильно среди сельского, в котором эта пропорция составляет 1229:1000. Если разделить этот очень широкий возрастной диапазон на два интервала: от 18 до 29 лет и от 30 до 44 лет, то пропорции полов в каждом из них весьма различны как в городах, так и в селах.

В возрастах от 18 до 29 лет мужчин больше, чем женщин не только в селах (пропорция 1174:1000), но и в городах, хотя и незначительно (1068:1000). В городах эта диспропорция может быть вызвана миграцией в Ивановскую область как из других регионов РФ, так и из стран Центральной Азии, откуда приезжают главным

образом молодые мужчины. Но наиболее заметная гендерная диспропорция имеет место в возрастах от 30 до 44 лет (рис. 4).



Рис. 4. Число мужчин на 1000 женщин 18—29 и 30—44 лет в городском и сельском населении Ивановской области по данным переписи за 2021 г.¹⁰

В городах на 1000 женщин 30—44 лет приходится лишь 922 мужчины. Это несколько повышает шансы на вступление в брак у мужчин-горожан и понижает эти шансы у женщин-горожанок. В селах, напротив, на 1000 женщин этого возраста приходится 1253 мужчины. Эта существенная диспропорция намного снижает шансы на вступление в брак у сельских мужчин и, соответственно, повышает эти шансы у сельских женщин. Но и в городах, и в селах мужчины и женщины используют эти шансы не в одной и той же степени (рис. 5).

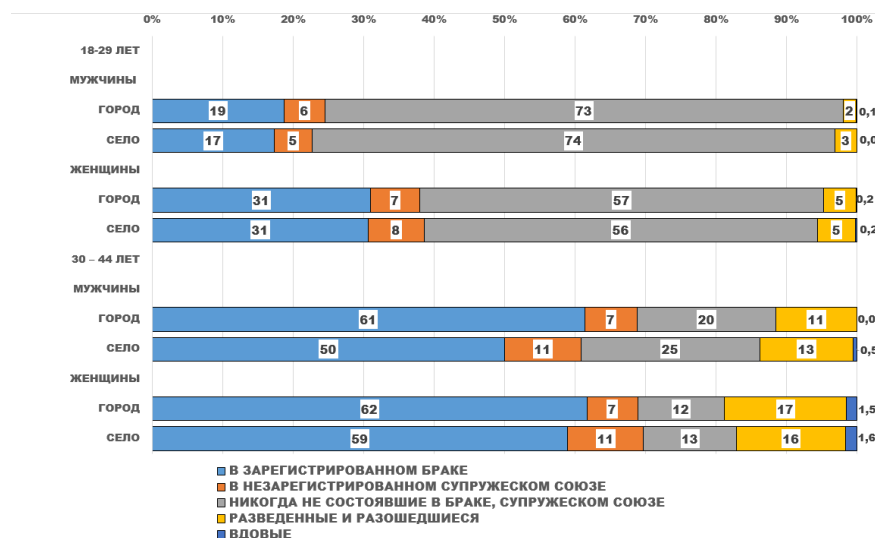


Рис. 5. Брачный состав городского и сельского населения Ивановской области в возрасте 18—29 и 30—44 лет, в % к числу лиц данного пола и возраста, указавших брачный статус при переписи в 2021 г.¹¹

¹⁰ Расчет по: Итоги ВПН-2020. Том 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. Табл. 5. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (дата обращения: 02.02. 2026).

¹¹ Расчет по: Итоги ВПН-2020. Том 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. Табл. 5. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (дата обращения: 02.02. 2026). (Из-за округлений до целых процентов сумма долей не всегда равна

Несмотря на различия в пропорциях между числом мужчин и женщин в возрасте от 18 до 29 лет, доли лиц с тем или иным брачным статусом среди городских мужчин и женщин примерно такие же, как среди их сельских ровесников и ровесниц. В прошлом в селах браки заключались в более молодом возрасте, чем в городах, но сегодня эти различия почти исчезли. Многие люди считают, что для мужчин важнее, чем для женщин, получить образование и найти достаточно хорошо оплачиваемую работу прежде, чем обзаводиться семьей. Поэтому мужчины вступают в брак в более зрелом возрасте, чем женщины.

В возрастах от 30 до 44 лет соотношение полов неблагоприятно для городских женщин, но весьма благоприятно для сельских. Однако среди горожанок этого возраста состоят в законном браке 62 %, а среди сельских жительниц — только 59 %. С другой стороны, в незарегистрированных супружеских союзах, которые в обществе принято называть «гражданскими браками», состоят 11 % сельских женщин и только 7 % городских. Доля женщин, состоящих в законных и гражданских браках вместе взятых, составляет 69 % в городах и 70 % в селах, никогда не состоявших ни в какой форме брака или союза — 12 и 13 %, разведенных и разошедшихся — 17 и 16 %, вдовых — 1,5 и 1,6 %. Различия между горожанками и сельскими жительницами по любому из этих показателей не превышают 1 %. Сельское население не отличается от городского ни более ранним вступлением в брак, ни более высокой прочностью браков, ни более низким уровнем безбрачия в молодых, средних и поздних репродуктивных возрастах. Различие состоит только в большей распространенности в сельской местности сожительства, которые ради приличия называют «гражданскими браками». Но и это различие имеет место лишь в возрастах старше 30 лет.

Согласно популярной теории «второго демографического перехода» одним из признаков этого перехода является уменьшение числа законных браков и увеличение числа пар, живущих вместе без регистрации [Van de Kaa, 2010]. Сторонники этой теории считают данные отношения более прогрессивными и либеральными, поскольку в подобных случаях женщины меньше зависят от мужчин, партнеры имеют меньше обязательств друг перед другом, им легче разорвать отношения, поскольку не придется делить имущество, как после развода. Но при всем сближении образа семейной (и не только семейной) жизни в городах и сельской местности, нельзя считать сельский образ жизни более передовым. Более широкая распространенность сожительства в селах может объясняться тем, что женщины недовольны своими сожителями (в том числе из-за пьянства) и опасаются зарегистрировать с ними брак или сами мужчины не желают узаконить отношения, чтобы не брать на себя слишком много обязательств. Такое поведение трудно считать «передовым».

Поскольку среди сельских женщин, с избытком «обеспеченных» потенциальными женихами, доля замужних не выше, чем среди горожанок, которым женихов не хватает, можно предположить, что сельских женщин не устраивает «качество» их потенциальных женихов. Поэтому среди сельских женщин 30—44 лет много не только разведенных и разошедшихся (16 %), но и никогда не состоявших ни в законном, ни в гражданском браке (13 %). А брачный состав сельского мужского населения этого возраста характеризуется следующими показателями:

100 %. Показатели доли вдовых из-за их малой численности в этих возрастах не округлялись до целых процентов).

среди мужчин 30—44 лет, проживающих в сельской местности Ивановской области, только половина (50 %) состоят в законном браке и еще 11 % сожительствуют. Почти 40 % мужчин в этом возрасте не имеют ни жен, ни сожительниц, в том числе 25 % не имели их никогда.

Еще сравнительно недавно в нашей стране, особенно в сельской местности, считалось, что не вступить в брак до 30 лет — это значит быть «белыми воронами», т. е. не такими, как все. Но эти неписаные законы общества, которые социологи называют неформальными социальными нормами, теряют силу, хотя в сельской местности это происходит позже, чем в городах [Радаев, 2025].

Данные подтверждают, что 18,4 % мужчин и 10,7 % женщин в возрасте 40—44 лет никогда не состояли ни в законном браке, ни в неофициальном союзе. Для мужчин это может объясняться количественной нехваткой потенциальных невест. Но, несмотря на избыток потенциальных женихов, каждая десятая женщина к концу репродуктивного возраста ни разу не вступала ни в законный, ни в гражданский брак. Правда, у значительной части незамужних женщин есть дети, рожденные вне брака. Многие предпочитают оставаться одинокими, если их не устраивает качество потенциальных женихов, включая образовательный и культурный уровень, манеры поведения, отношение к алкоголю. Требования есть и у мужчин. Но при дефиците невест, особенно в сельской местности, им приходится либо снижать эти требования, либо оставаться одинокими.

В настоящее время часть мужчин находятся на специальной военной операции (СВО) и защищают свою Родину. Но перепись населения была проведена до СВО, соответственно позднее мы будем располагать другими данными для анализа проблемы. А в данный момент численность сельских мужчин и женщин в каждом возрасте можно представить следующим образом (рис. 6):

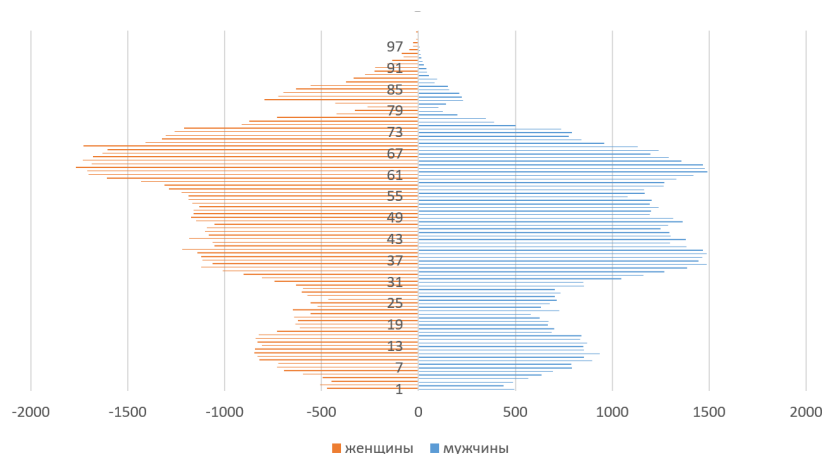


Рис. 6. Половозрастная диаграмма сельского населения
Ивановской области¹²

¹² Рассчитано по: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 года. (Статистический бюллетень). М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2024. М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2023. Табл. 2.1.5. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 29.12.2025).

Суммарный коэффициент рождаемости (условное среднее число детей, рожденных одной женщиной за всю жизнь) среди сельского населения Ивановской области уже в 2021 г., когда проводилась последняя Всероссийская перепись населения, составлял 1,400, т. е. был практически таким же, как и в городском населении (1,398), а в 2024 г. понизился до 1,164 и стал меньше, чем в городских поселениях (1,331)¹³.

Однако по данным переписи ситуация выглядит иначе (табл. 3).

Таблица 3

Распределение женщин 18—44 лет, проживающих в Ивановской области, по числу детей (по данным переписи 2021 г., в % к числу женщин данного возраста, указавших число рожденных детей)¹⁴

	Всего	В том числе родили детей				Среднее число детей на одну женщину
		0	1	2	3+	
Все женщины 18—44 лет	100	26,6	35,8	29,8	7,8	1,21
в том числе:						
18—19 лет	100	96,8	2,7	0,4	0,0	0,04
20—24 лет	100	79,5	16,4	3,5	0,6	0,25
25—29 лет	100	37,9	39,9	18,5	3,7	0,89
30—34 лет	100	17,7	40,7	33,6	8,0	1,34
35—39 лет	100	11,3	37,7	39,7	11,3	1,54
40—44 лет	100	9,7	41,3	38,5	10,4	1,53
Городские женщины 18—44 лет	100	26,8	36,5	29,7	7,0	1,19
в том числе:						
18—19 лет	100	97,1	2,6	0,3	0,0	0,03
20—24 лет	100	80,4	15,9	3,3	0,4	0,24
25—29 лет	100	38,2	40,4	18,1	3,3	0,87
30—34 лет	100	17,6	41,6	33,5	7,4	1,32
35—39 лет	100	11,1	38,7	39,7	10,5	1,52
40—44 лет	100	9,6	42,6	38,6	9,2	1,50
Сельские женщины 18—44 лет	100	25,8	32,2	30,4	11,6	1,33
в том числе:						
18—19 лет	100	95,6	3,5	0,9	0,0	0,05
20—24 лет	100	74,6	19,1	4,7	1,6	0,34
25—29 лет	100	36,1	37,8	20,3	5,9	0,98
30—34 лет	100	18,3	36,1	34,1	11,5	1,43
35—39 лет	100	12,2	32,7	39,7	15,4	1,65
40—44 лет	100	9,8	35,2	38,4	16,7	1,70

¹³ Росстат [сайт] / Суммарный коэффициент рождаемости. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 14.12.2025).

¹⁴ Рассчитано по: Итоги ВПН-2020. Т. 9, табл. 1. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom9_Rozhdaemost (дата обращения: 21.12.2025).

Среднее число рожденных детей в расчете на одну женщину во всех основных репродуктивных возрастах в селах больше, чем в городах. Но разница между сельскими и городскими женщинами невелика. Доля не родивших ни одного ребенка среди тех и других почти одинакова. И в городах, и в селах преобладает малодетность. Горожанки несколько чаще ограничиваются рождением одного ребенка. Среди сельских женщин 40—44 лет доля родивших трех и более детей больше, чем среди горожанок, но равна лишь 16,7 %, т. е. одной шестой части от общего их числа, а среднее число рожденных детей, которое в этом возрасте практически уже итоговое, составляет лишь 1,70. Это больше, чем у горожанок (1,50), но все же намного ниже уровня простого замещения поколений.

В сельской местности, как и в городах распространено откладывание молодыми парами вступления в брак и рождение первого ребенка, давно произошел массовый переход к малодетности (один или два ребенка в семье). Такие семьи представляют подавляющее большинство не только в городах, но и в селах. Сохранения численности населения на одном уровне возможно, когда суммарный коэффициент рождаемости (т. е. среднее итоговое число детей, рожденных одной женщиной за всю жизнь) не ниже 2,1. Этот коэффициент по Ивановской области в целом в 2024 г. составлял лишь 1,306¹⁵.

Однако суммарный коэффициент дает заниженное представление о реальном уровне рождаемости в области, поскольку многие из ее бывших жителей (в том числе и среди женщин репродуктивных возрастов) давно живут в других регионах, где и регистрируют в отделениях ЗАГСов родившихся у них детей, но сами остаются прописанными по прежним адресам.

Есть основания считать, что из-за этого проведенные Росстатом оценки численности населения преувеличивают численность жителей области, в том числе и количество женщин в репродуктивных возрастах, особенно в сельской местности. При расчете общих, возрастных и суммарных коэффициентов рождаемости число зарегистрированных в области рождений делится на завышенную численность всего населения и женщин соответствующих возрастов. Поэтому суммарные коэффициенты рождаемости меньше среднего числа детей у проживающих в области женщин к концу репродуктивного возраста. Многие женщины (да и мужчины), переселившиеся из сел в города, не снимаются с регистрационного учета по прежнему месту жительства, но своих новорожденных детей регистрируют уже в городских отделениях ЗАГСа. По-видимому, из-за этого суммарный коэффициент рождаемости в селах в последнее время стал ниже, чем в городах. Поскольку итоги переписи населения свидетельствуют о другом, есть основания считать, что эти суммарные коэффициенты рождаемости не совсем правильно отражают реальную ситуацию.

Рождаемость зависит от числа заключаемых браков и уровня разводимости. К сожалению, на протяжении последних лет в Ивановской области наблюдается высокий процент расторжения браков и устойчивая негативная тенденция в процессах создания и распада брачных союзов.

В 2023 г. в Ивановской области было зарегистрировано 5313 браков и 4135 разводов, а в 2024 г. соответственно — 4980 браков и 4009 разводов. Общий коэффициент брачности на 1000 жителей за эти два лет уменьшился с 5,8 ‰ до 5,5 ‰. Общий коэффициент разводимости тоже уменьшился с 4,5 ‰ до 4,4 ‰. Однако число

¹⁵ Росстат [сайт] / Суммарный коэффициент рождаемости. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 14.12.2025).

разводов в расчете на 1000 браков, заключенных в том же году, напротив, увеличилось с 778 до 805. Это больше, чем в целом по всей России (723 в 2023 г. и 732 в 2024 г.)¹⁶. К сожалению, в публикациях по естественному движению населения на сайте Росстата эти данные приводятся без дифференциации на городское и сельское население. Дифференциация есть только в данных переписи населения.

В 2021 г. по данным переписи на всей территории Ивановской области проживали 169 977 мужчин и 170 612 женщин, состоящих в зарегистрированном браке, а также 25 147 мужчин и 48 785 женщин, официально разведенных и не состоящих в повторном законном или «гражданском» браке. Поскольку вновь вступить в брак после развода женщинам, имеющим детей, сложнее, чем мужчинам, разведенных женщин почти в два раза больше, чем разведенных мужчин. Общая численность состоящих в браке и разведенных мужчин — 214 580, женщин — 238 335. Доля разведенных среди них составляет 11,7 % у мужчин и 20,5 % у женщин. По данным переписи о мужчинах на 1000 существующих или существовавших в прошлом законных брачных союзов приходится 117 распавшихся и 883 сохранившихся, а по данным о женщинах — соответственно 205 и 795, хотя данные о регистрации браков и разводов в ЗАГСх показывают диаметрально противоположное соотношение. Этот «парадокс» требует объяснения.

Лишь немногие пары разводятся в том же году, в котором поженились. Средняя продолжительность расторгнутых браков близка к 10 годам. Число браков колеблется из года в год, но в целом снижается. Расчет пропорции между числами браков и разводов за один и тот же год преувеличивает вероятность распада брака в течение всей жизни. Немало пар, которые регистрируют брак в селах, а разводятся в городах.

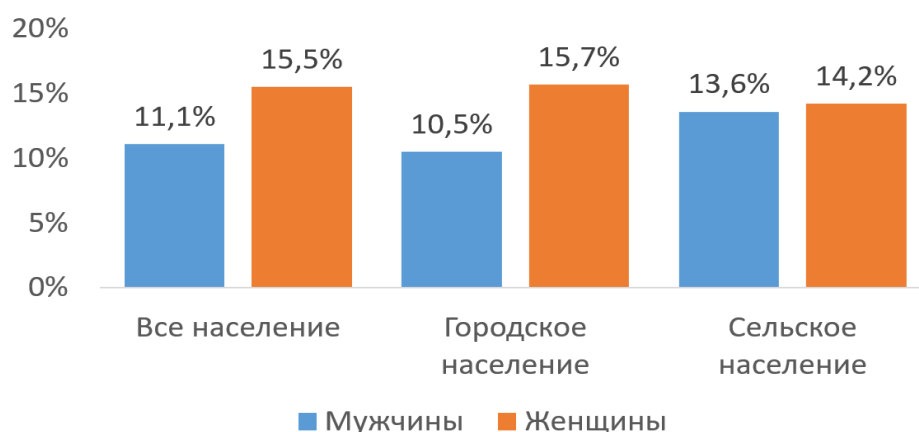
Многие супруги фиктивно разводятся, чтобы заработки мужа не учитывались при расчете среднедушевого дохода на члена семьи и была возможность получать единое пособие на детей, право на которое имеют лишь малообеспеченные. Если учитывать фактический состав семьи, то можно целенаправленно помогать каждой по-настоящему бедной семье, поскольку их гораздо меньше, чем по данным официальной статистики. Особенно важна такая адресная помощь в селах, где все жители знают друг друга, а многие из них являются малообеспеченными.

По данным переписи известна численность мужчин и женщин, состоящих в браке, но не известно, сколько из них в прошлом были разведены. Тем более нет данных, сколько из них разведутся в будущем. Также известна численность разведенных, но никто не знает, сколько из них впоследствии вновь вступят в брак. Данные переписи, в отличие от данных ЗАГСов, не дают даже приблизительного представления о вероятности развода как в течение всей жизни вообще, так и за время до выхода из возраста, разводы в котором снижают рождаемость. Однако по этим данным можно судить о том, насколько уменьшается численность состоящих в браке из-за разводов, не компенсированных повторными браками.

В 2021 г. в селах Ивановской области официально разведенные составляют 13,6 % от общей численности женатых и разведенных мужчин. Это меньше,

¹⁶ Росстат [сайт] / Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации / 2024 год (архив) / Сведения о числе зарегистрированных, родившихся, умерших, браков и разводов за январь — декабрь 2024 года (t1-2); Коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста, браков, разводов за январь—декабрь 2024 года. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_03-2025.htm (дата обращения: 25.01.2026).

чем в таблице 2 и на рис. 5, где представлена суммарная доля официально разведенных и разошедшихся без оформления развода как с мужьями и женами, так и с сожителями и сожительницами, с которыми не было законного брака, т. е. не может быть и развода. Доля разведенных в общей численности замужних и разведенных сельских женщин почти такая же — 14,2 %. В городском населении соответствующие показатели составляют 10,5 % среди мужчин и 15,7 % среди женщин, а во всем



населении области — 11,1 % и 15,5 % (рис. 7.)

Рис. 7. Доля разведенных в % к общему числу состоящих в законном браке и разведенных среди мужчин и женщин 18—44 лет в городах и селах Ивановской области по данным переписи за 2021 г.¹⁷

Если бы супруги реже разводились и чаще вступали в новые браки после разводов, рождаемость была бы выше, чем сейчас.

Среди сельских мужчин доля разведенных больше, чем среди городских, а среди сельских женщин — напротив, меньше. Судя по этим данным, есть основания предполагать, что в настоящее время сельские семьи распадаются примерно так же часто, как и городские, а различия между приведенными выше показателями зависят не столько от вероятности развода, сколько от шансов на повторный брак. У разведенных сельских мужчин этих шансов меньше, чем у городских. Как упоминалось выше, среди сельского населения в основных репродуктивных возрастах мужчин значительно больше, чем женщин. Поэтому в селах ситуация на «брачном рынке» настолько выгодна для женщин и невыгодна для мужчин, что разведенные мужчины почти полностью теряют свои традиционные преимущества при вступлении в повторный брак перед разведенными женщинами, многие из которых имеют детей. В городах же, где такого «дефицита невест» не наблюдается, ситуация на «брачном рынке» более выгодна для мужчин, включая и разведенных, чем для женщин.

Показателем будущего демографического потенциала сельского населения являются дети и молодое поколение, находящиеся в возрасте до 17 лет. Таких в сельском населении Ивановской области на 1 января 2024 г. насчитывалось 25 396 человек от 0 до 17 лет, в том числе — 12 905 представителей мужского и 12 491 представительниц

¹⁷ Рассчитано по: Итоги ВПН-2020. Т. 2, табл. 5. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (дата обращения: 21.12.2025).

женского пола¹⁸. Очень важно создавать такую инфраструктуру, что бы им нравилось жить в своем населенном пункте. Огромное внимание должно уделяться социальному развитию, образованию, здравоохранению, досуговой сфере сельских территорий.

Обсуждение

В условиях уменьшения численности женщин репродуктивного возраста, проживающих в сельской местности, снижения рождаемости на селе, нестабильности брачных союзов, миграции молодежи из сел в города важно поддерживать молодые семьи, проживающие в сельской местности, которые находятся на стадии планирования беременности, женщин, которые хотят стать матерями уже не первый раз, а также многодетные семьи. А также очень важно создавать на сельских территориях такие условия, чтобы молодые мужчины и женщины, получив образование в городе, возвращались в свои села.

За последние несколько лет принят определенный комплекс мер, направленный на развитие демографического потенциала и повышение благополучия молодой сельской семьи [Ростовская, Рычихина, 2023]. Рассмотрим федеральные и региональные меры поддержки семей с детьми.

Во-первых, женщинам, государство предоставляет пособие по беременности и родам в размере 100 % среднего заработка за два календарных года, предшествующих году, в котором начался отпуск по беременности и родам. Во-вторых, женщине предоставляется единовременное пособие при рождении ребенка 26 400,41 руб. (данная мера действуют на всей территории РФ). В-третьих, женщина получает при рождении ребенка материнский (семейный) капитал, его размер в 2025 году составлял: за первого ребенка 690 тыс. рублей, а за второго — 912 тыс.; если сертификат за первого ребенка уже получали, то доплата за второго составлял 221 тыс. рублей; на третьего ребенка или последующих детей материнский капитал — 912 тыс. руб.

В-четвертых, в Ивановской области стоит выделить такой вид поддержки, как единовременная выплата на улучшение жилищных условий (при рождении первого ребенка у матери до 24 лет и второго ребенка в течение 3 лет с даты рождения первого ребенка). В Ивановской области единовременная выплата на улучшение жилищных условий (при рождении первого ребенка у матери до 24 лет и второго ребенка в течение 3 лет с даты рождения первого ребенка) составляет 151 305, 41 руб.

Кроме того, надо упомянуть следующие важные выплаты матерям — пособие по уходу за ребенком до полутора лет. Сумма рассчитывается как 40 % от среднего заработка за последние два года. С 1 января 2025 г. минимальный размер ежемесячного пособия составил 9227,24 рубля (на основании МРОТ), а максимальный — 68 995,48 руб. С 1 января 2025 г. действуют новые правила о стандартных налоговых вычетах. Так, стандартный налоговый вычет на второго ребенка увеличился с 1400 до 2800 рублей, на третьего и каждого следующего ребенка — с 3000 до 6000 рублей. Также с 6 000 до 12 000 рублей увеличен вычет опекунам, попечителям, приемным родителям, супругу (супруге) приемного родителя на каждого ребенка, если несовершеннолетний ребенок является инвалидом.

¹⁸ Рассчитано по: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 года. (Статистический бюллетень). М.: Росстат, 2024. Табл. 2.1.5. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 29.12.2025).

В начале 2025 лет губернатором Ивановской области введен новый пакет региональных мер демографической и семейной политики, охватывающих финансовую и жилищную сферу, образование и здравоохранение. Впервые все финансовые меры поддержки предоставляются вне зависимости от уровня доходов семьи. Часть мер касается молодых семей, где обоим родителям еще нет 35 лет. Если такая семья живет в населенном пункте с численностью до 100 тысяч жителей, то при рождении третьего или последующего ребенка после 1 января 2025 лет она уже имела право получить единовременно 300 тысяч рублей. Для всех беременных жительниц Ивановской области введена новая выплата на питание — 1000 руб. ежемесячно. Целый ряд мер предусмотрен для многодетных семей. Например, им компенсируют 50 % стоимости очного обучения в вузе или колледже Ивановской области на одного ребенка (образовательная миграция в сельских поселениях развита достаточно сильно). Кроме того, уже с 2024 лет в Ивановской области действует такая мера поддержки молодых семей, как студенческий капитал в размере 1 млн руб. для пар, которые родили ребенка в период учебы в университете. В крупном городе это не очень значительная сумма, но в сельской местности — существенная и достаточная для приобретения жилья.

Для привлечения молодежи на сельские территории и комфортного проживания жителей государство осуществляет строительство и модернизацию фельдшерско-акушерских пунктов, ремонт и оснащение сельских школ и детских садов, благоустройство сельских дворов и общественных пространств. Активно внедряются новые программы по развитию сельских территорий, направленные на привлечение в них молодого поколения и создание комфортных условий для жительства («Земский фельдшер», «Земский доктор», «Земский учитель», «Земский работник культуры» и другие). В 2025 году в Ивановской области участниками программы «Земский доктор» стали 18 человек, программы «Земский фельдшер» — 36 специалистов. Размер выплат для врачей-участников составляет 1 млн рублей, а для фельдшеров ФАПов и скорой помощи — 500 тысяч рублей. Благодаря этим мерам в малые города и села Ивановской области в последние годы удалось привлечь сотни молодых работников, которые не только покрыли нехватку кадров в сельской местности, но и возможно в будущем создадут в них свои семьи и родят детей. В Ивановской области также действует комплекс региональных мер поддержки для работников системы здравоохранения. Среди них — «подъёмные» в размере 300 тысяч рублей для молодых врачей, трудоустроившихся в медучреждения региона сразу после выпуска в вузе, единовременная выплата фельдшерам скорой помощи — 200 тысяч рублей. Кроме того, молодые врачи в возрасте до 40 лет могут получить выплату на первый взнос по ипотеке — 900 тысяч рублей. Финансовая поддержка молодых семей и создание комфортных условий для их проживания в сельских территориях являются ключевыми факторами развития демографического потенциала.

Развивать социальную жизнь в глубинке помогает реализация программы «Земский работник культуры». В Ивановской области она стартовала в 2025 году и участниками стали пять человек. Они получили по миллиону рублей, приехав работать в Пестяковский, Родниковский, Приволжский и Ивановский районы. Молодым специалистам также было предоставлено служебное жилье.

Жилищный вопрос — один из основных для молодой семьи [Ростовская, Рычихина, 2024]. На данный момент в Ивановской области действуют «Сельская

ипотека» со ставкой под 3% годовых. Кроме того, в регионе действуют региональные меры поддержки для улучшения жилищных условий молодых семей. В 2024 году 29 молодым семьям выданы свидетельства о получении субсидий. В рамках мероприятия «Государственная поддержка граждан в сфере ипотечного жилищного кредитования» в 2024 году жилищные условия улучшили 22 семьи. По данным переписи населения, в 2021 г. в сельской местности Ивановской области проживали 5263 замужние женщины в возрасте до 35 лет, из которых 82,67 % (4351) уже имели одного или нескольких детей.¹⁹ Однако меры по улучшению жилищных условий в настоящее время касаются очень малой части молодых сельских семей с детьми. Чтобы эта помощь имела демографический эффект, ее масштабы должны быть сильно увеличены.

Заключение

Результаты исследования подтвердили гипотезу исследования о том, что сельское население в репродуктивных возрастах все более сближается с городским по своему брачному, бракоразводному и репродуктивному поведению. Сельские жители, особенно молодежь, уже давно не придерживаются традиционных семейных ценностей. Для них не характерно раннее и практически всеобщее вступление в первый брак, среди них мало распространена многодетность. Среднее число детей в молодых (и не только молодых) сельских семьях лишь немногим больше, чем в городских семьях, и значительно ниже уровня простого замещения поколений. Доля разведенных среди сельских жителей примерно такая же, а доля сожительствующих значительно выше, чем в городах.

Сельские женщины, особенно молодые, переселяются в города гораздо чаще, чем мужчины. Поэтому на селе женщин значительно меньше, чем мужчин. Это расширяет для сельских женщин возможности брачного выбора, но многих из них не устраивают качества и поведение соседей-мужчин (в том числе — пьянство). Поэтому доля замужних среди сельских женщин не выше, чем среди горожанок. Отметим, что 13 % сельских женщин и 25 % сельских мужчин в возрасте от 30 до 44 лет никогда не состояли ни в законном, ни в так называемом «гражданском браке». Необходимо возродить традиционные семейные ценности, но сделать это в сельской местности не легче, чем в городах.

Социальная поддержка молодых семей играет ключевую роль в обеспечении их благополучия. Меры, направленные на помощь молодым сельским семьям с детьми, способствуют улучшению качества жизни женщин, созданию стабильной, здоровой и комфортной среды для воспитания детей. Предоставление молодым сельским семьям больших льгот и пособий, чем городским семьям, необходимо не только для повышения рождаемости, что одинаково затруднительно и в городе, и на селе. Однако эти льготы и пособия необходимы для того, чтобы семьи остались на селе и эта местность не обезлюдела.

Список источников

Гокова О. В., Киселева А. М. Вопросы управления демографическим развитием в РФ, Франции и Германии: сравнительное исследование репродуктивных технологий и отношения молодежи к институту брака // Вопросы управления, 2016. № 2. С. 68—75.

¹⁹ Рассчитано по: Итоги ВПН-2020. Том 9, табл. 3. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom9_Rozhdaemost (дата обращения: 21.12.2025).

- Звонарева А. Е. Факторы брачного выбора жителей г. Иваново: поколенческий аспект // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2024. № 5 (92). С. 139—146.
- Еремкина П. Е. Оценки работающих женщин Урала: удовлетворенность временем на детей, дистанционная занятость и родительское благополучие // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 119—138.
- Кабайкина О. В. Трансформация роли женщины в современном обществе: в семье и на работе // Социология. 2016. № 4. С. 163—169.
- Короленко А. В. Современный демографический кризис в России и Вологодской области: сущность, причины и основные черты // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 1. Ч. 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2015/01/8758> (дата обращения: 16.01.2022).
- Мохаммед Я. А. Рождаемость, брачный возраст и использование контрацепции в Центральной Азии и Северной Африке: сравнительное исследование // Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 55—74.
- Казенин К. И., Идрисов Э. Ш., Имашева М. М. Влияние миграции на рождаемость: случай переселения ногайцев из Республики Дагестан // Женщина в российском обществе. 2018. № 2. С. 75—88.
- Попова Л. А. Современная российская демографическая политика в области рождаемости: результаты и направления совершенствования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2 (44). С. 79—93.
- Радаев В. В. Откладывают ли молодые поколения свое взросление, и в чем это проявляется // Демографическое обозрение. 2025. Т. 12, № 4. С. 4—44. URL: <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i4.30411> (дата обращения: 24.01.2026).
- Ростовская Т. К., Рычихина Н. С. Разработка системы подготовки демографов для комплексного решения демографических проблем // Вопросы управления. 2023. № 2 (81). С. 21—32.
- Ростовская Т. К., Рычихина Н. С. Репродуктивные установки российского студенчества: региональный аспект // Проблемы развития территорий. 2024. Т. 28, № 1. С. 98—114.
- Синельников А. Б. Социально-демографическая дифференциация рождаемости в России // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 95—107.
- Синельников А. Б. Влияние демографической политики на брачность и рождаемость в разных поколениях российских мужчин и женщин: (по данным переписей) // Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 83—101.
- Синельников А. Б., Карпова В. М., Ляликова С. В., Антонов А. И. Влияние репродуктивного опыта родительских семей на вероятность выбора многодетной стратегии родительства // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 71—85.
- Чэн Сюминь, Тань Жюй, Калачикова О. Н. Социокультурные детерминанты брачного и репродуктивного поведения населения в контексте вызовов демографического развития (опыт китайско-российских исследований) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17, № 4. С. 212—230.
- Шабунова А. А., Крошилин С. В., Ярашева А. В., Медведева Е. И. Социально-экономические индикаторы национальных целей развития России: тенденции и прогноз // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17, № 5. С. 40—54.
- Van de Kaa D. J. Demographic transitions // Yi. Zeng (Ed.), Encyclopedia of life support systems (EOLSS). Demography. 2010, Vol. 1. Oxford, UK: Eolss Publishers. P. 65—103.

References

- Cheng, Xiumin, Tan, Ruoyu, Kalachikova, O. N. (2024) Sotsiokul'turnye determinanty brachnogo i reproduktivnogo povedeniia naseleniia v kontekste vyzovov demograficheskogo razvitiia (opyt kitaïsko-rossiiskikh issledovaniĭ) [Sociocultural determinants of marital and reproductive behavior of the population in the context of demographic development challenges (experience of Chinese-Russian studies)], *Ėkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 17, no. 4, pp. 212—230.

- Eremkina, P. E. (2024) Otsenki rabotaiushchikh zhenshchin Urala: udovletvorennost' vremenem na detei, distancionnaia zaniatost' i roditel'skoe blagopoluchie [Assessments of working women in the Urals: satisfaction with time spent on children, remote employment and parental well-being], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 119—138.
- Gokova, O. V., Kiseleva, A. M. (2016) Voprosy upravleniia demograficheskimi razvitiem v RF, Frantsii i Germanii: sravnitel'noe issledovanie reproduktivnykh tekhnologii i otnosheniia molodezhi k institutu braka [Issues of demographic development management in Russia, France and Germany: a comparative study of reproductive technologies and youth attitudes towards the institution of marriage], *Voprosy upravleniia*, no. 2, pp. 68—75.
- Kabaikina, O. V. (2016) Transformatsiia roli zhenshchiny v sovremennom obshchestve: v sem'e i na rabote [Transformation of the role of women in modern society: in the family and at work], *Sotsiologiia*, no. 4, pp. 163—169.
- Kazenin, K. I., Idrisov, E. Sh., Imasheva, M. M. (2018) Vliianie migratsii na rozhdaemost': slu-chai pereseleniia nogajtsev iz Respubliki Dagestan [The impact of migration on fertility: the case of the Nogai resettlement from the Republic of Dagestan], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 75—88.
- Korolenko, A. V. (2015) Sovremennyi demograficheskii krizis v Rossii i Vologodskoi oblasti: sushchnost', prichiny i osnovnye cherty [The modern demographic crisis in Russia and the Vologda oblast: essence, causes and main features], *Gumanitarnye nauchnye issledovaniia*, no. 1, part 1, available from <https://human.snauka.ru/2015/01/8758> (accessed 16.01.2022).
- Mohammed, Ya. A. (2024) Rozhdaemost', brachnyi vozrast i ispol'zovanie kontraceptsii v Central'noi Azii i Severnoi Afrike: sravnitel'noe issledovanie [Fertility, age of marriage, and the use of contraception in Central Asia and North Africa: a comparative study], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 55—74.
- Popova, L. A. (2016) Sovremennaiia rossiiskaia demograficheskaiia politika v oblasti rozhdaemosti: rezul'taty i napravleniia sovershenstvovaniia [Modern Russian demographic policy in the field of fertility: results and directions of improvement], *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, no. 2 (44), pp. 79—93.
- Radaev, V. V. (2025) Otkladyvaiut li molodye pokoleniia svoje vzroslenie, i v chem eto proiavliaetsia [Do the younger generations postpone their growing up, and how does this manifest itself], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 12, no. 4, pp. 4—44, available from <https://doi.org/10.17323/demreview.v12i4.30411> (accessed 24.01.2026).
- Rostovskaya, T. K., Rychikhina, N. S. (2023) Razrabotka sistemy podgotovki demografov dlia kompleksnogo resheniia demograficheskikh problem [Development of a system for training demographers for the integrated solution of demographic problems], *Voprosy upravleniia*, no. 2 (81), pp. 21—32.
- Rostovskaya, T. K., Rychikhina, N. S. (2024) Reproductivnye ustanovki rossiiskogo studenchestva: regional'nyi aspekt [Reproductive attitudes of Russian students: the regional aspect], *Problemy razvitiia territorii*, vol. 28, no. 1, pp. 98—114.
- Shabunova, A. A., Kroshilin S. V., Yarasheva A. V., Medvedeva E. I. (2024) Sotsial'no-ekonomicheskie indikatory natsional'nykh tselei razvitiia Rossii: tendentsii i prognoz [Socio-economic indicators of Russia's national development goals: trends and forecast], *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 17, no. 5, pp. 40—54.
- Sinel'nikov, A. B. (2023) Sotsial'no-demograficheskaiia differentsiatsiia rozhdaemosti v Rossii [Socio-demographic differentiation of fertility in Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 12, pp. 95—107.
- Sinel'nikov, A. B. (2025) Vliianie demograficheskoi politiki na brachnost' i rozhdaemost' v raznykh pokoleniyakh rossiiskikh muzhchin i zhenshchin: (po dannym perepisei) [The influence of demographic policy on marriage and fertility in different generations of Russian men and women: (according to census data)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 83—101.

- Sinelnikov, A. B., Karpova, V. M., Lyalikova, S. V., Antonov, A. I. (2023) Vliianie reproduktivnogo opyta roditel'skikh semei na veroiatnost' vybora mnogodetnoi strategii roditel'stva [The influence of the reproductive experience of parental families on the likelihood of choosing a parenting strategy with many children], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 71—85.
- Van de Kaa, D. J. (2010) Demographic transitions, *Yi. Zeng (Ed), Encyclopedia of life support systems (EOLSS). Demography*, vol. 1. Oxford, UK: Eolss Publishers, pp. 65—103.
- Zvonareva, A. E. (2024) Faktory brachnogo vybora zhitelei g. Ivanovo: pokolencheskii aspekt [Factors of marriage choice of residents of Ivanovo: generational aspect], *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 5 (92), pp. 139—146.

Статья поступила в редакцию 03.04.2026; одобрена после рецензирования 14.04.2026; принята к публикации 25.04.2026.

The article was submitted 03.04.2025; approved after reviewing 14.04.2025; accepted for publication 25.04.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, директор Института социальной демографии ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия, rostovskaya.tamara@mail.ru (D.Sc. (Sociology), Professor, Director of the Institute of Social Demography, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Рычихина Наталья Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия, richihina@mail.ru (Cand. Sc. (Economics), Associate Professor, Department of Sociology, Social Work, and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

Синельников Александр Борисович — доцент, главный научный сотрудник Института социальной демографии ФНИСЦ РАН, профессор кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, sinalexander@yandex.ru (D.Sc. (Sociology), Associate Professor, Principal Researcher, Institute of Social Demography, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Department of Family Sociology and Demography, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)).

Женщина в российском обществе. 2026. № 2. С. 36—53.

Woman in Russian Society. 2026. No. 2. P. 36—53.

Научная статья

УДК 316.346.2:614.2

EDN: <https://elibrary.ru/spwrgd>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.2.3

ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ В СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА

Наталья Сергеевна Григорьева¹,

Татьяна Владимировна Чубарова²

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, grigorieva@spa.msu.ru

² Институт экономики, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу различий в состоянии здоровья и специфике взаимодействия с системой здравоохранения женщин и мужчин в России с учетом социально-экономических факторов. Для этого применена методология гендерного подхода, предполагающая изучение социальных ролей обоих полов в здоровье и здравоохранении. Эмпирическая база исследования сформирована статистическими данными Росстата, результатами национальных выборочных обследований состояния здоровья населения. Констатируется недостаточность существующей гендерной статистики, которая зачастую не содержит необходимых дезагрегированных показателей по полу, что ограничивает возможности проведения углубленных исследований. Авторский анализ указывает на необходимость перехода от традиционных стереотипных представлений о гендере к системному подходу. Приводится аргументация в пользу значимости понятия «гендерные развилки» как инструмента идентификации и преодоления неравенств. В заключении подчеркивается, что реализация гендерной политики в здравоохранении является ключевым элементом улучшения общественного здоровья и устойчивого социально-экономического развития страны.

Ключевые слова: здоровье, здравоохранение, гендерный подход, социальные детерминанты здоровья, «гендерные развилки», междисциплинарный подход

Для цитирования: Григорьева Н. С., Чубарова Т. В. Женщины и мужчины в системе здравоохранения: социально-экономическая повестка // Женщина в российском обществе. 2026. № 2. С. 36—53.

Original article

WOMEN AND MEN IN THE HEALTHCARE SYSTEM: A SOCIO-ECONOMIC AGENDA

Natalia S. Grigorieva¹, Tatiana V. Chubarova²

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, grigorieva@spa.msu.ru

² Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of gender disparities in health status and interactions with the healthcare system in the Russia, grounded in a socio-economic perspective. The research employs a gender approach methodology, which examines social constructs of gender and their influence on shaping healthcare needs. Empirical data sources include Rosstat statistics, national population health surveys, and extensive national and international studies. Key limitations in current gender-disaggregated data are highlighted, particularly the insufficient availability of sex-disaggregated indicators, which hinders in-depth scientific and practical research. The article identifies major health issues and characteristics among Russian men and women: disparities in life expectancy, healthy life expectancy, self-rated health, prevalence of chronic diseases, behavioral risk factors such as smoking and alcohol consumption. Socio-economic determinants including income, poverty levels, education, employment, and the gendered division of unpaid domestic labor are examined for their considerable impact on healthcare access and utilization. The paper reviews important international frameworks and strategic documents such as the 1995 Beijing Declaration, the United Nations Sustainable Development Goals agenda to 2030, and relevant Russian national programs aimed at reducing gender health inequities. The authors argue for moving beyond traditional gender stereotypes toward a systemic approach that accounts for differentiated needs of various social groups and builds health policy based on gender-sensitive data. The concept of “gender points” is argued for as a tool for identifying and overcoming inequalities in health and healthcare. Organizational and methodological challenges are considered, including the urgent need to expand and improve gender statistics, raise healthcare providers’ awareness of gender influences, integrate gender perspectives into clinical research and practice, and foster intersectoral collaboration to tackle complex gender-based health issues. The influence of gender roles on patient behavior is explored, highlighting male stoicism and women’s caregiving roles in family health management, alongside the creation of social conditions that promote healthy behaviors and equitable access to quality healthcare for all population segments. In conclusion, the paper emphasizes that implementing gender-sensitive health policies are crucial for advancing public health and sustainable socio-economic development.

Key words: health, healthcare, gender approach, social determinants of health, gender points, interdisciplinary approach

For citation: Grigorieva, N. S., Chubarova, T. V. (2026) Zhenshchiny i muzhchiny v sisteme zdravookhraneniia: sotsial'no-ekonomicheskaiia povestka [Women and men in the healthcare system: a socio-economic agenda], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2: 36—53.

Введение

Вопросы охраны здоровья населения занимают важное место в политической повестке дня, в том числе в связи с необходимостью обеспечения сбережения населения в условиях современного демографического вызова. Ставятся многосоставные задачи повышения продолжительности жизни, снижения смертности населения, продвижения здорового образа жизни, активного долголетия.

Здоровье является ключевым фактором полноценной жизни граждан, обеспечивая возможность участия в общественно значимых видах деятельности. При этом оно является комплексным феноменом, охватывая широкий круг вопросов, включая

объективные индикаторы и субъективные оценки состояния здоровья, организацию и финансирование системы его охраны, последствий принимаемых решений для здоровья населения и т. д.

Один из аспектов обеспечения здоровья и здравоохранения включает выделение мужчин и женщин как крупных социальных групп в обществе, в основе чего лежит предположение о том, что у каждой из этих групп потребности и их проявления в рассматриваемой сфере могут быть различны. Поэтому они, очевидно, нуждаются в специальном рассмотрении как с научной, так и с практической точки зрения. При этом речь идет о том, что учет таких различий при формировании здравоохранительной политики приведет к повышению ее результативности и эффективности, что особенно важно в условиях ресурсных ограничений, с которыми сталкиваются страны в области охраны здоровья населения.

Задача данной статьи — на основе применения гендерного подхода проанализировать проблемы, которые существуют в области охраны здоровья женщин и мужчин в России и предложить адекватные меры здравоохранительной политики для их решения.

Актуальность выбранной темы обосновывается в вводной части статьи. В первой части представлен краткий обзор релевантной литературы и рассмотрена методологическая основа, базирующаяся на гендерном подходе. Вторая часть посвящена анализу ключевых гендерных проблем здравоохранения, подтвержденных статистическими данными и результатами имеющихся исследований. В заключении предлагаются рекомендации по интеграции гендерной методологии в научные исследования в области здоровья и здравоохранения, указываются возможности ее применения при принятии политических решений.

Методологические подходы к исследованию здоровья женщин и мужчин и их положения в системе здравоохранения

В основе данной работы лежит гендерный подход. По определению П. Бурдье, «гендер — это социальная модель мужчины и женщины, посредством которой рассматривается социальное положение в обществе мужчин и женщин» [Бурдье, 2005]. Смысл «гендера» заключен прежде всего в социальном моделировании пола. Социальный пол конструируется социальной практикой, когда в обществе возникает система норм поведения, предписывающая выполнение определенных ролей; соответственно, возникает жесткий ряд представлений о том, что есть «мужское» и «женское» в данном обществе» [Хрестоматия..., 2000].

Таким образом, гендер понимается как социальная конструкция, в то время как медицина изучает влияние биологических различий между женщинами и мужчинами. Такая двойственность порождает дискуссии о том, как биологические особенности влияют на формирование гендерной идентичности и гендерного поведения. Это включает анализ социальных значений, которые общество приписывает различным биологическим характеристикам мужчин и женщин.

Гендерный подход подразумевает оценку любого планируемого мероприятия с точки зрения его воздействия на мужчин и женщин. Это касается законодательства, стратегий и программ в различных сферах и на разных уровнях. В здравоохранении он определяется как «*учет гендерных различий при анализе системы здравоохранения и формировании политики в области охраны здоровья населения*» [Григорьева, Чубарова, 2001: 18]. Это позволяет выявить различия в состоянии здоровья и качестве

медицинской помощи в зависимости от пола и таким образом помогает системно исследовать социальные факторы, оказывающие влияние на здоровье обоих полов.

Специалисты выделяют три ключевых аспекта, а именно:

- гендерные факторы, определяющие состояние здоровья, и их взаимодействие с другими социальными и структурными факторами;
- особенности поведения мужчин и женщин в отношении своего здоровья;
- гендерная специфика в предоставлении медицинских услуг, включая их доступность и качество [Григорьева, Чубарова, 2001; Здоровье и здравоохранение..., 2007; Григорьева, Чубарова, 2019; Кислицина, Чубарова, 2023].

Ряд проблем здоровья, специфичных для мужчин и женщин, обусловлен биологическими факторами, что отражается в концепциях «женского здоровья» и «мужского здоровья». Однако для комплексного понимания взаимосвязи между социально-экономической средой и состоянием здоровья необходим системный анализ социальных факторов, влияющих как на здоровье женщин и мужчин, так и на их позиционирование в системе здравоохранения [Short, Zacher, 2022]. При этом гендерный подход не содержит противопоставления мужчин и женщин, а наоборот, в его рамках особое внимание уделяется достижению гендерного равенства как стратегической цели. Однако принцип равенства подразумевает возможность дифференцированного подхода к различным социальным группам, что не исключает необходимости исследования специфических характеристик здоровья мужчин и женщин как отдельных категорий. При этом понятие потребности является ключевым для концепции равенства в здоровье и здравоохранении *«с акцентом именно на дифференцированном (а не эгалитарно-уравнительном) распределении ресурсов»* [Здоровье и здравоохранение..., 2007: 73—91].

В целом тема здоровья и здравоохранения в гендерном измерении — не новая для России. Кроме исследований, непосредственно касающихся этих вопросов, в ряде работ рассматриваются различные проблемы, связанные с положением женщин и мужчин в системе здравоохранения. Так, например, есть данные, что в России доля мужчин, не обращающихся за медицинской помощью, почти в два раза выше, чем женщин, а следовательно *«необходимы эффективные мероприятия, направленные на минимизацию экономических барьеров в доступе к медицинской помощи, в том числе: снижение оплаты расходов «из кармана»; устранение транспортных барьеров и улучшение инфраструктуры здравоохранения в сельской местности; продвижение просветительских программ, нацеленных на вовлечение пациента в решение вопросов собственного здоровья и формирование здорового образа жизни...»* [Кислицина, Чубарова, 2023: 103].

В последнее время отмечается усиление интереса к исследованиям здоровья женщин и мужчин главным образом в рамках медицинской проблематики. Широко используется термин «гендерная медицина», но при этом речь идет об отличиях мужчин и женщин как биологических полов в состоянии их здоровья и заболеваемости. Авторы часто указывают, что «в медицине слово «гендер» используется как *«дихотомичный зонтичный термин для отражения как биологических, так и социальных различий между мужчинами и женщинами»*, но подчеркивают, что *«гендерная медицина фокусируется на гендер-акцентных клинических исследованиях, подходах к диагностике, лечению и профилактике заболеваний»* [Красняк, Бондарев, 2022: 85].

На наш взгляд, точнее писать «половые различия в здоровье и болезни» [Драпкина, Ким, 2023: 3657]. Ведь совершенно очевидно: если анализируются «гендерные различия в течении инфаркта миокарда...» [Харисова и др., 2018], то речь идет о том, как в зависимости от пола женщины и мужчины переносят болезнь и ее лечение. Иными словами, половые различия в здоровье и болезни учитывают не только анатомические и функциональные особенности мужского и женского организмов, но и специфические триггерные факторы, влияющие на характер течения болезней внутренних органов, что позволяет разрабатывать дифференцированные методы лечения для пациентов разного пола, что, в свою очередь, способствует более эффективному оказанию медицинской помощи [Красняк, Бондарев, 2022].

В случае гендерного подхода упор делается не на медицинской, а на социальной составляющей заболевания и тех последствиях, которые они могут принести в уровень и качество жизни мужчин и женщин [Брюн, Полунина, 2018]. Для дальнейшего изучения связи половых различий с социально-экономическими факторами болезни, лечения и в целом здравоохранительного поведения, необходимы масштабные исследования, которые расширят представления о половых и гендерных особенностях здоровья и здравоохранения [Шаповалова и др., 2019].

В данном исследовании рассматриваются прежде всего социально-экономические аспекты, которые определяют состояние здоровья женщин и мужчин и особенности их взаимодействия с системой здравоохранения. Его эмпирической базой стали статистические данные и результаты обследований по России. К сожалению, необходимо отметить проблемы с гендерной статистикой — несмотря на то, что Росстат выпускает специальный сборник «Женщины и мужчины России» (ЖиМ)¹, не все необходимые показатели представлены в гендерном разрезе. Это ограничивает возможности для исследований с применением гендерного подхода.

Основные проблемы женщин и мужчин в здравоохранении: гендерный анализ

В 2025 г. исполнилось 30 лет со времени проведения в Пекине IV Всемирной конференции по положению женщин². Принятые там решения положили начало осознанию необходимости переноса основного внимания с женщин на концепцию равенства мужчин и женщин, признав потребность переоценки всей структуры общества и отношений между мужчинами и женщинами внутри него. Итогом конференции стало принятие Пекинской декларации и Платформы действий, которые фактически определили общую повестку расширения прав и возможностей женщин, поскольку на тот момент в мировом сообществе де-факто фиксировалось доминирование мужских прав. Было выделено 12 важнейших направлений как ориентиров для государств, международных организаций и бизнеса по внедрению системных реформ по улучшению положения женщин, в том числе в области здравоохранения.

Позднее появилась Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., в которой цели устойчивого развития (ЦУР) самым тесным образом связали ЦУР 3 (здоровье) и ЦУР 5 (гендер) [Григорьева, Чубарова, 2019: 55—71], что стало своеобразной дорожной картой для достижения прогресса, демонстрирующей примеры взаимодействия ЦУР 3 и 5 с другими глобальными целями устойчивого развития [Григорьева, Чубарова, 2019: 61—63]. При этом гендерное равенство (ЦУР 5)

¹ Статистический сборник «Женщины и мужчины России» (2024) // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Wum_Man_2024.htm (дата обращения: 07.11.2025).

² Пекинская конференция (1995) собрала рекордное число участников: 17 000 официальных делегатов и более 30 000 представителей гражданского общества из 189 государств.

рассматривается не просто как самостоятельная цель, но как системный фактор успеха по всем другим направлениям.

Отмечая важность 30-летия Пекинской платформы действий, участники встречи на высоком уровне, посвященной этой дате в 2025 г., отметили не только прогресс, но и проблемы: глубокое неравенство пока искоренить не удалось, а «цель устойчивого развития номер пять — гендерное равенство — значительно отстает»³.

Это в полной мере относится и к достижению целей в области здоровья и здравоохранения. Обозначим ключевые, на наш взгляд, проблемы как общего характера, так и специфичные для России.

1. При анализе постановки и степени достижения гендерных целей развития в области здравоохранения следует разделять страны по уровню их социально-экономического развития и состоянию систем охраны здоровья. Если в развивающихся странах население сталкивается с открытой дискриминацией женщин во всех областях, в том числе в здравоохранении, то в развитых государствах ситуация не такая критическая. Однако это не означает отсутствие проблем или дискриминации, просто проблема носит более скрытый характер, завуалирована и выявить ее можно только в результате глубинных или сопутствующих исследований, не связанных напрямую с темой здоровья и здравоохранения. Поэтому складывается ситуация, когда существующие неравенства оказываются не видны и, как следствие, не становятся объектом политики — в итоге снижается общая эффективность принимаемых мер.

2. Важным показателем положения женщин и мужчин в системе здравоохранения является доступность. Традиционно выделяют два уровня, а именно — формальный доступ к системе (охват) и возможность получить услуги [Hopkins-Doyle et al., 2024: 63]. На наш взгляд, целесообразно говорить также об использовании услуг здравоохранения, то есть ситуации, когда женщины и мужчины реально получают ту или иную услугу.

В России нет прямой дискриминации женщин, все население, независимо от каких-либо других факторов, охвачено обязательным медицинским страхованием (ОМС). Но данные и исследования показывают существование проблем внутри системы здравоохранения и в обществе в целом, которые влияют на взаимодействие женщин и мужчин с этой системой и находят отражение в состоянии их здоровья.

3. Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) является одним из наиболее часто используемых показателей здоровья населения, и гендерные различия в ОПЖ при рождении, как правило, благоприятствуют женщинам, которые в среднем живут дольше. По данным Росстата, в 2024 г. ОПЖ в России составила 72,8 года. При этом мужчины жили в среднем 68,45 года, а женщины — 78,39 года, т. е. на 10 лет дольше.

Однако данные относительно ОПЖ не учитывают качество жизни, в том числе и в более поздние годы, для этого используется такой показатель как «годы здоровой жизни», в течение которых человек, как ожидается, будет находиться в хорошем и функциональном состоянии здоровья. В России ожидаемая продолжительность здоровой жизни составляет 61,4 года⁴. Увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ) прописано в Указе о национальных целях развития Российской

³ Неделя высокого уровня: в ООН отметили достижения в области прав женщин // Новости ООН. 2025. 22 сентября. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/09/1466438> (дата обращения: 07.11.2025).

⁴ Егоршева Н. «Голикова: Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в России составляет 61,4 года» // «Российская газета». 2024. 13 мая. URL: https://rg.ru/2024/05/13/golikova-ozhidaemaia-prodolzhitelnost-zdorovoj-zhizni-v-rf-sostavliaet-614-goda.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 13.11.2025).

Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года⁵. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни — это число лет, которое останется, если вычест из ее общей длины время тяжелых болезней, она рассчитывается с использованием различных методов [Панафидина и др., 2024]. В России с 2019 г. Росстат проводит ежегодный расчет ОПЗЖ на основе результатов «Выборочного наблюдения состояния здоровья населения» («ВНСЗН», 60 тысяч домохозяйств в год), результаты расчетов выкладываются в открытый доступ на портале ЕМИСС (Единая межведомственная информационно-статистическая система) без деления по полу⁶, в то время как ожидаемая продолжительность здоровой жизни, являясь интегральным показателем, способна давать информацию о «качестве» роста ожидаемой продолжительности жизни как мужчин, так и женщин.

Женщины живут дольше, но у них выше показатель по годам нездоровой жизни, они имеют больше хронических заболеваний и чаще обращаются за медицинской помощью. Мужчины реже посещают врачей, но чаще подвержены летальным исходам при сердечно-сосудистых и онкологических заболеваниях [Драпкина, Ким, 2023]. Причем это происходит и в развитых странах, где практически нет гендерного разрыва в ОПЖ, и в России, где он фиксируется, и при этом отсутствует дискриминация в доступе к услугам здравоохранения.

Один из традиционных показателей, который используют в гендерных исследованиях здравоохранения, — самооценка состояния здоровья⁷. Женщины обычно оценивают состояние своего здоровья ниже, чем мужчины.

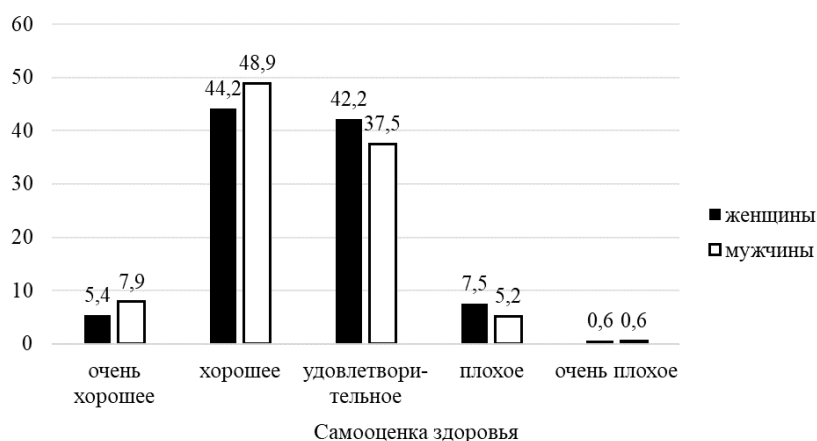


Рис. 1. Самооценка состояния здоровья мужчин и женщин по данным Выборочного наблюдения состояния здоровья, %, 2024 г.

Источник: Женщины и мужчины России 2024: стат. сб.

М.: Росстат, 2024. С. 38

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542?ysclid=mlnlqb5run332499788> (дата обращения: 13.11.2025).

⁶ ЕМИСС. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59456> (дата обращения: 13.11.2025).

⁷ Исследования показывают, что гетерогенность самооценки здоровья по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) возникает из-за систематических различий в восприятии здоровья разными группами населения, что приводит к неверным выводам при прямом сравнении.

Данные на рисунке 1 показывают, что в настоящее время различия в оценке состояния здоровья между мужчинами и женщинами в России сохраняются. Причем они отмечаются и при учете других факторов, например, места проживания: женщины оценивают свое здоровья хуже, чем мужчины.

4. Гендер выступает как социально-экономический детерминант здоровья. Однако он действует не изолированно, а взаимодействует с другими детерминантами, такими как доход, образование, обеспеченность жильем. Именно на пересечениях детерминант могут образовываться гендерные разрывы [Здоровье и здравоохранение..., 2007; Григорьева, Чубарова, 2020], преодолеть которые в рамках только одной группы детерминант практически невозможно [Герри, Байдин, 2017: 31—36].

Традиционно значимую роль играет фактор дохода. Как у женщин, так и у мужчин он положительно коррелируется с самооценкой здоровья. Эта взаимосвязь может отражать тот факт, что более высокие доходы обеспечивают более широкий доступ к профилактической медицинской помощи и скринингу, здоровому образу жизни (например, более частое использование методов лечения и профилактики, улучшающих здоровье, рост возможностей приобретать более здоровую пищу) и улучшают условия жизни (например, изменить жилищные условия, место проживания на экологически более благоприятное).

На протяжении достаточно долгого периода времени отмечается разрыв в доходах мужчин и женщин. Отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин в России в 2023 г. составило 69,6 % [ЖиМ, 2024: 95].

Статистика показывает более высокий уровень бедности среди женщин. Численность женщин с денежными доходами ниже границы бедности/ величины прожиточного минимума по всем возрастным группам выше с наименьшей разницей в пенсионном возрасте. При этом наибольшая доля с наименьшими доходами приходится на женщин в активном трудоспособном возрасте (31,2 % в возрасте 16—29 лет и 33,4 % в возрасте 30—54 лет). Такая же тенденция наблюдается и у мужчин, с той лишь разницей, что их показатели несколько лучше (26,5 % в возрасте 16—29 лет и 27,7 % в возрасте 30—59 лет).

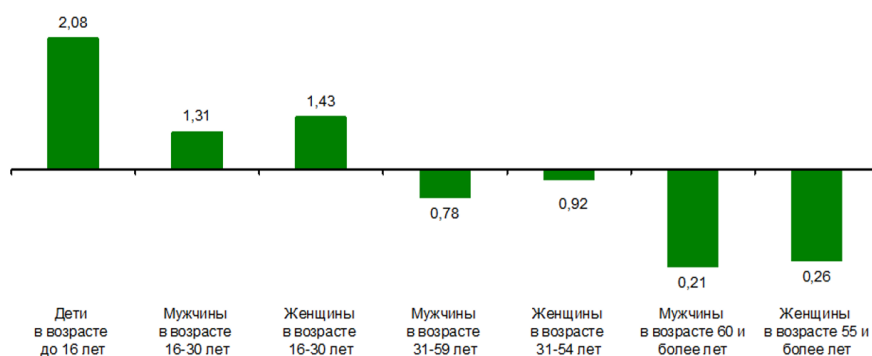


Рис. 2. Индекс риска бедности в зависимости от пола и возраста населения в 2023 г. (по данным выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах)

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2025: стат. сб. М.: Росстат, 2025. С. 117

Таким образом, у женщин выше риск бедности (рис. 2). Этот фактор в условиях достаточно высокого уровня платных услуг в российском здравоохранении косвенно свидетельствует о том, что доступность для женщин может быть ограничена. Более того, поведение, ухудшающее здоровье, чаще встречается среди людей с низким доходом, они не только заболевают раньше, но и показывают, как правило, худшие результаты по сравнению с людьми с более высоким доходом или более высоким уровнем образования, что ставит их в двойное невыгодное положение.

Женщины в России наравне с мужчинами вовлечены в трудовую деятельность как в формальной, так и в теневой экономике. Вместе с тем они еще и активно заняты в домашнем хозяйстве. Согласно данным Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением, проведенного Росстатом в 2019 г., затраты на оказание неоплачиваемых бытовых услуг в будние дни, включая приготовление пищи, уборку и т. д., составили у работающих женщин в городской местности 2 часа 5 минут, а в сельской — 2 часа 28 минут. А вот у работающих мужчин эти показатели принципиально меньше, 53 и 58 минут, соответственно. Причем в выходные дни, хотя общее число часов на работу «по хозяйству» вырастает, у мужчин по-прежнему на нее уходит в два раза меньше времени, чем у женщин, а именно 2 часа 22 минуты против 4 часов 14 минут в городе и 2 часа 24 минуты против 4 часов 42 минут на селе [ЖиМ, 2024: 140].

В последнее время исследователи стали больше уделять внимание фактору возраста, который влияет и на положение женщин и мужчин в системе здравоохранения. Это связано с тем, что женщины преобладают среди пожилых людей и объективно чаще пользуются услугами системы здравоохранения. Именно этот разрыв порождает стереотип, что пожилые женщины — «главные посетители поликлиник» и что в медицинской помощи нуждаются одни «старушки». Это, в свою очередь, снижает статус государственных поликлиник. Молодежь чаще прибегает к дополнительным/платным услугам. Во-первых, молодые люди стараются трудоустроиться на предприятия или в учреждения, которые предоставляют «социальный пакет», куда входит и полис ДМС (полис добровольного медицинского страхования полного покрытия или покрытия на паритетных началах). Во-вторых, им важна возможность быстро получить услугу, зачастую в момент обращения. В-третьих, в обществе отмечается определенная доля эйджизма, который присутствует в поведении молодых людей по отношению к старшим, в данном случае — пожилым женщинам.

5. Необходимо отметить факторы здоровья, по которым традиционно «лидируют» мужчины. Во-первых, у них выше уровень занятости в отраслях с тяжелыми условиями труда и соответственно выше уровень производственного травматизма. Так, например, в 2023 г. доля женщин среди пострадавших на производстве с утратой трудоспособности на 1 день и более и со смертельным исходом составила 29,2 %, а доля мужчин — 70,8 %, что в пересчете на 100 000 работающих составило 70,6 и 122,1 человек соответственно [ЖиМ, 2024: 92]. Если выделить только пострадавших на производстве с утратой трудоспособности со смертельным исходом, то доля мужчины достигает почти 95 %, а женщин — около 5 %. В результате в пересчете на 100 000 работающих это составляет 8,7 мужчин и 0,7 женщин. [ЖиМ, 2024:93]. Во-вторых, среди мужчин выше распространенность таких вредных привычек, как курение и употребление алкоголя: среди курящих — 77,5 % мужчин и 22,5 % женщин. При этом мужчины начинают курить гораздо раньше — в возрасте 15—17 лет данное соотношение составляет 93,1 % и 6,9 % (табл. 1).

Таблица 1

Употребление табака населением в 2024 г.

	Да, ежедневно	Не каждый день (периодически)	Нет, совсем не курю и не курил ранее	Отказ от ответа
Всего	16,3	2,3	66,8	0,6
Мужчины	28,8	3,4	43,2	0,6
Женщины	6,2	1,4	85,9	0,5

По данным Выборочного наблюдения состояния здоровья населения; %

Источник: Здравоохранение в России, 2025

Похожая ситуация складывается и с употреблением алкоголя: мужчины употребляют спиртных напитков больше и чаще, чем женщины (табл. 2)

Таблица 2

Распределение женщин и мужчин по частоте употребления
алкогольных напитков в 2024 г.

	Женщины	Мужчины	Распределение по полу	
			Женщины	Мужчины
Лица в возрасте 15 лет и более, употребляющие алкогольные напитки в течение последних 12 месяцев	100	100	48,0	52,0
в том числе по максимальной частоте употребления всех видов алкогольных напитков:				
4—5 дней в неделю и более	0,8	3,2	18,5	81,5
2—3 дня в неделю	4,1	13,9	21,5	78,5
2—4 раза в месяц	28,7	44,8	37,1	62,9
1 раз в месяц и реже	66,3	38,0	61,7	38,3

По данным Выборочного наблюдения состояния здоровья населения; %

Источник: Здравоохранение в России, 2025

Среди заболевших ВИЧ инфекцией традиционно преобладают мужчины — в 2023 г. их доля в числе зарегистрированных больных с данным диагнозом составила 48 человек на 100 000 населения соответствующего пола, а женщин — 29. Заболеваемость активным туберкулезом среди мужчин также практически была в 2 раза выше (2024) — 39, 6 и 15,9 человека на 100 000 человек населения с диагнозом, установленным впервые.

Для российских мужчин характерна более ранняя инвалидизация. Так, в общей численности граждан в возрасте 18 лет и старше, впервые признанных инвалидами, в 2023 г. женщины составили 47,8 %, а мужчины — 52,2 %. При этом в трудоспособном возрасте мужчин-инвалидов значительно больше — 62,6 % против 37,4 % соответственно [ЖиМ, 2024].

6. Необходимо отдельно отметить проблемы женщин в области здоровья и его охраны, обусловленные репродуктивным здоровьем и связанные с беременностью и родами. В настоящее время этим вопросам уделяется много внимания, в том числе и в

связи с политикой, направленной на преодоление демографического кризиса в стране. Вместе с тем данные показывают, что среди беременных женщин сохраняется высокий уровень заболеваемости. Так, например, среди женщин, закончивших беременность, доля страдающих анемией устойчиво составляет около 34 %, болезни мочеполовой системы отмечены у 15—16 %, а венозные осложнения — у 5—6 % женщин. То есть каких-либо существенных улучшений по рассматриваемым показателям не отмечается. Одновременно статистика фиксирует резкий рост страдающих сахарным диабетом среди беременных женщин — с 2,2 % в 2015 г. до 13,6 % в 2024 г.

Отметим, что беременность в первую очередь является биологическим процессом, который включает значительные физиологические изменения: гормональные сдвиги, перестройку сердечно-сосудистой и эндокринной систем и т. д. Однако она влияет на гендерные/социальные роли (например, ожидание материнства, подготовка отцов, перераспределение обязанностей в семье).

Важный аспект, на который мало обращают внимания исследователи, но который также оказывает влияние на состояние здоровья, можно определить следующим образом: женщины как организаторы охраны здоровья в семье. Это можно выявить в качественных исследованиях. Так, анализ здоровья работающих женщин и мужчин пенсионного возраста показал, что за здоровьем мужчин и их взаимодействием с системой здравоохранения следят главным образом жены [Григорьева, Чубарова, 2025: 62].

Также особо отметим роль женщин как ухаживающих субъектов — за престарелыми, инвалидами, другими членами семьи, что, безусловно, имеет последствия для их здоровья [Паллиативная помощь, 2021: 306—321]. Женщины, кроме непосредственной организации ухода, еще обеспечивают эмоциональную поддержку, при этом вынуждены работать и зачастую жертвовать своей карьерой⁸.

7. В системе здравоохранения также отмечаются гендерные «перекосы». Здесь необходимо зафиксировать следующие аспекты. Вплоть до XIX в. внимание к женскому здоровью было сосредоточено преимущественно на аспектах, связанных с деторождением. Информация о болезнях и способах лечения была получена на основе исследований исключительно мужского здоровья, а поскольку женщины не допускались во врачебную специальность, то и исходила она также от мужчин, и многим аспектам женской анатомии и физиологии просто не уделялось достаточного внимания. Женщины не участвовали в клинических исследованиях, на основе результатов которых могла бы строиться база данных о женском здоровье⁹. Считалось, что ответ женского организма, например, на исследуемые лекарства, будет таким же, как у мужчин [Liu, Mage, 2016; Перес, 2024].

⁸ В России любой трудоспособный человек, не работающий и не получающий пособие по безработице, получает выплату 1200—2600 руб. (в зависимости от региона и категории) как надбавку к пенсии подопечного; стаж (1,8 баллов в год) ухаживающему сохраняется. Для родителей, ухаживающих за детьми-инвалидами, выплаты выше — 11 695 руб.

⁹ Например, только в 1993 г. Национальный институт здравоохранения США выпустил специальное постановление о том, что женщины должны участвовать в клинических исследованиях: Institute of Medicine (US) Committee on ethical and legal issues relating to the inclusion of women in clinical studies; Mastroianni A.C., Faden R., Federman D. (eds.) Women and health research: ethical and legal issues of including women in clinical studies: volume I. Washington (DC): National Academies Press (US); 1994. Chapter: Appendix A: Reports on women's participation in clinical studies, 1977—1993. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK236531/?report=reader> (дата обращения: 20.11.2025).

Только в конце XX в. в исследованиях стали идентифицировать различия мужчин и женщин в сфере здоровья и доступности для них услуг здравоохранения, а проблемы здоровья начали связывать с широким кругом вопросов, относящихся к гендерным ролям. Однако вопрос о включении женщин в клинические испытания, с одной стороны, и учет различий между женщинами и мужчинами в клинических проявлениях, психологических эффектах, течении болезни и, наконец, реакции на лечение, которые характерны для ряда заболеваний, с другой стороны, стал рассматриваться не так давно. В продолжение Акта (закона) о возрождении (реформировании) Национального института здравоохранения 1993 года (NIH Revitalization Act, 1993), обязавшего включать женщин и меньшинства в клинические исследования, Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (FDA — Food and Drug Administration) в 1994 г. открыло отдел женского здоровья; в том же году Институт медицины (ИОМ — ныне Национальная академия медицины США) издал отчет под названием «Женщины и медицинские исследования», в котором были описаны две формы исторической половой дискриминации в дизайне и реализации клинических исследований; в европейских странах в 2014 г. Регламентом ЕС о клинических испытаниях № 536/2014 (EU Clinical Trial Regulation № 536/2014) были введены правила прозрачности данных по гендеру и меры защиты для беременных. В России нет прямого запрета на участие женщин в клинических испытаниях, за исключением беременных и кормящих (кроме случаев, когда препарат предназначен для них) — в 1998 г. Федеральный закон № 86—ФЗ «О лекарственных средствах» запретил исследования на беременных (кроме специальных случаев), но разрешил для других женщин; также принят ГОСТ 42–511–99 по качественным клиническим испытаниям (женщины участвуют пропорционально, но без обязательных квот или разбивки данных по полу испытуемых [Красняк, Бондарев, 2022: 86–87]).

Исследования также отмечают различия в проявлении заболеваний: например, у женщин и мужчин сердечные приступы случаются с одинаковой частотой, но риск смерти в течение пяти лет после первого тяжелого сердечного приступа у женщин на 20 % выше. Симптомы инфаркта у женщин часто отличаются от мужских¹⁰. Многие женщины не испытывают сильной боли в груди, которая является классическим симптомом сердечного приступа у мужчин, и инфаркты у женщин часто имеют «неклассический» сценарий [Шаповалова и др., 2019]. Учет этих факторов по меньшей мере требует повышения грамотности медиков и, возможно, корректировку соответствующих стандартов.

В сфере здравоохранения и социальных услуг преобладают женщины — такова картина во всех странах, Россия не является исключением: женщины составляют 80 % занятых против 20 % мужчин. Впереди только сфера образования, где 82 % занятых — женщины. Показатель отношения заработной платы женщин и мужчин в здравоохранении и социальных услугах довольно высокий и составляет 86,1 % [ЖиМ, 2024: 95]. При этом средний возраст занятых в здравоохранении женщин и мужчин практически одинаков — около 44–45 лет.

¹⁰ Стало известно, как отличаются признаки сердечного приступа у мужчин и женщин // «Рамблер/здоровье». 2021. 20 апреля. URL: https://doctor.rambler.ru/pharma/46260862/?utm_content=doctor_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylinkhttps://doctor.rambler.ru/pharma/46260862-stalo-izvestno-kak-otlichayutsya-priznaki-serdechnogo-pristupa-u-mu-zhchin-i-zhenschin/ (дата обращения: 20.11.2025).

Вместе с тем мужчины в целом занимают более высокое положение в системе здравоохранения. Например, женщины преобладают среди медицинских сестер: они составляют значительную долю занятых в здравоохранении и имеют диплом о среднем образовании. Может быть, поэтому доля работающих в здравоохранении мужчин с высшим образованием существенно ниже, чем женщин, хотя в среднем по экономике уровень образования женщин традиционно выше (рис. 3).

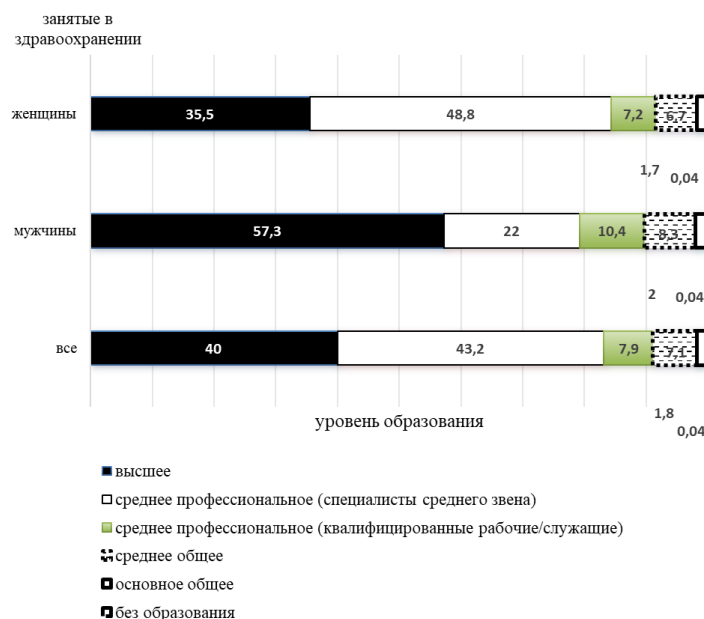


Рис. 3. Распределение занятых по уровню образования в здравоохранении в России, 2024, %
Источник: Здравоохранение России, 2025

Обсуждение

Гендерный подход следует использовать с учетом уже имеющихся достижений, опираясь на национальные традиции и особенности. При этом нужна специальная политика учета социальных различий между мужчинами и женщинами, которая концептуализирует гендерный подход, что в итоге будет способствовать оказанию более качественной и доступной медицинской помощи для представителей обоих полов и как результат — улучшению состояния здоровья населения в целом и повышению ОПЖ.

При этом задачи, которые стоят перед Россией в области реализации тех преимуществ, которые дает использование гендерного подхода, можно условно разделить на две группы: теоретико-методологические и организационные.

Теоретико-методологические задачи связаны с использованием в исследованиях в области здравоохранения таких понятий, как гендерное равенство/неравенство, «гендерные развилки», гендерные стереотипы и т. д.

Гендерное равенство предполагает, что дифференцированное отношение к мужчинам и женщинам является необходимым условием для достижения паритетных

результатов. Для реализации этой задачи государству необходимо разрабатывать и внедрять осознанные стратегии, поскольку оно выступает ключевым субъектом в процессе обеспечения гендерного равенства.

Введение понятия «гендерные развилки» призвано подчеркнуть, что для достижения гендерного равенства в здоровье и системе здравоохранения допустимо использовать различные инструменты в отношении женщин и мужчин. Это позволит выявить, *«как одинаковые действия могут влиять на здоровье мужчин и здоровье женщин»*, и актуализирует *«необходимость по-разному воздействовать на их здоровье для решения одних и тех же задач здравоохранительной политики»* [Григорьева, Чубарова, 2019: 59]. Выявление гендерных развилки позволяет определить лучшие маршруты для мужчин и женщин в поддержании здоровья, лечении или реабилитации, что важно при выборе технологий преодоления различий и достижения равенства с учетом специфики государственного управления и институциональных особенностей системы здравоохранения России.

Подход к исследованиям здоровья мужчин и женщин через гендерные стереотипы — устойчив и удобен, но представляется мало плодотворным для решения всего комплекса проблем здоровья мужчин и женщин и их взаимоотношений с системой здравоохранения. Стереотипами можно многое (если не все) объяснить, а поскольку они очень медленно меняются, то и сложившаяся картина становится привычной, а стремления к ее изменению вялотекущими [Герри, Байдин, 2017: 31—36]. Анализ поведенческих факторов свидетельствует, что преодоление гендерных стереотипов возможно, если больше внимания уделять оценке индивидуального отношения к своему здоровью как мужчин, так и женщин. Кроме того, исследователи отмечают, что происходит усиление других факторов, которые «ломают» привычные стереотипы [Кислицина, Чубарова, 2023: 94—108].

Значительный вклад в наблюдаемую картину гендерного равенства/неравенства мужчин и женщин в вопросах здоровья и здравоохранения вносят здоровые/нездоровые модели поведения как среди пациентов, так и среди медицинских работников. Например, сформировавшиеся представления о «мужском» стоицизме могут отпугивать мужчин от посещения медицинских организаций, от профилактической медицины вообще, в то время как обязанности по уходу за детьми, малоподвижными членами семьи, представления о том, что это исключительно «женская работа», могут ограничивать доступ женщин к медицинской помощи и усугублять пробелы в понимании специфических потребностей женщин в области здравоохранения.

Организационные задачи определяются необходимостью определить то основное звено, потянув за которое можно вытащить всю цепь. На наш взгляд — это комплексный подход, который предполагает участие в решении вопросов здоровья и здравоохранения всех заинтересованных сторон, взаимосвязь между секторами, ведомствами и специалистами, вступающими во взаимодействие во имя достижения поставленных целей.

Хотя в России не отмечаются радикальные гендерные различия в здравоохранении, однако они сохраняются в других сферах и оказывают влияние на состояние здоровья. Поэтому необходимо стимулировать межсекторное и многостороннее взаимодействие в разработке и реализации политики в этой области в направлении создания устойчивых объединений институционально независимых государственных и негосударственных участников, вовлеченных в процесс принятия решений, а главное — в процесс их исполнения. Такой подход должен быть направлен на достижение

конкретных результатов и устранение гендерных диспропорций. Это требует преодоления узкого понимания комплексного подхода в здравоохранении (участие команды специалистов, объединяющих усилия для достижения максимального терапевтического результата в решении проблем здоровья конкретного пациента¹¹), когда комплексность рассматривается только как важнейшая характеристика медицинской услуги.

Значимость обратных связей между целями политики также не подлежит сомнению. В частности, решение проблем, связанных с гендерными социальными детерминантами здоровья, такими как худшие показатели на рынке труда, более низкие уровни доходов и повышенный риск бедности в пожилом возрасте у женщин, может существенно улучшить здоровье женщин и их доступ к медицинским услугам. Это, в свою очередь, создаст положительную синергию, способствующую дальнейшему укреплению здоровья и благополучия данной социально-демографической группы.

Для реализации таких задач необходимо внедрение дополнительных мер, направленных на повышение осведомленности и обучение медицинского персонала, чтобы устранить гендерную предвзятость и недостаточную представленность женщин в исследованиях и клинических испытаниях. Это позволит обеспечить более эффективное и справедливое оказание медицинской помощи всем пациентам, независимо от пола.

В заключении хотелось бы отметить, что определенным препятствием для развития гендерного подхода является дефицит информации. В большинстве государственных программ отсутствует разделение статистических данных по полу, несмотря на то, что в соответствии со статьей 6 Федерального закона «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации» от 11 июля 2018 г. государственные статистические отчеты должны включать гендерные показатели изменения положения населения. Поэтому исследователи довольно часто получают информацию из опросов населения, например, данных Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ) или Выборочного наблюдения за состоянием здоровья населения, проводимых Росстатом¹². Вместе с тем разбивка по полу имеющихся статистических показателей является необходимым условием для улучшения качества мониторинга достижений в области здоровья мужчин и женщин России, обозначенных еще в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», а также для реализации федеральных проектов «Старшее поколение» и «Укрепление общественного здоровья» национального проекта «Демография», равно как и разработки мер демографической и социальной политики, количественного измерения их эффективности.

Таким образом, полученные в ходе данного исследования результаты свидетельствуют о недостаточном внимании к гендерным вопросам здоровья и здравоохранения в России со стороны как исследователей, так и политиков, управленцев. Гендерный

¹¹ Комплексный подход к здоровью // СберЗдоровье. URL: <https://sberhealth.ru/library/zdorove/kompleksnyj-podhod-k-zdorovju> (дата обращения: 27.11.2025).

¹² Приказ Федеральной службы государственной статистики от 28 июня 2024 г. N 266 «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения с указаниями по их заполнению Выборочного наблюдения состояния здоровья населения в 2024 году» // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409360001/> (дата обращения: 28.11.2025).

подход должен стать ядром здравоохранительной политики, основанной на оценке социальной и экономической эффективности мер, направленных на преодоление проблем со здоровьем женщин и мужчин и их позиционирования в системе здравоохранения.

Список источников

- Брюн Е. А., Полунина А. Г. Депрессия, тревожные расстройства и антисоциальное расстройство личности как факторы риска или следствие алкоголизма и наркомании: гендерные аспекты // Наркология. 2018. Т. 17, № 11. С. 74—85.
- Бурдые П. Мужское господство. Социальное пространство. Поля и практики. М.; СПб.: Алетея, 2005. 300 с.
- Герри К. Д., Байдин В. М. (2017) Источники искажений в самооценке здоровья // Фармаэкономика. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. 2017. Т. 10, № 4. С. 31—36.
- Григорьева Н. С., Чубарова Т. В. Здоровье как фактор работы женщин и мужчин пенсионного возраста и проблема его поддержания // Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 54—70.
- Григорьева Н. С., Чубарова Т. В. Продвижение здоровья в контексте поведенческой экономики: гендерный аспект // Народонаселение. 2020. Т. 23, № 2. С. 112—124.
- Григорьева Н. С., Чубарова Т. В. Гендерные развилки здоровья и здравоохранения в России // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 55—71.
- Григорьева Н. С., Чубарова Т. В. Гендерный подход в здравоохранении. М.: Альфа-Принт, 2001. 96 с.
- Драпкина О. М., Ким О. Т. Половые и гендерные различия в здоровье и болезни. Часть I. Эволюционная // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2023. Т. 22, № 8. С. 68—79.
- Драпкина О. М., Ким О. Т. Половые и гендерные различия в здоровье и болезни. Часть II. Клиническая и медико-социальная // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2023. Т. 22, № 12. С. 176—186.
- Женщины и мужчины России: статистический сборник. 2024. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. 178 с.
- Здоровье и здравоохранение в гендерном измерении / под общ. ред. Н. М. Римашевской. М.: Социальный проект, 2007. 240 с.
- Кислицина О. А., Чубарова Т. В. Факторы, влияющие на обращаемость россиян за медицинской помощью: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 94—108.
- Красняк Э. В., Бондарев К. В. Прошлое, настоящее и будущее гендерной медицины в России и мире // Профилактическая медицина. 2022. Т. 25, № 10. С. 84—90.
- Паллиативная помощь как сфера междисциплинарного взаимодействия: от теории к практике / под ред. Н. С. Григорьевой, С. И. Колесникова, Т. В. Чубаровой. М.: ЛЕНАНД, 2021. 400 с.
- Панафидина И. А., Шибалков И. П., Тюфиллин Д. С., Кобякова О. С., Деев И. А., Никитина С. Ю. Сравнительный анализ подходов к оценке ожидаемой продолжительности здоровой жизни // Социальные аспекты здоровья населения. 2024. Т. 70, № 4.
- Перес К. К. Невидимые женщины: почему мы живем в мире, удобном только для мужчин. Неравноправие, основанное на данных: пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2022. 538 с.
- Харисова Э. Х., Балеева Л. В., Галеева З. М., Галявич А. С. Гендерные различия в течении инфаркта миокарда // Неотложная кардиология. 2018. № 4. С. 35—40.
- Хрестоматия по курсу «Основы гендерных исследований» / отв. ред. О.А. Воронина М.: МЦГИ, 2000. 396 с.

- Шаповалова Э. Б., Максимов С. А., Артамонова Г. В. Половые и гендерные различия сердечно-сосудистого риска // Российский кардиологический журнал. 2019. № 4. С. 99—104.
- Hopkins-Doyle A., Chalmers J., Toribio-Flórez D., Cichocka A. Gender disparities in social and personality psychology awards from 1968 to 2021 // *Communications Psychology*, 2024. Vol. 2, no. 1. 10 p.
- Liu K. A., Mager N. A. Women's involvement in clinical trials: historical perspective and future implications // *Pharmacy Practice*. 2016. Vol. 14, № 1. 9 p.
- Short S. E., Zacher M. Women's Health: Population Patterns and Social Determinants // *Annual Review of Sociology*. 2022. Vol. 48, no. 1. P. 277—298.

References

- Bourdieu, P. (2005) *Muzhskoe gospodstvo. Sotsial'noe prostranstvo. Polia i praktiki* [Male Domination. Social Space. Fields and Practices]. Moscow; Saint Petersburg: Aleteya.
- Bryun, E. A., Polunina, A. G. (2018) Depressiia, trevozhnye rasstroistva i antisotsial'noe rasstroistvo lichnosti kak faktory riska ili posledstvie alkogolizma i narkomanii: gendernye aspekty [Depression, anxiety disorders and antisocial personality disorder as risk factors or consequences of alcoholism and drug addiction: gender aspects], *Narkologia*, vol. 17, no. 11, pp. 74—85.
- Chubarova, T. V., Grigorieva, N. S. Kolesnikov, S. I. (Eds.) (2021) *Palliativnaia pomoshch' kak sfera mezhdisciplinarnogo vzaimodejstviia: ot teorii k praktike* [Palliative care as a field of interdisciplinary interaction: from theory to practice]. Moscow: LENAND, 400 p.
- Drapkina, O. M., Kim, O. T. (2023) Polovye i gendernye razlichiya v zdorov'e i bolezni. Chast' I. Èvolutsionnaia [Sex and gender differences in health and disease. Part I. Evolutionary], *Kardiovaskuliarnaia terapiia i profilaktika*, vol. 22, no. 8, pp. 68—79.
- Drapkina, O. M., Kim, O. T. (2023) Polovye i gendernye razlichia v zdorov'e i bolezni. Chast' II. Klinicheskaia i mediko-sotsial'naia [Sex and gender differences in health and disease. Part II. Clinical and medical-social], *Kardiovaskulyarnaia terapiia i profilaktika*, vol. 22, no. 12, pp. 176—186.
- Gerry, K. D., Baydin, V. M. (2017) Istochniki iskazhenii v samootsenke zdorov'ia [Sources of BIAS in self-assessed health], *Farmaèkonomika. Sovremennaia farmakoèkonomika i farmakoèpidemiologiia*, vol. 10, no. 4, pp. 31—36.
- Grigorieva, N. S., Chubarova, T. V. (2001) Gendernyi podkhod v zdavookhraneni [Gender approach in health care]. Moscow: Al'fa-Print, 96 p.
- Grigorieva, N. S., Chubarova, T. V. (2020) Prodvizhenie zdorov'ia v kontekste povedencheskoï èkonomiki: gendernyi aspekt [Health Promotion in the context of behavioral economics: gender aspect], *Narodonaselenie*, vol. 23, no. 2, pp. 112—124.
- Grigorieva, N. S., Chubarova, T. V. (2019) Gendernye razvilki zdorov'ia i zdavooxraneniia v Rossii [Gender Road Junction of Health and Healthcare in Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 55—71.
- Grigorieva, N. S., Chubarova, T. V. (2025) Zdorov'e kak faktor raboty zhenshchin i muzhchin pensionnogo vozrasta i problema ego podderzhaniia [Health status as a factor to continue working for women and men of retirement age and the problem of its protection], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 54—70.
- Hopkins-Doyle, A., Chalmers, J., Toribio-Flórez, D., Cichocka, A. (2024) Gender disparities in social and personality psychology awards from 1968 to 2021, *Communications Psychology*, vol. 2, no. 1.
- Kislitsina, O. A., Chubarova, T. V. (2023) Faktory, vliiaushchie na obrashchaemost' rossiian za meditsinskoï pomoshch'iu: gendernyi aspekt [Factors influencing Russians' applications for medical assistance: gender aspect], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 94—108.

- Kharisova, E. Kh., Baleyeva, L. V., Galeeva, Z. M., Galyavich, A. S. (2018) Gendernye razlichii v techenii infarkta miokarda [Gender differences in the course of myocardial infarction], *Neotlozhnaya kardiologiya*, no. 4, pp. 35—40.
- Krasniak, E. V., Bondarev, K. V. (2022) Proshloe, nastoyashchee i budushchee gendernoï mediciny v Rossii i mire [Past, present and future of gender medicine in Russia and world-wide], *Profilakticheskaya meditsina*, vol. 25, no. 10, pp. 84—90.
- Liu, K. A., Mager, N. A. (2016) Women's involvement in clinical trials: historical perspective and future implications, *Pharmacy Practice*, vol. 14, no. 1, 9 p.
- Panafidina, I. A., Shibalkov, I. P., Tyufilin, D. S., Kobayakova, O. S., Deev, I. A., Nikitina, S. Yu. (2024). Sravnitel'nyy analiz podhodov k otsenke ozhidaemoï prodolzhitel'nosti zdorovoi zhizni [Comparative analysis of approaches to estimating healthy life expectancy], *Sotsial'nye aspekty zdorov'ia naseleniya*, vol. 70, no. 4.
- Perez, C. C. (2019) *Invisible Women: Exposing Data Bias in a World Designed for Men*. London: Chatto & Windus.
- Rimashhevskaya, N. M. (ed.) (2007) *Zdorov'e i zdavookhraneniye v gendernom izmerenii* [Gender dimension of health and healthcare]. Moscow: Socialnyy proyekt, 240 p.
- Shapovalova, E. B., Maksimov, S. A., Artamonova, G. V. (2019) Polovye i gendernye razlichia serdechno-sosudistogo riska [Gender differences of cardiovascular risk], *Rossiiskiy kardiologicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 99—104.
- Short, S. E., Zacher, M. (2022) Women's Health: Population Patterns and Social Determinants, *Annual Review of Sociology*, vol. 48, no. 1, pp. 277—298.
- Voronina, O. A. (ed.) (2000) *Hrestomatiya po kursu «Osnovy gendernykh issledovaniy»* [Reader for the course «Fundamentals of Gender Studies»]. Moscow: MCGI.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii: statisticheskiy sbornik. 2024 (2024)* [Women and Men of Russia: Statistical Digest. 2024], *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoï statistiki Rossiiskoi Federatsii*.

Статья поступила в редакцию 10.02.2026; одобрена после рецензирования 22.02.2026; принята к публикации 01.03.2026.

The article was submitted 10.02.2026; approved after reviewing 22.02.2025; accepted for publication 01.03.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Григорьева Наталия Сергеевна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии управления, факультет государственного управления, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, grigorieva@spa.msu.ru (Dr.Sc. (Political Sc.), Professor, Head of the Department of Sociology of Management, School of Public Administration, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Чубарова Татьяна Владимировна — доктор экономических наук, PhD (Social Policy, LSE), главный научный сотрудник, Институт экономики РАН, г. Москва, Россия, t_chubarova@mail.ru (D.Sc. (Economics), PhD (Social Policy, LSE), Principal Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2026. № 2. С. 54—62.

Woman in Russian Society. 2026. No. 2. P. 54—62.

Научная статья

УДК 314.15-055.2-053.81

EDN: <https://elibrary.ru/ruehsu>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.2.4

МАЛЫЙ ГОРОД КАК ПРОСТРАНСТВО ЖИЗНИ: СОЦИАЛЬНОЕ НАСТРОЕНИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ ДЕВУШЕК-СТУДЕНТОК

Инна Николаевна Смирнова, Ольга Анатольевна Хасбулатова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovain@ivanovo.ac.ru

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования социального настроения и миграционных установок студенческой женской молодежи. Актуальность проблемы обусловлена необходимостью понимания факторов, влияющих на социальные и миграционные настроения, репродуктивные установки девушек, которые являются ключевым ресурсом демографического и социально-экономического развития малых территорий. На основе анализа эмпирических данных выявлено противоречие между высокими карьерными амбициями респонденток и ограниченными возможностями локальных рынков труда. Определена структура запросов к качеству городской среды, носящая преимущественно базовый, инфраструктурный характер. С помощью кластерного анализа выделены четыре типа миграционных стратегий: «остающиеся», «интегрированные», «амбивалентные» и «ориентированные на уход». Сделан вывод о преобладании у девушек созерцательного типа социального настроения, потенциальной готовности остаться в малом городе при условии создания современной, безопасной и комфортной среды для жизни, работы и воспитания детей.

Ключевые слова: малый город, молодежь, созерцательный тип социального настроения, ценностные ориентации, качество жизни, миграционные установки, городская среда, карьерные стратегии, типология миграционного поведения

Для цитирования: Смирнова И. Н., Хасбулатова О. А. Малый город как пространство жизни: социальное настроение и миграционные установки девушек-студенток // Женщина в российском обществе. 2026. № 2. С. 54—62.

Original article

SMALL TOWNS AS LIVING SPACES: SOCIAL ATTITUDES AND MIGRATION INTENTIONS AMONG FEMALE COLLEGE STUDENTS

Inna N. Smirnova, Olga A. Khasbulatova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, smirnovain@ivanovo.ac.ru

Abstract. This article presents the results of a sociological study on social attitudes and migration intentions among female college students. The relevance of this issue stems from the need to understand the factors influencing social and migration attitudes, as well as the reproductive attitudes of young women, who are a key resource for the demographic and socioeconomic development of small regions. The authors' analysis of empirical data revealed a contradiction between the respondents' high career ambitions and the limited opportunities of local labor markets. The authors identified the structure of demands regarding the quality of the urban environment, which is predominantly basic and infrastructure-related. Using cluster analysis, four types of migration strategies were identified: "stayers," "integrated," "ambivalent," and "care-oriented". The article concludes that a contemplative social mindset predominates among young women. The respondents also expressed a potential willingness to live in small towns with a modern, safe, and comfortable environment for living, working, and raising children.

Key words: small towns, youth, contemplative social mindset, value orientations, quality of life, migration intentions, urban environment, career strategies, typology of migration behavior

For citation: Smirnova, I. N., Khasbulatova, O. A. (2026) *Malyi gorod kak prostranstvo zhizni: sotsial'noe nastroyenie i migratsionnye ustanovki devushek-studentok* [Small towns as living spaces: social attitudes and migration intentions among female college students], *Zhenshchina v Rossiiskom obshchestve*, no. 2: 54—62.

Введение

Современная Россия характеризуется высоким уровнем урбанизации и устойчивым миграционным оттоком молодежи из малых городов в региональные центры и столицы. Эта тенденция ставит под угрозу демографический и экономический потенциал значительной части территории страны. Согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года, одной из ключевых задач государственной политики является создание условий для сокращения межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, а также закрепление молодежи в малых и средних городах [Распоряжение Правительства РФ...]. Особую роль в этом процессе играет женская молодежь, так как именно от ее репродуктивных планов и желания остаться на малой родине зависит будущее семей и, как следствие, устойчивость локальных сообществ.

Статистические данные подтверждают масштаб обозначенной проблемы. В Ивановской области, как и в большинстве регионов Центрального федерального округа, сохраняется миграционная убыль населения, особенно выраженная в возрастной группе 18—25 лет. Так, по данным Комиссии совета законодателей Российской Федерации при Федеральном собрании РФ по вопросам социальной политики, 47 % переселений в рамках внутренней миграции осуществляют люди в возрасте

от 15 до 35 лет, 75 % выпускников в малых городах хотят уехать после окончания школы [Мкртчян, Флоринская, 2020]. В малых городах Ивановской области (с населением до 50 тыс. человек) зафиксированный коэффициент рождаемости ниже, чем в областном центре, что частично объясняется отсутствием перспектив трудоустройства для представителей молодых семей и, как следствие, откладыванием деторождения [Дмитриева, 2025].

Проблема заключается в противоречии между объективными ограничениями малых городов (узость рынка труда, недостаточно развитая инфраструктура) и субъективными ожиданиями молодого поколения, сформированными под влиянием глобальных стандартов качества жизни, транслируемых через интернет и медиа. В этой связи особую значимость приобретает исследование социального настроения, направленности миграционных и жизненных стратегий женской молодежи как ключевого демографического и социально-экономического ресурса развития малых территорий.

Цель данной статьи — выявить и проанализировать ценностные ориентации и факторы комфортной жизни, определяющие направленность социального настроения и миграционные установки женской студенческой молодежи в условиях малого города.

Теоретико-методологические основания исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составляют две группы научных трудов.

Первую группу образуют работы, посвященные концепциям социального настроения и анализу миграционных установок молодежи. Понятие социального настроения уже рассматривалось авторами ранее (см., напр.: [Кодина, 2009]). В интерпретации авторов оно выступает индикатором уровня благополучия, социальной устроенности (или неустроенности) среды проживания, оказывая воздействие на мышление и поведение населения. Проявляясь в отношении ко всему, что происходит в обществе, социальное настроение способно выполнять роль ускорителя, катализатора либо сдерживающего фактора социальной активности людей.

Обобщение имеющихся исследований [Парыгин, 1998; Тощенко, 1998] позволяет выделить основные черты социального настроения как социологического понятия. Во-первых, оно объединяет влияние объективных условий социальной жизни и субъективных факторов (эмоций, чувств, умонастроений), образуя принципиально новое качество — самостоятельное явление социальной действительности. Во-вторых, социальному настроению свойственно наглядно и специфически отражать предшествующий социальный и жизненный опыт, соотносить прошлое с настоящим, формировать выводы и определять ориентиры на будущее. В-третьих, социальное настроение предшествует поведенческим актам, позволяя судить о реальных намерениях людей, их отношении к окружающему миру и происходящим в нем процессам.

Социальное настроение находит свое выражение в миграционных установках. Анализ последних применительно к женской молодежи требует интеграции двух теоретических подходов: структурно-функционального, акцентирующего объективные ограничения локальных рынков труда и институциональную среду, и деятельностного, ориентированного на ценностно-мотивационную структуру личности и рефлексивный выбор жизненных стратегий. Вопросы миграционных установок молодежи рассматриваются в трудах Т. И. Заславской и Ж. А. Зайончковской, которые

отмечали, что женская миграция обнаруживает повышенную чувствительность к качеству социальной инфраструктуры и возможностям совмещения профессиональных и семейных ролей [Заславская, 2004; Зайончковская, Ноздрина, 2008]. Современные исследования О. А. Хасбулатовой также подтверждают, что молодые женщины оказываются в ситуации «двойной нагрузки»: они ориентированы на профессиональную самореализацию, но при этом сохраняют традиционные ожидания относительно материнства и семейных обязанностей [Хасбулатова, Смирнова, 2023]. Для анализа ценностных трансформаций молодежи значимы работы В. С. Магуна, М. К. Горшкова, Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова, фиксирующие многообразие ценностных структур современного молодого поколения, в которых традиционные семейные ориентации сочетаются с индивидуалистическими установками на профессиональную самореализацию и высокий уровень потребления [Магун, 2023; Горшков, Шереги, 2010; Зубок, Чупров, 2020].

Вторую группу составляют исследования в области социологии города. В контексте нашего исследования ключевым является понятие «качество городской среды», разработанное в трудах В. Л. Глазычева и О. Н. Яницкого. Согласно данному подходу, привлекательность территории определяется не столько уровнем урбанизации, сколько соответствием среды повседневным практикам и ожиданиям различных социальных групп [Глазычев, 2011; Яницкий, 2016]. Г. М. Лаппо и Л. Б. Коган, изучая специфику образа жизни в малых городах, подчеркивали, что их конкурентными преимуществами при условии развития базовой инфраструктуры могут выступать компактность, связь с природным окружением и сохранение локальной идентичности [Лаппо, 1997; Коган, 1990].

Объектом настоящего исследования выступила женская студенческая молодежь Ивановской области. Предмет исследования — ее социальное настроение, миграционные установки и требования к качеству городской среды. Важной задачей исследования явилось определение типа социального настроения, с которым студентки планируют построение своей жизни после окончания университета. Под социальным настроением понимается целостная характеристика восприятия действительности с позиции накопленного жизненного опыта, готовности к самостоятельной жизни и наиболее беспокоящих проблем.

Эмпирической базой исследования послужили данные анкетного опроса, проведенного авторами в 2026 году. Выборка составила 300 респонденток — студенток старших курсов вузов региона, постоянно проживающих в Ивановской области (включая как областной центр, так и малые города). Опрос был направлен на выявление жилищных предпочтений, карьерных ожиданий, запросов к инфраструктуре малых городов, а также на определение уровня социального настроения женской молодежи.

Результаты исследования

Результаты исследования демонстрируют неоднозначное отношение девушек к малому городу как месту возможного проживания. Большинство респонденток (57 %) выразили желание жить в современном благоустроенном многоквартирном доме, что отражает их ориентацию на городской комфорт. Каждая третья участница опроса (33 %) мечтает о собственном доме, что может свидетельствовать о влиянии традиционных представлений о загородной жизни, а также о стремлении к личному пространству и комфорту.

При этом образ малого города не ассоциируется у девушек с «запущенным местом». Напротив, среди его ключевых преимуществ респондентами названы: экология (свежий воздух, красивая природа) — 81 %, спокойствие и безопасность — 62 %, доступность инфраструктуры («все в шаговой доступности») — 62 %. Эти данные указывают на то, что терминальные ценности (безопасность, здоровье) начинают конкурировать с традиционными преимуществами больших городов.

Исследование выявило высокий уровень трудовой мотивации у женской молодежи. Активную жизненную позицию демонстрирует подавляющее большинство девушек: 52 % планируют совершенствоваться в профессии, 48 % нацелены много работать и хорошо зарабатывать. Ключевым требованием к рынку труда является разнообразие рабочих мест (98 %), что в условиях монопрофильных малых городов часто становится нереализуемым ожиданием.

Наиболее тревожным сигналом является противоречие внутри самой группы респонденток относительно способов достижения благосостояния: с одной стороны, 48 % ориентированы на личный успех и высокооплачиваемую работу. С другой стороны, каждая четвертая девушка (25 %) хотела бы найти работу с минимальными трудовыми затратами, но высокой зарплатой. Каждая десятая (10 %) рассматривает брак с обеспеченным мужчиной как возможную жизненную стратегию.

Вместе с тем опрос показал, что каждая третья девушка (33 %) не уверена в своем будущем, что коррелирует с общим уровнем социальной тревожности в обществе. При этом ключевой ценностью остается баланс труда и семьи: 65 % девушек планируют совмещать профессиональную реализацию с семейной жизнью. Это ставит перед муниципальными властями задачи создания не просто рабочих мест, а рабочих мест с возможностью гибкого графика, а также увеличения мест в дошкольных учреждениях.

Вопреки распространенному стереотипу о кризисе семейных ценностей, подавляющее большинство респонденток (71 %) планируют создать семью и воспитывать детей. Семья остается безусловной ценностью и важной частью жизненных стратегий. Это дает основания предполагать, что при наличии определенных условий (доступное жилье, достаточное количество детских садов и школ, благоустроенные детские площадки, свежий воздух) малые города могут стать центрами притяжения для молодых семей, уставших от гонки мегаполисов.

Корреляционный анализ позволил выявить внутреннюю структуру ценностных ориентаций. Установка на создание семьи значимо коррелирует с типом родительской семьи: среди девушек, воспитанных в полных семьях, доля планирующих создать семью выше и составляет 78 %, тогда как среди респонденток из неполных семей — 62 %. Это подтверждает тезис о передаче семейных моделей от родителей к детям.

Выявлена также значимая корреляция между высокими карьерными ожиданиями (стремление «много работать и хорошо зарабатывать») и готовностью покинуть малый город ($r=0,42$, $p<0,01$). Девушки, ориентированные на профессиональную самореализацию, в два раза чаще рассматривают переезд в областной центр или в другие крупные города как необходимый шаг для достижения успеха. При этом те, кто ориентирован на совмещение работы и семьи, демонстрируют более высокую лояльность к малому городу.

Анализ запросов к городской инфраструктуре показал, что потребности девушек носят базовый, «жизнеобеспечивающий» характер. В ходе исследования были выявлены три основные группы требований:

1. *Базовые требования к городской инфраструктуре* (асфальтированные тротуары, наличие лечебных учреждений, расположение школы рядом с домом) —

актуальны для 70—90 % респонденток, независимо от их миграционных планов. Данная группа требований носит «гигиенический» характер: ее отсутствие воспринимается как безусловный дефицит.

2. *Требования к качеству городской среды* (наличие парковой зоны, детские площадки, разнообразие торговых предприятий) — актуальны для 65—98 % опрошенных. Их удовлетворение воспринимается как необходимое условие комфортной жизни.

3. *Требования, связанные с развитием человеческого капитала* (наличие учреждений дополнительного образования, коворкингов, спортивных объектов) — актуальны для 35—50 % респонденток, преимущественно с карьерными амбициями. Именно эта группа требований является наиболее трудновыполнимой в малых городах.

При этом развлекательная инфраструктура (рестораны, кафе, ночные клубы) оказалась на периферии интересов: их востребованность не превышает 15—25 %. Этот факт может объясняться как финансовыми ограничениями студенток, так и смещением досуга в цифровую среду.

Важно добавить, что в современном контексте наличие качественного и быстрого интернета становится таким же базовым требованием, как и наличие воды и света, поскольку открывает возможности для удаленной работы и образования. Дополнительные качественные интервью, проведенные в рамках исследования, показали, что доступ к высокоскоростному интернету рассматривается девушками как необходимое условие для удаленной работы, получения дополнительного образования и реализации досуговых практик. 67 % респонденток отметили, что отсутствие стабильного интернета является непреодолимым барьером для проживания в малом городе.

Основные выводы

Полученные данные фиксируют двойственность социального настроения девушек. С одной стороны, 68 % респонденток настроены оптимистично и верят в свое будущее. С другой стороны, выявленные противоречия (между карьерными амбициями и узостью рынка труда; между ориентацией на собственные силы и патерналистскими настроениями) указывают на хрупкость этого оптимизма.

На основе сочетания миграционных установок и ценностных ориентаций выделены четыре типа респонденток:

1. «Стремящиеся остаться» (27 %) — демонстрируют высокую привязанность к малому городу, ориентированы на традиционную семейную модель, не имеют высоких карьерных амбиций. Их требования к городской среде ограничиваются базовой инфраструктурой, безопасностью для детей (40 %), красивой природой, свежим воздухом (80 %). К преимуществам профессиональной деятельности девушки отнесли разнообразие рабочих мест (98 %), востребованность специалистов с высшим образованием (55 %). Для этой группы ключевыми факторами удержания являются сохранение рабочих мест, возможность совершенствоваться в профессии (52 %), доступность социальных услуг, благоприятная социальная среда, природа.

2. «Готовые остаться при определенных условиях» (31 %) — готовы остаться в малом городе при условии создания качественной среды и возможности профессиональной самореализации. Наиболее перспективная группа с точки зрения региональной политики: именно на них должны быть ориентированы программы по развитию малых городов. Для них значимы не только базовые, но и средовые требования, а также возможности для профессионального развития.

3. «Противоречивые» (24 %) — демонстрируют противоречивые установки: высокие карьерные амбиции сочетаются с привязанностью к малой родине. Их миграционные планы не определены и зависят от конкретных жизненных обстоятельств. Эта группа наиболее чувствительна к изменениям качества городской среды и появлению новых возможностей трудоустройства.

4. «Готовые уехать» (18 %) — имеют устойчивую установку на переезд, связывая свое будущее исключительно с крупными городами. Для этой группы характерны наиболее высокие карьерные амбиции и наименьшая значимость семейных ценностей. Их миграционное поведение в наименьшей степени поддается корректуре со стороны локальных институтов.

Девушки готовы рассматривать малый город как пространство для жизни, но выдвигают требования к его благоустройству и функциональности. Они не требуют «большого города в миниатюре» (с избытком развлечений), они желают качественного исполнения базовых городских функций: безопасности, комфорта, доступности медицины и образования, возможности реализовать себя в профессии, не уезжая за сотни километров.

На основе анализа ценностных ориентаций женской молодежи есть основания отнести социальное настроение женской студенческой молодежи к созерцательному типу. Девушки не ставят непреодолимых препятствий на пути развития своего потенциала в малом городе. Поэтому все более актуальной становится задача формирования современной среды для развития личности, укрепления семьи не только в больших, но и в малых городах.

На основе полученных результатов могут быть предложены следующие рекомендации для органов местного самоуправления и региональных властей:

1. *Развитие гибких форм занятости.* Учитывая высокую ориентацию девушек на совмещение профессиональной и семейной роли (65 %), важно стимулировать внедрение на предприятиях малых городов гибких графиков работы, дистанционной занятости, неполного рабочего дня. Целесообразно создание коворкингов и центров удаленной работы.

2. *Программы «умной миграции».* Для группы «интегрированных» (31 %), готовых остаться при наличии условий, необходимы программы целевой подготовки кадров под запросы локальных предприятий, а также жилищные программы для молодых специалистов (льготная ипотека, служебное жилье).

3. *Развитие социальной инфраструктуры.* Приоритетом городского развития должно стать не проектирование развлекательных объектов, а модернизация базовой инфраструктуры: дорог, тротуаров, поликлиник, школ, детских садов. Важным направлением является обеспечение качественной цифровой инфраструктуры как условия для удаленной занятости.

4. *Поддержка студенческих семей.* Учитывая, что 71 % респонденток планируют создание семьи, необходимы дополнительные меры поддержки студенческих семей и более активное информирование об уже существующих мерах поддержки.

Учитывая, что созерцательный тип социального настроения носит переходный характер от непосредственных эмоций к осознанному действию и граничит с процессом принятия решений о выборе пути самореализации, можно сделать вывод, что самореализация женской молодежи, выбор малого города как места своего постоянного жительства будут во многом зависеть от деятельности органов управления, их способности сформировать и реализовать условия для благополучной жизни молодых семей.

Результаты исследования могут быть использованы органами местного самоуправления и региональными властями при разработке стратегий и мастер-планов развития малых городов, программ по созданию комфортной городской среды, а также мер поддержки молодых семей и специалистов.

Список источников

- Глазычев В. Л. Город без границ. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. 400 с.
- Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
- Дмитриева М. А. Малые города России: социокультурный потенциал. 5 июня 2025 г. URL: http://szrf.km.duma.gov.ru/upload/site53/document_news/000/038/339/Dmirieva_MA_malye_goroda_prezentatsiya.pdf (дата обращения: 12.02.2026).
- Зайончковская Ж. А., Ноздрина Н. Н. Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере социологического опроса в 10 городах) // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4. С. 98—111.
- Заславская Т. И. Современное российское общество: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 5—18.
- Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности: монография. М.: Норма, 2020. 304 с.
- Коган Л. Б. Быть горожанами. М.: Мысль, 1990. 205 с.
- Кодина И. Н. Социальное настроение молодежи малого города (на материалах г. Юрьевца Ивановской области) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2009. № 3 (15). С. 28—33.
- Лаппо Г. М. География городов. М.: Владос, 1997. 480 с.
- Магун В. С. Эволюция базовых ценностей российского населения, 2026—2021 годы // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 44—58.
- Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Почему люди уезжают из одних регионов и приезжают в другие: мотивы межрегиональной миграции в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 130—153.
- Парыгин Б. Д. Анализ феномена и природы социального настроения // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 134—138.
- Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». URL: <http://government.ru/docs/all/157308/> (дата обращения: 15.02.2026).
- Тоценко Ж. Т. Социальное настроение — феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21—34.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Социальный статус женщин в российском обществе (1992—2022) // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 3—19.
- Яницкий О. Н. История городской социологии в России: эволюция идей // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 117—126.

References

- Dmitrieva, M. A. (2025) *Malые goroda Rossii: sotsiokul'turnyĭ potentsial* [Small Towns of Russia: Sociocultural Potential]. June 5, 2025, available from http://szrf.km.duma.gov.ru/upload/site53/document_news/000/038/339/Dmirieva_MA_malye_goroda_prezentatsiya.pdf (accessed 12.02.2026).
- Glazychev, V. L. (2011) *Gorod bez granits* [City Without Borders]. Moscow: Izdatel'skiĭ dom «Territoriia budushchego».
- Gorshkov, M. K., Sheregi, F. E. (2010) *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret* [Youth of Russia: A Sociological Portrait]. Moscow: CSPiM, 592 p.
- Khasbulatova O. A., Smirnova I. N. (2023) *Social'nyi status zhenshchin v rossiiskom obshchestve (1992—2022)* [Social status of women in Russian society (1992—2022)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—19.
- Kodina, I. N. (2009) *Social'noe nastroyenie molodezhi malogo goroda (na materialakh g. IYur'evtsa Ivanovskoi oblasti)* [Social Mood of Small-Town Youth (Based on Materials from Yuryevets, Ivanovo Region)], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*, no. 3(15), pp. 28—33.

- Kogan, L. B. (1990) Byt' gorozhanami [Being a City Dweller]. Moscow: Mysl'.
- Lappo, G. M. (1997) Geografiia gorodov [Geography of Cities]. Moscow: Vlados.
- Magun, V. S. (2023) Evolyutsiia bazovykh tsennostei rossiiskogo naseleniia, 2026—2021 gody [Evolution of Basic Values of the Russian Population, 2026—2021], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 12, pp. 44—58.
- Mkrtychyan, N. V., Florinskaya, Yu. F. (2020) Pochemu liudi uezzhaiut iz odnikh regionov i priezzhaiut v drugie: motivy mezhregional'noi migratsii v Rossii [Why People Leave Some Regions and Come to Others: Motivations for Interregional Migration in Russia], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 5, pp. 130—153.
- Parygin, B. D. (1998) Analiz fenomena i prirody social'nogo nastroiennia [An Analysis of the Phenomenon and Nature of Social Mood], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 134—138.
- Rasporiazhenie Pravitel'stva RF ot 28 dekabria 2024 g. № 4146-r «Strategiia prostranstvennogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda s prognozom do 2036 goda» [Russian Government Order No. 4146-r of December 28, 2024, "Strategy for Spatial Development of the Russian Federation through 2030 with a Forecast through 2036"], available from <http://government.ru/docs/all/157308/> (accessed 15.02.2026).
- Toshchenko, Zh. T. (1998) Social'noe nastroyenie — fenomen sovremennoi sotsiologicheskoi teorii i praktiki [Social Mood is a Phenomenon of Modern Sociological Theory and Practice], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 21—34.
- Yanitsky, O. N. (2016) Istoriia gorodskoi sotsiologii v Rossii: evolyutsiia idei [History of Urban Sociology in Russia: The Evolution of Ideas], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 117—126.
- Zaslavskaya, T. I. (2004) Sovremennoe rossiiskoe obshchestvo: problemy i perspektivy [Contemporary Russian Society: Problems and Prospects], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 5—18.
- Zayonchkovskaya, Zh. A., Nozdrina, N. N. (2008) Migratsionnyi opyt naseleniia regional'nykh tsentrov Rossii (na primere sotsiologicheskogo oprosa v 10 gorodakh) [Migration Experience of the Population of Regional Centers of Russia (Based on a Sociological Survey in 10 Cities)], *Problemy prognozirovaniya*, no. 4, pp. 98—111.
- Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I. (2020) Molodezh' v kul'turnom prostranstve: samoregulatsiia zhiznedeiatel'nosti: monografiia [Youth in the Cultural Space: Self-Regulation of Life Activity: A Monograph]. Moscow: Norma.

Статья поступила в редакцию 05.04.2026; одобрена после рецензирования 15.04.2026; принята к публикации 25.04.2026.

The article was submitted 05.04.2026; approved after reviewing 15.04.2026; accepted for publication 25.04.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Смирнова Инна Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, проректор по исследовательской и проектной деятельности, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovain@ivanovo.ac.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology, Social Work, and Human Resource Management, Vice Rector for Research and Project Activities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

Хасбулатова Ольга Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ох37@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Department of Sociology, Social Work, and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2026. № 2. С. 63—77.

Woman in Russian Society. 2026. No. 2. P. 63—77.

Научная статья

УДК 316.6:331.4-055.2

EDN: <https://elibrary.ru/orwlit>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.2.5

ДИНАМИКА АДРЕСАЦИИ ДОВЕРИЯ МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН-ИНЖЕНЕРОВ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КОМПАНИИ В УСЛОВИЯХ ДЛИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМАТИЧЕСКИХ ПЕРЕРАБОТОК

*Людмила Николаевна Захарова,
Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна Саралиева,
Елена Владимировна Сайгина*

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, zlnnnov@mail.ru

Аннотация. Цель исследования — выявить динамику адресации доверия молодых женщин-инженеров в условиях переработок. Доверие рассмотрено как фактор защиты от стресса и условие формирования социального капитала компании. Исследование проведено на двух предприятиях крупного машиностроительного холдинга — инновационном и ординарном. Раскрыта специфика адресатов доверия в виде корпоративных ценностей, холдинга в целом, его генерального директора в течение 2-х лет систематических переработок молодых женщин-инженеров на инновационном предприятии и дефицита трудовой нагрузки — на ординарном.

Впервые выявлен базовый феномен динамики адресации ценностей в условиях переработок, проявляющийся в снижении доверия корпоративным ценностям и компании в целом и росте доверия к генеральному директору вне зависимости от характера трудностей, испытываемых молодыми женщинами-инженерами; показаны риски потери наиболее инновационно ориентированных молодых женщин-инженеров инновационного предприятия и рост возможностей усиления инновационной ориентированности женщин-инженеров ординарного предприятия.

Ключевые слова: социальный капитал, инженерный труд, инновации, молодые женщины-инженеры, переработки, организационная культура, доверие корпоративным ценностям, доверие компании, доверие генеральному директору

Для цитирования: Захарова Л. Н., Саралиева З. Х.-М., Сайгина Е. В. Динамика адресации доверия молодых женщин-инженеров производственной компании в условиях длительных систематических переработок // *Женщина в российском обществе. 2026. № 2. С. 63—77.*

Original article

THE DYNAMICS OF TRUST AMONG YOUNG FEMALE ENGINEERS WORKING OVERTIME: A CASE STUDY OF A MANUFACTURING COMPANY

*Lyudmila N. Zakharova,
Zaretkhan Kh.-M. Saralieva,
Elena V. Saygina*

National Research State University of Nizhny Novgorod named after N. I. Lobachevsky,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, zlnnnov@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to identify the dynamics of trust among young female engineers who work overtime. Trust is examined as a protective factor against stress and a prerequisite for the formation of a company's social capital. The authors conducted a study at innovative and conventional enterprises within a large machine-building holding company. Over a two-year period of overtime work by the young female engineers at the innovative enterprise, the authors studied the specifics of objects of trust in the form of corporate values, the holding company as a whole, and its CEO. In addition, the authors also analyzed the specifics of the aforementioned objects of trust in the context of a lack of workload at the conventional enterprise. For the first time, the article identifies a fundamental phenomenon in the dynamics of values associated with the work experience of the young female engineers. It manifests itself in a decline in trust in corporate values and the company as a whole. However, the level of trust in the CEO increased, regardless of the nature of the difficulties faced by the young female engineers. The article also examines the risk of losing the most innovation-oriented young female engineers from the innovative enterprise and the growing opportunities to increase the innovation orientation of the young female engineers in the conventional enterprise.

Key words: social capital, engineering, innovation, young female engineers, overtime work, organizational culture, trust in corporate values, trust in companies, trust in CEOs

For citation: Zakharova, L. N., Saralieva, Z. Kh.-M., Saygina, E. V. (2026) *Dinamika adresatsii doveriia molodykh zhenshchin-inzhenerov proizvodstvennoĭ kompanii v usloviakh dlitel'nykh sistematicheskikh pererabotok* [The dynamics of trust among young female engineers working overtime: a case study of a manufacturing company], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2: 63—77.

Введение

Перед современной Россией стоит цель достижения технологического суверенитета. В условиях беспрецедентных санкций, ограничивающих международное сотрудничество, и трансфер технологий такая цель является серьезным вызовом российскому инженерному корпусу. Место России в Глобальном индексе инновационности не претерпевает существенных изменений в последние годы и находится в пределах 50—60 из 132 стран [Global..., 2025].

Нехватку кадров в экономике тоже во многом определяет недостаточно высокий уровень инновационности используемых технологий. В этих условиях качество инженерных кадров, их способность к созданию инновационных продуктов становится решающим фактором достижения технологического суверенитета.

Инженерный труд представляет собой сложную интеллектуальную деятельность, в основе которой лежит инженерное мышление как непрерывный

социально-психический процесс, с его основными компонентами: политехническим, интегративно-симультаным (способностью к разностороннему решению прикладных задач), продуктивным, командным. Обоснованы универсальные критерии инженерного мышления: логичность, рациональность, предметность, опора на образы и символы, общая техническая направленность (инженерные навыки студентов), моделирование, установление взаимоотношений между предметами окружающей действительности [Балакшина, 2021]. Практически вся инженерная деятельность сопряжена с использованием методов поиска прорывных идей, приёмов научно-технического творчества и внедрением новых технических разработок.

В условиях перехода компании к инновационному развитию именно от инженеров ожидается инновационное поведение, представляющее собой намеренное создание, внедрение и применение новых идей в рамках рабочей роли, группы или организации. Поскольку создание инновационного продукта предполагает его внедрение, соответствующие (внедренческие) компетенции представляются важными как для инженеров, так и других категорий персонала, ответственных за этот процесс. Нередко внедрение требует больших усилий, в том числе продвижения и отстаивания идеи или продукта.

Мотивированные и эмоционально стабильные сотрудники чаще демонстрируют инновационное поведение, поскольку они полны энтузиазма, проактивны и внимательны. Однако инженерный труд — особо сложный вид деятельности, он подвержен деструктивному влиянию стрессовых факторов и как никакой другой чувствителен к организационным условиям, в том числе к организационным изменениям, усталости, ценностным конфликтам, стилю управления [Леонова, 2006; Захарова и др., 2017].

Особое внимание исследователей и практиков привлекают женщины-инженеры. Если до последнего времени выбор девушками инженерного образования, их закрепление на предприятиях, их карьера инженеров имели во многом гуманитарное значение в решении проблем гендерного равенства, реализации права женщин на профессиональную самореализацию в инженерном труде, сегодня активное присутствие женщин в инженерных профессиях вносит непосредственный вклад в инновационное и экономическое развитие страны.

Но вхождение женщин в инженерные профессии продолжает сопровождаться негативным влиянием стереотипов, трудностями карьерного роста, большей «ценой» признания достижений, меньшей оплатой труда в сравнении с инженерами-мужчинами [Савинская, Лебедева, 2020; Naukkarinen, Bairoh, 2021; Путь женщин..., 2024]. Причем это характерно не только для России, но и для других стран, в том числе развитых. Так, в США белых женщин-инженеров более чем в три раза меньше, чем белых мужчин [Beach et al., 2025]. Следовательно, труд женщин-инженеров нуждается в изучении и поддержке.

Таким образом, очевидной социальной проблемой является противоречие между обостряющейся общественной потребностью в инженерном труде женщин и их оттоке из инженерных специальностей даже при получении инженерного образования.

Методология и методы исследования

Одним из актуальных направлений исследований успешности и закрепления женщин в инженерном труде выступает выявление организационных факторов,

являющихся протекторами стресса у женщин-инженеров. Известно, что женщины подвержены стрессу сильнее, чем мужчины. Существует традиционное мнение, что женщины менее креативны в сравнении с мужчинами. Научных подтверждений этого нет. Есть данные о том, что креативность мужчин и женщин проявляется по-разному: в зависимости от роли, отношения, сферы деятельности [Frater, 2024]. Но можно обоснованно предполагать, что такие представления о креативности женщин основаны на том, что женщины, испытывая стресс сильнее и чаще, чем мужчины, ищут выход из него в стабильных условиях и консервативных, уже проверенных временем решениях. В исследовании M.Biron прямо указывается, что специфическим способом снятия стресса у женщин является переход к привычным, хорошо освоенным занятиям [Biron, Link, 2013].

Научные поиски протекторов организационного стресса показывают, что к ним относится психологическая атмосфера доверия на всех организационных уровнях: между членами проектной команды, в которой, как правило, реализуются инженерные разработки, на уровне доверия сотрудников менеджменту и организации в целом [Hartner-Tiefenthaler et al., 2022; Почебут и др., 2024]. Доверие как психосоциальный феномен представляет собой субъективную веру в то, что связь с данным человеком, сообществом, организацией в настоящее время и на перспективу будет способствовать получению поддержки, принятия, благополучия [Купрейченко, 2015]. Значимость доверия обусловлена и тем, что оно является условием лояльности и приверженности персонала, а также социально-психологическим базисом формирования и развития социального капитала компании, проявляющегося в горизонтальном и вертикальном взаимодействии сотрудников в интересах ее развития, в том числе инновационного [Захарова, Саралиева, Сайгина, 2023; Игумнов, Платонова, 2023; Bendeck, Hastings, 2023].

Проведено эмпирическое исследование, цель исследования состояла в выявлении адресатов доверия (корпоративные ценности, предприятие, генеральный директор холдинга) и его динамики в условиях разных комплексов корпоративных ценностей, специфических моделей организационной культуры и наличия/отсутствия длительных (два года) переработок.

В число исследовательских вопросов вошли следующие:

1. Влияют ли организационные условия в виде организационной культуры предприятия на готовность молодых женщин-инженеров к инновационной деятельности при систематических переработках и без них?
2. Есть ли, а если есть, в чем состоит специфика динамики адресации доверия молодых женщин-инженеров в условиях труда с систематическими переработками и без них?
3. В какой поддержке в рамках корпоративного обучения нуждаются молодые женщины-инженеры на предприятиях с разной организационной культурой и наличием/отсутствием переработок?

Таким образом, объектом исследования явилась организационная культура предприятия как носитель базовых ценностей, значимых для инженерного труда, определяющая уровень инновационности предприятия и, как следствие, загруженность заказами и систематическими переработками. В качестве предмета выступила адресация доверия молодых женщин-инженеров в разных организационных условиях и при наличии/отсутствии переработок.

В качестве гипотез приняты следующее предположения:

— базовые ценности организационной культуры не только определяют инновационность компании, но и являются сильным фактором организационного доверия молодых женщин-инженеров и их готовности к трудовой деятельности в условиях переработок;

— ценностная детерминация имеет свои пределы в обеспечении доверия молодых женщин-инженеров, определяя ее адресацию как фактора надежды на решение возникающих проблем в разных организационных условиях.

Теоретико-методологической основой исследования явились теория организационной культуры Э. Шейна, концепция и типология организационной культуры К. Камерона и Р. Куинна, теория доверия А. Б. Купрейченко.

Базами эмпирического исследования явились два предприятия, входящие в холдинг, одно из которых является инновационным (ИМП), второе — испытывает многолетние трудности в переходе на инновационный путь развития (далее ОрдП — ординарное).

Корпоративные ценности инновационного предприятия: сочетание традиций и лидерства в разработках, самореализация, патриотизм, взаимное уважение, сотрудничество, командная работа. Корпоративные ценности ординарного предприятия: традиции, патриотизм, стабильность, семейственность, поддержание порядка и соблюдение правил. При уважении сложившейся ценностной специфики предприятий, имеющих многолетнюю самостоятельную историю в качестве общих продвигаемых корпоративных ценностей холдинга, на которых выстраивается HR-бренд, выступают патриотизм, социальная ответственность, инновации, развитие.

Таким образом можно видеть, что в корпоративных ценностях компаний есть общая ценность — патриотизм и есть различия: ориентация на продолжение инновационного развития, достижение и удержание лидерства в разработках на инновационном предприятии и ценностная приверженность стабильности и определенной мягкости отношений (семейственность) — на ординарном предприятии. Дистанция ценностных трансформаций на обоих предприятиях существенно различна: короткая у инновационного и длинная у ординарного.

Существенные различия между предприятиями имеют место и в рабочей нагрузке. На инновационном предприятии продолжительность рабочего времени достигает 12 часов, поскольку инженерный корпус занят актуальными разработками, и менеджмент гибко реагирует на запросы заказчиков. На ординарном предприятии ситуация другая: существуют серьезные трудности получения заказов, поэтому переработки практически отсутствуют и нередко бывает дефицит трудовой нагрузки.

Респонденты: молодые (до 39 лет) женщины-инженеры, работающие на инновационном предприятии: 338 чел. в 2023 г. и 262 чел. — в 2024 г., на ординарном предприятии: 262 чел. — в 2023 г. и 240 чел. — в 2024 г. Респонденты участвовали в исследовании, практически, в полном составе. Выбор группы молодых женщин-инженеров определен тем, что, во-первых, это в возрастном аспекте наиболее перспективная часть инженерного корпуса, во-вторых, молодые женщины традиционно испытывают значительные нагрузки в семьях, что усиливает возможную усталость в условиях систематических переработок, которая является сильным стрессовым фактором [Бодров, 2010; Захарова и др., 2023а].

Использованы методы: диагностики организационной культуры и организационно-культурных предпочтений К. Камерона и Р. Куинна [Cameron, Quinn, 2011]; экспертной оценки эффективности инновационных аспектов трудовой деятельности инженеров; корпоративная анкета, с помощью которой ежегодно менеджмент холдинга собирает сведения об удовлетворенности персонала условиями труда и управления в холдинге, приверженности организационным ценностям, инновационной активности и доверия персонала руководителю конкретного предприятия и генеральному директору холдинга.

Получены результаты анкетирования молодых женщин-инженеров по следующим вопросам:

Приверженность ценностям предприятия: 2. Вы согласны с тем, что ценности вашего предприятия согласуются с Вашими личными ценностями?

Отношение к инновациям: 15. Оцените Вашу удовлетворенность возможностью использовать инновационный подход к работе и проявлять творчество? 16. Оцените, насколько Вам удастся активно участвовать в создании инновационных инженерных продуктов?

Доверие предприятию: 24. Насколько Вы готовы порекомендовать ваше предприятие в качестве места работы друзьям и знакомым?

Доверие гендиректору: 35. Насколько Вы доверяете руководителю холдинга?

В качестве методов статистической обработки использованы расчет статистической значимости различий между совокупностями данных, характеризующих изучаемые показатели групп респондентов с помощью непараметрических критериев Манна-Уитни и Вилкоксона.

Результаты исследования и их анализ

Используются данные оценки менеджментом холдинга эффективности компаний. Менеджмент холдинга проводит экспертную оценку эффективности работы персонала, в том числе инженерного. Кроме того, менеджмент каждого предприятия проводит собственную оценку. Оценки эффективности инженерного корпуса в условиях разработки и внедрения инновационных продуктов при переводе многочисленных показателей в интегрированную пятибалльную шкалу менеджментом холдинга и инновационного предприятия близки: 3,6—3,8. Оценки менеджмента холдинга и ординарного предприятия значимо различаются: 2,9—3,7. Последнее существенно переоценивает эффективность работы своего персонала, показывая эффективность, близкую к эффективности инновационного предприятия.

Исследование показало, что предприятия ИнП и ОрдП обладают разными типами организационной культуры и разными организационно-культурными ожиданиями инженерного персонала. На ИнП выявлена организационная культура рыночно-иерархического типа с выраженным адхократическим компонентом. По организационно-культурным ожиданиям инновационно ориентированный инженерный персонал склонен к росту адхократического компонента в среднем на 10 %. Консервативно настроенный персонал хотел бы снижения рыночной составляющей и роста клановой на те же 10 %. Для ОрдП характерен выраженный и иерархически-клановый тип организационной культуры, и инженерный персонал желает его сохранения, независимо от инновационности или консерватизма установок. Это ожидаемые показатели в соответствии с комплексом корпоративных ценностей, и они устойчивы на протяжении

последних пяти лет, в течение которых осуществлялась диагностика [Захарова, Леонова, 2021].

В таблице 1 представлены данные, полученные при ответе на вопросы 15 и 16. В зависимости от среднего балла респонденты распределены в группы приверженцев инноваций (интервал средних значений от 4-х до 5 баллов), инноваторов (интервал средних значений, превышающих 2,5 балла до 4-х баллов); убежденных консерваторов (интервал от 0 до 1,5 баллов); консерваторов (от 1,5 до 2,5 баллов).

Таблица 1

Характеристика респондентов эмпирической части исследования

Уровни инновативности респондентов	Инновационное предприятие (ИнП)		Ординарное предприятие (ОрдП)	
	2023	2024	2023	2024
Всего	338	262	262	240
Инноваторы	222 (66 %)	164 (63 %)	107 (41 %)	103 (43 %)
Из них активных приверженцев инноваций	46 (14 %)	25 (10 %)	25 (10 %)	25 (10 %)
Консерваторы	116 (34 %)	98 (37 %)	155 (59 %)	137 (57 %)
Из них убежденных противников инноваций	18 (5 %)	19 (7 %)	25 (10 %)	29 (12 %)

Данные таблицы 1 свидетельствуют, что инновационное предприятие по оценкам менеджмента и по оценке организационной культуры действительно является существенно более инновационным в плане ориентированности молодых женщин-инженеров на инновации. В 2023 г. таких инженеров на ИнП было на 25 % больше, чем на ОрдП, убежденных инноваторов — на 4 %. Консерваторов меньше, соответственно, на 25 %, а убежденных консерваторов меньше на 5 %. За год в условиях систематических переработок ситуация изменилась не в лучшую сторону для инновационной компании. На 3 % сократилось количество инноваторов среди молодых женщин-инженеров, на 4 % уменьшилось число приверженцев инноваций, соответственно возросло количество консерваторов на 3 % и 2 %. Вместе с тем особое внимание обращает на себя факт сокращения численности молодых женщин-инженеров на инновационном предприятии: за один год их состав уменьшился на 76 человек, что составляет 22,5 % их общей численности. Это указывает на наличие фактора, способствующего оттоку персонала, в первую очередь — инновационного: 58 человек (26,1 %).

Менеджменту ИнП стоит провести анализ причин падения роста инновационности вместо его ожидаемого роста. Возможно, сказывается усталость как сильный

стрессовый фактор, снижающий успешность деятельности и влияющий на психологическое благополучие молодых женщин-инженеров, несмотря на очень хорошее материальное вознаграждение переработок. Встает вопрос о допустимом (без потери производительности и качества труда) пределе превышения норм рабочего времени. Вполне возможно, что пренебрежение качеством трудовой жизни, пусть даже и вынужденное, выступает одним из признаков снижения инновационности предприятия.

В промышленности таких данных нет, но исследования в образовательной сфере показали, что такой предел переработки — 5 часов в неделю. При его превышении начинают расти чувство усталости, ощущается снижение показателей здоровья, утрачивается желание повышать квалификацию, при длительных переработках нередко наступает профессиональное выгорание [Захарова и др., 2025].

Таблица 2

Адресация доверия молодых женщин-инженеров машиностроительных предприятий в условиях длительных систематических переработок

Предприятие	Респонденты	Доверие компании (от 0 до 10 баллов)			Доверие гендиректору (от 0 до 5)			Соответствие личных ценностей корпоративным (от 0 до 5 баллов)		
		2023	2024	W	2023	2024	W	2023	2024	W
Инновационное (ИнП)	И	7.6	7.2	T	4.0	4.75	*	4.75	2.0	**
	К	5.5	5.3	-	3.25	4.5	*	4.0	1.5	**
U		*	*		*	-		T	T	
Ординарное (ОрдП)	И	4.4	3.9	*	2.25	3.5	*	3.25	1.0	*
	К	6.05	6.03	-	3.25	4.25	*	4.25	1.75	*
U		**	**		*	*		*	-	
U-инноваторы ИнП — ОрдП		**	**		*	*		*	*	
U-консерваторы ИнП — ОрдП		*	*		-	-		-	-	
Инноваторы ИнП — Консерваторы ОрдП		*	*		T	*		*	-	
Консерваторы ИнП — Инноваторы ОрдП		*	*		-	-		T	T	

В таблице 2: И — инноваторы, К — консерваторы; статистическая значимость различий: W — критерий Вилкоксона, U — критерий Уайта, уровень статистической значимости: * - $p \leq 0,05$, ** - $p \leq 0,01$, T — тенденция

Определенные изменения произошли и на ОрдП. Там несколько возросло количество женщин-инженеров, ориентированных на инновации. Они не причисляют себя к приверженцам инноваций, к ним приходит понимание их целесообразности (политика холдинга, высокие заработные платы на инновационном предприятии). Несколько уменьшилось число консерваторов — на 2 %, но и на столько же возросло количество убежденных консерваторов.

На ОрдП обнаружена некоторая тенденция к росту ориентированности молодых женщин-инженеров на инновационность. Можно предположить, что внутри одного холдинга информация о значительно более высоком материальном вознаграждении инновационного труда способствует определенному пересмотру взглядов на инновации у части инженеров и даже поляризации взглядов: рост числа как инноваторов, так и убежденных консерваторов. Можно видеть тенденцию отступления от привычных корпоративных ценностей: в первом случае (ИнП) от ценностей инновационного развития, во втором — от ценностей стабильности (ОрдП). На этом примере можно видеть, как под давлением опыта работы, наблюдения и информации осторожно, но меняются ценностные приоритеты, являющиеся предикторами поведения. Изменяется уровень доверия к корпоративным ценностям на основе личного опыта.

Более детальную картину отношения к инновациям и динамику адресации доверия молодых женщин-инженеров можно увидеть, проанализировав данные таблицы 2.

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что молодой женский инженерный персонал достаточно уверенно разделял в 2023 г. ценности своих компаний. На ИнП соответствие личных и корпоративных ценностей в среднем составляло 4,75 у инноваторов и 4,0 у консерваторов. Различия наблюдаются в виде тенденции, не достигая статистически значимого уровня. То есть корпоративные ценности находили позитивный отклик и у инноваторов, и у консерваторов, что давало менеджменту уверенность в том, что инновационные ориентации возьмут верх. На ОрдП несколько иное отношение к корпоративным ценностям: в 2023 они явно находили больший позитивный отклик у консерваторов, чем у инноваторов. Различия статистически значимые: 4,25 у консерваторов и 3,25 у инноваторов, $p \leq 0,05$.

В 2024 г. ситуация с доверием к корпоративным ценностям принципиально меняется. На ИнП доверие им снижается и у инноваторов, и у консерваторов до 2,0 и 1,5 баллов, соответственно, $p \leq 0,01$. То же происходит и на ОрдП. Падение доверия корпоративным ценностям у инноваторов и консерваторов снижается до 1,0 и 1,75 баллов соответственно, $p \leq 0,01$. И если эту тенденцию на ОрдП можно рассматривать в холдинге как положительную, как основу возможного изменения ценностей инженерного персонала в пользу инноваций, то на ИнП это повод менеджменту задуматься над такой организацией труда, которая сохранит ценности, позволяющие предприятию развиваться в инновационном формате.

Вместе с изменениями в ценностных ориентациях молодых женщин-инженеров изменилось их доверие к компании. Оно стало падать в ИнП, хотя и не достигая уровня статистической значимости, но демонстрируя устойчивую тенденцию к снижению у инноваторов: 7,6 в 2023 г. против 7,2 балла в 2024 г. Консерваторы как существенно меньше доверяли компании, так и остались с тем же уровнем доверия: 5,5

в 2023 г. против 5,3 балла в 2024 г. Этот факт можно расценивать как негативный, поскольку самый ценный персонал перестает быть самым надежным. Падение доверия компании может привести к принятию решения о смене места работы, что в современных условиях нехватки кадров, в первую очередь инновационных инженерных, может произойти легко.

В ОрдП выявлено статистически значимое падение доверия у инноваторов: 4,4 балла в 2023 против 3,9 балла в 2024 г., $p \leq 0,05$. Консерваторы сохранили относительно высокий уровень доверия. Оно статистически значимо и выше, чем у инноваторов. Эти факты имеют двойственное значение. Возможно, инноваторам ОрдП стоит сменить место работы внутри холдинга, иначе они могут покинуть свои рабочие места, хотя при неинновационной репутации предприятия им это будет сделать не так легко, как инноваторам ИнП. Или менеджмент может изменить свое отношение к инновациям и включиться в активную инновационную деятельность, как ожидают от него в холдинге. Это, безусловно, будет непросто, поскольку большая часть инженерного корпуса сохраняет консервативные установки: в данном исследовании не изучаются реальные компетенции инженерного персонала, но ценностные предпосылки, тем не менее, наметились.

Заслуживает внимания ответ на вопрос, какой адресат доверия усилил свои позиции в условиях ценностных изменений, идущих у молодого женского инженерного персонала. Это — генеральный директор холдинга. В 2023 г. ему существенно больше доверяли инноваторы ИнП в сравнении со всеми другими категориями молодого женского инженерного персонала обоих предприятий: 4,0 балла. Интересным представляется тот факт, что менее всего ему доверяли инноваторы ОрдП: 2,25, $p \leq 0,05$. Возможно это объясняется тем, что им не хватало инновационности в собственной компании и они видели терпимость руководства холдинга к такому положению дел. В 2024 г. все категории молодых женщин-инженеров статистически значимо усилили свое доверие к генеральному директору, в том числе — и инноваторы ОрдП: 2,25 в 2023 г. против 3,5 балла в 2024 г., $p \leq 0,05$.

Что это означает? Корпоративные ценности являются относительно стабильными на протяжении долгого времени, и не всегда соответствуют реальной ситуации, которая в современных турбулентных условиях весьма динамична. Генеральный директор воплощает возможности оперативного регулирования организационных процессов. В настоящее время он получает тот уровень доверия, который позволит ему обеспечить необходимые холдингу изменения. Вместе с тем инженеры с инновационными ценностными установками на ИнП явно теряют доверие к холдингу, надеясь на правильные решения генерального директора. Инженеры ОрдП с инновационными установками мотивационно готовы к труду инновационной направленности, но оценивают ли они тот факт, что трудовая нагрузка на них вместе с ростом заказов может существенно возрасти? Позволят ли их профессиональные компетенции справиться с такой возрастающей нагрузкой? Как поддержать наметившуюся тенденцию к ценностным изменениям консерваторов? Потребуется большая оценочная и аналитическая работа кадровых служб и предположительно корпоративное обучение инженеров ОрдП и консерваторов ИнП.

Выводы

1. Гипотезы исследования нашли свое подтверждение в эмпирическом исследовании. В единой структуре машиностроительного холдинга существуют предприятия с разными ценностными комплексами и соответствующими им типами организационной культуры: рыночно-иерархической с выраженным адхократическим компонентом на

инновационном предприятии и кланово-иерархической — на ординарном. Ценностные комплексы устойчивы и характерны для этих предприятий в течение не менее пяти лет. Тип организационной культуры поддерживает установки молодых женщин-инженеров в отношении инновационной деятельности. В условиях рыночно-иерархической организационной культуры с выраженным адхократическим компонентом молодые женщины-инженеры преимущественно мотивационно настроены на инновационную деятельность. Однако систематические переработки могут негативно влиять на инновационную деятельность инженеров. В условиях кланово-иерархической подхода преобладает консервативное отношение к инновациям. Следовательно, решение задачи повышения инновационности производственного предприятия связано с трансформацией организационной культуры.

2. Молодые женщины-инженеры инновационного и ординарного предприятий испытывают трудности разного типа в профессиональной деятельности. На инновационном предприятии это переработки, вызывающие усталость и способствующие оттоку инженерных кадров, в первую очередь — передовых специалистов. На ординарном предприятии вследствие дефицита заказов инженеры получают меньшие зарплаты, но их численность при этом достаточно стабильна. Хотя трудности различны, но динамика организационного доверия в целом схожа. Для всех категорий молодого женского инженерного персонала характерен существенный рост доверия к генеральному директору холдинга. Это означает, что с ним как основным субъектом не только стратегических, но и оперативных управленческих решений связаны надежды на улучшение производственной и организационной ситуации. И он, следовательно, получает кредит доверия для развития инновационной ориентации холдинга.

3. В условиях длительных систематических переработок, являющихся стрессовым фактором, в течение последних двух лет у молодых женщин-инженеров наблюдается снижение доверия к корпоративному ценностному комплексу и предприятию в целом. Этот факт может особенно негативно сказаться на состоянии инженерных разработок инновационного предприятия из-за того, что у лучшего и наиболее перспективного женского инженерного персонала снижается приверженность к компании, а стресс ослабляет эффективность инновационной деятельности. Среди инженеров ординарной компании в этих условиях наблюдается некоторый рост ценностных установок на инновационную деятельность, что создает возможность повысить инновационность предприятия в соответствии с планами менеджмента холдинга.

4. Молодые женщины-инженеры нуждаются в корпоративной поддержке, разрабатываемой на основе диагностики инновационной мотивации, устойчивости к факторам организационного стресса, сформированности инновационного мышления и профессиональных компетенций в области решения современных инженерных задач. Основными направлениями работы в отношении персонала инновационного предприятия, в первую очередь инноваторов, являются: оптимизация трудовой нагрузки, обучение саморегуляции в условиях усталости и стресса. Молодым женщинам-инженерам ординарного предприятия в большей мере требуется корпоративное обучение навыкам командной работы и технологиям решения задач инновационных разработок.

5. Безусловно, исследование феномена динамики доверия в условиях систематических переработок, являющихся типичным организационным условием многих производственных компаний, нуждается в дальнейшем исследовании в динамике (во времени), а также с учетом других гендерных и возрастных групп инженерного

корпуса. Это важно для разработки диагностических, аналитических процедур, содержания корпоративного обучения, развития социального капитала холдинга.

Список источников

- Балакишина Е. В. Психологическое своеобразие когнитивной сферы будущего инженера как субъекта надежного профессионального труда // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 3 (120). С. 110—117.
- Бодров В. А. Развитие учения о профессиональном утомлении человека. Ч. 1: Категория «Утомление» в системе представлений о функциональном состоянии и деятельности человека // Психологический журнал. 2010. Т. 31, № 3. С. 46—57.
- Захарова Л. Н., Саралиева З. Х., Лангман И. А. Субъективное благополучие женщин-учителей и профессиональное развитие в условиях превышения норм рабочего времени: управленческая модель // Вестник ННГУ. Серия социальные науки. 2025. № 1. С. 93—105.
- Захарова Л. Н., Саралиева З. Х., Лангман И. А., Сайгина Е. В. Субъективное благополучие и организационно-культурные предпочтения молодого женского персонала в условиях переработок // Женщина в российском обществе. 2023. № 3. С. 59—73.
- Захарова Л. Н., Саралиева З. Х., Сайгина Е. В. Управление развитием социального капитала организаций оборонно-промышленного комплекса как социологическая проблема // Logos et Praxis. 2023. Т. 22, № 1. С. 80—92.
- Захарова Л. Н., Леонова И. С. Социально-психологический возраст персонала российских компаний. М.: ИНФРА-М, 2021. 292 с.
- Захарова Л. Н., Леонова И. С., Коробейникова Е. В. Ценностный конфликт и психологическая жизнеспособность персонала российских предприятий. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. 411 с.
- Игумнов О. А., Платонова Е. Д. Социальный капитал как ресурс управления организацией: ретроспектива концептуальных подходов с целью формирования парадигмы // Социология. 2023. № 6. С. 146—155.
- Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М.: Ин-т психологии РАН, 2015. 571 с.
- Леонова А. Б., Мотовилина И. А. Организационный стресс в процессе организационных изменений // Психологический журнал. 2006. Т. 27, № 2. С. 79—92.
- Почебут Л. Г., Чикер В. А., Волкова Н. В., Недошивина М. А. Социально-психологические особенности социального капитала в российских деловых организациях // Организационная психология. 2024. Т. 14, № 4. С. 9—25.
- Путь женщин в инженерные и производственные профессии. Аналитический отчет по результатам комплексного социологического исследования. М.: НАФИ, 2024. 45 с. URL: <https://nafi.ru/upload/iblock/20a/20a96376c119d86f428a624a961d51e9.pdf> (дата обращения: 05.01.2026).
- Савинская О. Б., Лебедева Н. В. Почему женщины уходят из STEM: роль стереотипов // Женщина в российском обществе 2020. № 2. С. 62—75.
- Beach M., Knaphus-Soran E., Tanveer M., Foxe J., Dott P. C. Women in engineering and STEM: A Review of the 2024 literature // SWE (Society of Women engineers). 19 March. 2025. URL: <https://swe.org/magazine/women-in-engineering-and-stem-a-review-of-the-2024-literature/> (дата обращения: 06.01.2026).
- Bendeck S., Hastings O. P. Linking individual and collective social capital: operationalization, association, and sociodemographic heterogeneity // Sociological Spectrum. 2023. Vol. 1, № 43. P. 31—51.
- Biron M., Link S. Stress, appraisal and work routine in wartime: do men and women differ? // Anxiety, Stress, & Coping. 2013. Vol. 27, № 2. P. 229—240.
- Cameron K. S., Quinn R. E. Diagnosing and changing organizational culture based on the competing values framework. 3rd edition. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2011. 242 p.
- Frater J. Gender, value, creativity and the marketplace // South Asian History and Culture. 2024. Vol. 15, № 1. P. 27—47.

- Hartner-Tiefenthaler M., Nienaber A. M., Yanagida T. Occupation matters! A Multilevel analysis of organizational trust in professional bureaucracies in the healthcare sector // *Public Performance & Management Review*. 2022. Vol. 46, № 3. P. 512—535.
- Naukkarinen J., Bairoh S. Gender differences in professional identities and development of engineering skills among early career engineers in Finland // *European Journal of Engineering Education*. 2021. Vol. 47, № 1. P. 85—101.
- World Intellectual Property Organization (WIPO). Global Innovation Index 2025: Innovation at a Crossroads. 18th Edition. Geneva: WIPO. 2024. 296 p. URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2025-en-global-innovation-index-2025-innovation-at-a-crossroads.pdf> (дата обращения: 06.01.2026).
- World Intellectual Property Organization (WIPO). Global Innovation Index 2024: Unlocking the Promise of Social Entrepreneurship, 17th Edition / Eds. S. Dutta, B. Lanvin, L. R. León, S. Wunsch-Vincent. Geneva: WIPO. 2024. 324 p. URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2024-en-global-innovation-index-2024-17th-edition.pdf> (дата обращения: 06.01.2026).

References

- Balakshina, Ye. V. (2021) Psikhologicheskoe svoeobrazie kognitivnoï sfery budushchego inzhenera kak sub"ekta nadezhnogo professional'nogo truda [Psychological peculiarities of the cognitive sphere of the future engineer as a subject of reliable professional work], *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, vol. 120, no. 3, pp. 110—117.
- Beach, M., Knaphus-Soran, E., Tanveer, M., Foxe, J., Dott, P. C. (2025) Women in engineering and STEM: A Review of the 2024 literature, *SWE (Society of Women engineers)*. 19 March. 2025, available from <https://swe.org/magazine/women-in-engineering-and-stem-a-review-of-the-2024-literature/> (accessed 06.01.2026).
- Bendeck, S., Hastings, O. P. (2023) Linking individual and collective social capital: operationalization, association, and sociodemographic heterogeneity, *Sociological Spectrum*, vol. 1, no. 43, pp. 31—51.
- Biron, M., Link, S. (2013) Stress, appraisal and work routine in wartime: do men and women differ?, *Anxiety, Stress, & Coping*, vol. 27, no. 2, pp. 229—240.
- Cameron, K. S, Quinn, R. E. (2011) Diagnosing and Changing Organizational Culture Based on the Competing Values Framework. 3rd edition. San Francisco, CA: Jossey-Bass.
- Bodrov, V. A. (2010) Razvitie ucheniia o professional'nom utomlenii cheloveka. Chast' 1. Kategoriia «Utomlenie» v sisteme predstavlenii o funktsional'nom sostoianii i deiatel'nosti cheloveka [Development of Teaching about Human Occupational Fatigue. Part 1. The Category "Fatigue" in the System of Ideas about Functional Condition and Activity of a Person], *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 31, no. 3, pp. 46—57.
- Frater, J. (2024) Gender, value, creativity and the marketplace, *South Asian History and Culture*, vol. 15, no. 1, pp. 27—47.
- Hartner-Tiefenthaler, M., Nienaber, A. M., Yanagida, T. (2022) Occupation matters! A Multilevel analysis of organizational trust in professional bureaucracies in the healthcare sector, *Public Performance & Management Review*, vol. 46, no. 3, pp. 512—535.
- Igumnov, O. A., Platonova, E. D. (2023) Social'nyi kapital kak resurs upravleniia organizatsiei: retrospektiva kontseptual'nykh podkhodov s tsel'iu formirovaniia paradig [Social capital as a resource for managing an organization: a retrospective of conceptual approaches with the aim of forming a paradigm], *Sotsiologiya*, no. 6, pp. 146—155.
- Kupreichenko, A. B. (2015) Psikhologiya doveriia i nedoveriia [The psychology of Trust and Distrust], Moscow: In-t psikhologii RAN.

- Leonova, A. B., Motovilina, I. A. (2006) Organizatsionnyĭ stress v protsesse organizatsionnykh izmenenii [Organizational stress in the process of organizational changes], *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 27, no. 2, pp. 79—92.
- Naukkarinen, J., Bairoh, S. (2021) Gender differences in professional identities and development of engineering skills among early career engineers in Finland, *European Journal of Engineering Education*, vol. 47, no. 1, pp. 85—101.
- Pochebut, L. G., Chiker, V. A., Volkova, N. V., Nedoshivivna, M. A. (2024) Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti sotsial'nogo kapitala v rossiiskikh delovykh organizatsiiakh [Socio-psychological features of social capital in Russian business organizations], *Organizatsionnaia psikhologiya*, vol. 14, no. 4, pp. 9—25.
- Put' zhenshchin v inzhenernye i proizvodstvennye professii. Analiticheskii otchet po rezul'tatam kompleksnogo sotsiologicheskogo issledovaniia (2024) [The Path of Women to Engineering and Manufacturing Professions. Analytical report on the results of a comprehensive sociological study], Moscow: NAFI, available from <https://nafi.ru/upload/iblock/20a/20a96376c119d86f428a624a961d51e9.pdf> (accessed 05.01.2026).
- Savinskaya, O. B., Lebedeva, N. V. (2020) Pochemu zhenshchiny ukhodiat iz STEM: rol' stereotipov [Why women leave STEM: the role of stereotypes], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no.2, pp. 62—75.
- World Intellectual Property Organization (WIPO) (2024) Global Innovation Index 2025: Innovation at a Crossroads. 18th Edition. Geneva: WIPO, available from <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2025-en-global-innovation-index-2025-innovation-at-a-crossroads.pdf> (accessed 06.01.2026).
- World Intellectual Property Organization (WIPO) (2024) Global Innovation Index 2024: Unlocking the Promise of Social Entrepreneurship. 17th Edition. In S. Dutta, B. Lanvin, L. R. León, S. Wunsch-Vincent (Eds.). Geneva: WIPO, available from <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2024-en-global-innovation-index-2024-17th-edition.pdf> (accessed 06.01.2026).
- Zakharova, L. N., Saralieva, Z. Kh., Langman, I. A., Saygina, E. V. (2023) Sub'ektivnoe blagopoluchie i organizatsionno-kul'turnye predpochteniia molodogo zhenskogo personala v usloviakh pererabotok [Subjective well-being and organizational and cultural preferences of overworked young women], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 59—73.
- Zakharova, L. N., Leonova, I. S. (2021) Sotsial'no-psikhologicheskii vozrast personala rossiiskikh kompanii [Socio-psychological Age of Russian Companies Personnel], Moscow: INFRA-M.
- Zakharova, L. N., Leonova, I. S., Korobeynikova, E. V. (2017) Sotsial'no-psikhologicheskii vozrast personala rossiiskikh kompanii [Value Conflict and Psychological Resilience of the Personnel of Russian Enterprises], Nizhny Novgorod: Izd-vo NNGU.
- Zakharova, L. N., Saralieva, Z. Kh., Langman, I. A. (2025) Sub'ektivnoe blagopoluchie zhenshchin-uchitelei i professional'noe razvitie v usloviakh prevysheniia norm rabocheho vremeni: upravlencheskaia model' [Subjective well-being of women teachers and professional development in conditions of excessive working hours: a management model], *Vestnik NNGU. Seriya sotsial'nye nauki*, no. 1, pp. 93—105.
- Zakharova, L. N., Saralieva, Z. Kh., Saygina, E. V. (2023) Upravlenie razvitiem sotsial'nogo kapitala organizatsii oboronno-promyshlennogo kompleksa kak sotsiologicheskaiia problema [Management of the development of social capital of organizations of the military-industrial complex as a sociological problem], *Logos et Praxis*, vol. 22, no. 1, pp. 80—92.

Статья поступила в редакцию 15.03.2026; одобрена после рецензирования 30.03.2026; принята к публикации 10.04.2026.

The article was submitted 15.03.2026; approved after reviewing 30.03.2026; accepted for publication 10.04.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Захарова Людмила Николаевна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии управления, факультет социальных наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, zlnnnov@mail.ru (D.Sc. (Psychology), Professor, Head of the Department of Management Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research State University of Nizhny Novgorod named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры общей социологии и социальной работы, факультет социальных наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, zara@fsn.unn.ru (D.Sc. (History), Professor, Professor in the Department of General Sociology and Social Work, Faculty of Social Sciences, National Research State University of Nizhny Novgorod named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Сайгина Елена Владимировна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, докторант каф. общей социологии и социальной работы, факультет социальных наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, jara7777@mail.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor in the Department of Management Psychology, Doctoral Student in the Department of General Sociology and Social Work, Faculty of Social Sciences, National Research State University of Nizhny Novgorod named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2026. № 2. С. 78—91.

Woman in Russian Society. 2026. No. 2. P. 78—91.

Научная статья

УДК 314.15:314.33

EDN: <https://elibrary.ru/nbzyju>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.2.6

ДЕТНОСТЬ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ДИСБАЛАНС

Евгения Петровна Сигарева¹, Светлана Юрьевна Сивоплясова^{1,2}

¹ Институт социальной демографии,

Федеральный научно-исследовательский социологический центр,

Российская академия наук, г. Москва, Россия, sigarevae@mail.ru

² Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
г. Москва, Россия

Аннотация. В работе рассматривается феномен региональной дифференциации показателей детности в России в условиях активизации государственной демографической политики. Цель работы — выявление тенденций в трансформации моделей детности в реальных поколениях за межпереписной период 2010—2020 гг. на основе нового исследовательского подхода к измерению показателей региональной дифференциации детности в отдельных когортах семей: однодетных, двухдетных и многодетных. Результаты исследования показали, что целевыми индикаторами эффективности мер поддержки демографического развития регионов России, а также сближения региональных моделей детности могут выступать не только суммарный коэффициент рождаемости, но и статистически измеряемые показатели региональной дифференциации детности в каждой совокупности семей. За исследуемый период между двумя последними переписями сформировалась тенденция, направленная на сближение моделей детности: резко снизилось число регионов, где превалировала однодетная модель детности, наблюдаются позитивные сдвиги в когортах двухдетных и многодетных российских семей. Данная работа может стать базой для прогнозирования региональных показателей детности и, что особенно важно, для оценки необходимых мер региональной социально-экономической политики в условиях реализации национального проекта «Семья».

Ключевые слова: детность, модель, семья, регион, структура детности, перепись населения, дифференциация детности, децильный коэффициент

Для цитирования: Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю. Детность: региональный дисбаланс // Женщина в российском обществе. 2026. № 2. С. 78—91.

Original article

FERTILITY: REGIONAL IMBALANCE

Evgenia P. Sigareva¹, Svetlana Yu. Sivoplyasova^{1,2}

¹ Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, sigarevae@mail.ru

² Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation

Abstract. This article examines the phenomenon of regional differentiation in fertility rates in Russia in the context of intensified state demographic policy. The aim of the study was to identify trends in the transformation of fertility patterns in real generations during the 2010—2020 intercensal period based on a new research approach to measuring regional differentiation in fertility rates in specific family cohorts: single-child, two-child, and multi-child families. The results of the study showed that the target indicators of the effectiveness of measures to support demographic development in Russian regions, as well as the convergence of regional models of childhood, can be not only the total fertility rate, but also statistically measurable indicators of regional differentiation of childhood in each group of families: single-child, two-child, and multi-child. During the period under review between the last two censuses, a trend towards convergence in childbearing patterns emerged: there was a sharp decline in the number of regions where the one-child model prevailed, and positive shifts were observed in the cohorts of Russian families with two or more children. This article can serve as a basis for forecasting regional fertility indicators and, most importantly, for assessing the necessary measures of regional socio-economic policy in the context of the implementation of the national project “Family”.

Key words: fertility, model, family, region, fertility structure, population census, fertility differentiation, decile coefficient

For citation: Sigareva, E. P., Sivoplyasova, S. Yu. (2026) Detnost': regional'nyĭ disbalans [Fertility: regional imbalance], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2: 78—91.

Введение

В Российской Федерации в последние десятилетия важнейшим целевым показателем преодоления демографического кризиса являлся суммарный коэффициент рождаемости, который содержался во многих концептуальных документах. Этот показатель присутствует и в последних государственных директивах, ориентирующих разработку мер демографической политики. Так, например, в Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹ зафиксировано в качестве целевой задачи «повышение суммарного коэффициента рождаемости до 1,6 к 2030 году и до 1,8 к 2036 году, в том числе ежегодный рост суммарного коэффициента рождаемости третьих и последующих детей»². В утвержденной ранее Правительством Российской Федерации «Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» от 15.03.2025 г.³ в качестве основного показателя

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/24uk0309/> (дата обращения: 12.11.2025).

² Там же.

³ «Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года». URL: <http://static.government.ru/media/files/r10o4FJgcqMhYx2bGAJRxMNNS2m7pmN4.pdf> (дата обращения: 12.11.2025).

указывается суммарный коэффициент рождаемости, а также конкретизируется еще один показатель — «суммарный коэффициент рождаемости третьих и последующих детей к 2030 году составит не менее 0,475, к 2036 году — не менее 0,485»⁴. Более того, в Указе Президента Российской Федерации от 28.11.2024 г. № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации»⁵ отмечено, что в оценку эффективности деятельности губернаторов входит показатель суммарного коэффициента рождаемости.

В данной статье внимание будет обращено на еще один индикатор демографического благополучия — показатель детности семей. Возможно, в дальнейших разработках ориентиров демографической политики он также найдет отражение в качестве целевого показателя. Это связано с рядом обоснований. Исходя из определения суммарного коэффициента рождаемости⁶, можно сказать, что, во-первых, он имеет расчетный характер; во-вторых, не зависит от смертности и возрастного состава; в-третьих, связан только с женским населением страны; в-четвертых — в региональном контексте не учитывает процессы миграции, а также иные социальные явления, такие как репродуктивный туризм, социальное сиротство, «псевдорождаемость»⁷. То есть имеет достаточно высокую условность.

Показатель детности, напротив, имеет большую «приземленность», так как рассчитывается на основе реальных поколений. Исходя из определения⁸, он связан с типом семьи (полная или не полная), учитывает детскую смертность и, что особенно важно, является базисным ориентиром в разработке социально-демографических мер не только в формате федеральной, но и региональной демографической политики. Поэтому в данной работе предложен анализ региональной дифференциации детности, вскрывающий серьезный дисбаланс репродуктивных норм детности в современной России. Актуальность работы связана с необходимостью не только оценить региональное разнообразие детности в России, но и выявить тренды возможной конвергенции территориальных моделей детности. Цель работы заключалась в выявлении тенденций в трансформации моделей детности в реальных поколениях за межпереписной период 2010—2020 гг. на основе нового исследовательского подхода к

⁴ Там же.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 28.11.2024 № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411280003> (дата обращения: 12.11.2025).

⁶ Суммарный коэффициент рождаемости (СКР), также коэффициент суммарной рождаемости, коэффициент фертильности — коэффициент, показывающий, сколько в среднем родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (то есть от 15 до 50 лет) при сохранении в каждом возрасте уровня рождаемости того года, для которого вычисляется показатель независимо от смертности и от изменений возрастного состава.

⁷ 600 мифических детей ради социальных выплат. URL: https://t.me/IrinaVolk_MVD/6041 (дата обращения: 15.11.2025); Филиппович М. За фиктивные роды бюджет России выплатил миллиард // ЕАН Россия, 16 декабря 2024. URL: <https://eanews.ru/rossiya/20241216104146/zafiktivnye-rody-byudzheta-rossii-vyplatil-milliard> (дата обращения: 15.12.2025).

⁸ Детность — размер семьи по числу рожденных и выращенных детей. Это одна из основных характеристик исторических типов воспроизводства населения, которая определяется прежде всего господствующими социальными репродуктивными нормами детности.

измерению показателей региональной дифференциации детности в отдельных когортах семей: однодетных, двухдетных и многодетных. Ее результаты позволят более детально подойти к оценке региональной специфики моделей детности в России и тем самым актуализировать поиск новых мер демографической политики в региональном контексте.

Обзор литературы

В отличие от исследований региональной дифференциации детности, региональный дисбаланс рождаемости изучается гораздо чаще. Научным сообществом на протяжении многих лет исследовалась и признавалась значительная дифференциация в сфере рождаемости, как в мировом масштабе, так и в региональном. Различные аспекты данной тематики затрагивались в исследованиях отдельных ученых (географов, демографов, социологов), а также в отчетах международных организаций⁹. В современный период актуализация изучения разнообразия в показателях рождаемости связана с распространением «теории демографического перехода» [Стадник, 2023], проблемами демографической безопасности [Калачикова, Короленко, 2015], процессами глобализации и наступлением нового тысячелетия, когда становится востребованным новый взгляд на мировые тенденции народонаселения. Можно привести внушительное число работ ученых, таргетированных на исследование разнообразия в сфере рождаемости. Например, статья коллектива авторов о глобальных различиях рождаемости [Espenshade, Guzman et al., 2003], статья [Bongaarts, 2002], которая описывает процессы рождаемости в развитых странах, статья авторов [Basten, Sobotka et al., 2013], в которой рассматриваются перспективы рождаемости в странах с ее низким уровнем. Среди отечественных исследований данной тематики обращает на себя внимание работа [Костина, Трынов, 2021], где рассмотрены кластеры субъектов РФ и их дифференциация по коэффициенту рождаемости четвертых и следующей очередности рождений детей в зависимости от социально-экономического уровня развития региона. Еще более масштабное исследование содержится в работе «Региональные особенности демографического развития России в XXI веке» [Кожевникова и др., 2019], где на основе системного анализа не только процессов рождаемости, но и других демографических компонентов, была выявлена дифференциация регионов по участию в демографическом развитии России.

В последние годы у исследователей вызывает интерес проблема конвергенции показателей региональной дифференциации рождаемости. В статье В. Н. Архангельского отмечаются существенные региональные различия в уровне рождаемости, а также формулируется вывод о том, что «сближению показателей рождаемости за счет повышения в регионах с относительно более низким ее уровнем могла бы, вероятно, способствовать более активная и результативная демографическая политика в них, основанная, видимо, на софинансировании из федерального и региональных бюджетов» [Архангельский, 2019].

К таким работам также можно отнести статью «Региональная конвергенция рождаемости в России» [Шубат, 2019], где на основе данных о региональных значениях суммарного коэффициента рождаемости за период с 1990 г. по 2016 г. и авторской методики делается вывод, что в исторической перспективе не наблюдается

⁹ World Population Prospects 2022. Summary of Results. United Nations. New York. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf (дата обращения: 20.12.2025).

процесс конвергенции рождаемости. Этому выводу противоречит работа «Региональные клубы конвергенции возрастной рождаемости городского и сельского населения в постсоветской России» [Домнич, 2015], которая свидетельствует, что «демографический переход в регионах России осуществлялся посредством уменьшения числа региональных клубов конвергенции, а также регионов-дивергентов, конвергенции регионов независимо от начального уровня рождаемости и достижения паритета по рождаемости городского и сельского населения».

В контексте поиска новых идей следует упомянуть две работы И. Е. Калабихиной, П. О. Кузнецовой, в которых территориальную неоднородность рождаемости предлагается рассмотреть с позиций «порядкового перехода» [Калабихина, Кузнецова, 2023; Калабихина, Кузнецова, 2024]. О факторах регионального разнообразия рождаемости упомянуто в статье [Сигарева, Плетнева, 2019].

К сожалению, тематика детности не получила широкого освещения в научной литературе в последние годы. О ней судят по показателям рождаемости или по результатам опросов населения о репродуктивных намерениях, что, строго говоря, не является аутентичным инструментом анализа. О рисках такой подмены говорилось еще четыре десятилетия назад известным демографом А. Г. Волковым [Демографический энциклопедический словарь, 1985]. К работам, исследующим детность, можно отнести, к примеру, сборник «Детность семьи: вчера, сегодня, завтра» [Детность..., 1986], статьи «Современные тенденции детности семьи и цели семейно-демографической политики» [Антонов, 2014], «Трансформация детности семей в современной России» [Сивоплясова, 2025], «Изменение детности семей в городах Сибири в 1970—1980-х гг.» [Сентябова, 2022]. Подробно аспекты многодетности для страны в целом были рассмотрены в работе авторов [Ростовская, Кучмаева и др., 2024].

Методика исследования

Эффекты реализации мер демографической политики могут иметь как немедленный, так и отложенный характер. Оценить их позволит анализ данных официальной статистики Росстата. Причем, объединить обе группы эффектов возможно, анализируя данные Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 годов. Результаты переписей были отобраны для анализа по причине того, что 2010 год является моментом, приближенным по времени к началу реализации широкого спектра мер демографической политики. В данных же 2020 года будут отражены отсроченные эффекты.

Динамику демографической ситуации характеризуют различные взаимосвязанные индикаторы. О тенденциях в рождаемости опосредованно говорят результаты о детной структуре российских семей. Но это иной измеритель, особая грань типа воспроизводства населения. В настоящем анализе были использованы сведения о численности домохозяйств, в составе которых имеется хотя бы одна брачная пара с детьми, а также мать или отец с детьми. К многодетным семьям были отнесены семьи, имеющие трех и более детей. При изучении регионального разнообразия детности следует учесть, что в перепись 2010 г. были включены только 83 субъекта, а в перепись 2020 г. — 85 субъектов. Также в работе не были учтены новые регионы страны.

Методологический подход базировался на принципе детального изучения региональных показателей детности в отдельных семейных категориях: однодетных, двухдетных и многодетных семей. По каждой категории были составлены рейтинговые последовательности показателей удельного веса однодетных, двухдетных и многодетных семей в общем числе семей в каждом субъекте России, основанные на

результатах двух переписей населения 2010 г. и 2020 г. Затем полученные рейтинговые данные были разделены по децильным группам в каждой категории семей, что позволило оценить диапазон региональных различий показателей детности и их трансформацию за межпереписной период. По каждой децильной группе и каждой категории семей были рассчитаны общие и средние показатели, которые позволяют оценить региональное расслоение детности по субъектам Российской Федерации. То есть в итоге было получено статистически измеряемое региональное разнообразие детности в разных категориях семей, что дало возможность оценить изменения, которые произошли в субъектах страны за период между двумя последними переписями населения. Эти показатели можно определить как показатели региональной дифференциации детности в каждой совокупности семей: однопородных, двупородных и многодетных.

Результаты исследования

Учитывая различия и особенности проведения двух всероссийских переписей населения, а также изменения административно-территориального деления государства, статистический анализ результатов позволил выявить следующие ключевые тенденции.

Во-первых, в межпереписной период 2010 г. и 2020 г. в структуре детности семей в целом по Российской Федерации наметились позитивные изменения: снизилась доля семей с одним ребенком и увеличились доли семей с двумя детьми и многодетных семей (табл. 1).

Таблица 1

Среднероссийские показатели детности семей по результатам переписей населения 2010 и 2020 гг., %

	с 1 ребенком	с 2 детьми	с 3 и более детьми
2010	65,27	27,86	6,87
2020 (2021)	55,15	33,11	11,74

Доля однопородных семей за межпереписной период в целом по России снизилась на 16 % и составила в 2020 г. 55,15 %. Почти на 20 % увеличилась доля семей с двумя детьми. То есть каждая третья семья в России в 2020 г. уже имела по два несовершеннолетних ребенка. Значительно увеличилась численность семей с тремя и более детьми — почти на 71 %. Почти каждая восьмая семья в 2020 г. стала многодетной. Однако в этом случае стоит учитывать то, что базовый показатель для этой группы семей был в 2010 г. низкий (всего 6,87 %). Поэтому и сдвиги, произошедшие в этой группе семей хотя и максимальные, но пока недостаточные для формирования даже простого воспроизводства населения и преодоления депопуляционной ситуации.

Во-вторых, за межпереписной период 2010—2020 гг. наметился процесс унификации модели детности. В целом для России региональная вариативность детности в 2010 г. была значительна. Особенно это заметно в группе многодетных семей (табл. 2).

Таблица 2

**Минимальные и максимальные показатели детности семей
в регионах России по результатам переписей населения
2010 и 2020 гг., %**

	2010 г.			2020 г.		
	с 1 ребенком	с 2 детьми	с 3 и более детьми	с 1 ребенком	с 2 детьми	с 3 и более детьми
Миним.	21,68	21,77	2,96	23,74	23,79	6,97
Максим.	74,98	35,90	54,07	63,80	38,75	52,47

Если в 2010 г. различие в долях однодетных семей в региональном разрезе составляло 3,5 раза, то в 2020 г. оно снизилось до 2,7 раза. В этой группе семей к 2020 г. примерно 5,3 млн семейных ячеек перешли от однодетности к большей детности. Минимальный показатель однодетности относительно 2010 г. к 2020 г. незначительно возрос (с 21,68 % до 23,74 %). Показатель максимума однодетности в структуре семей, напротив, снизился существенно: с 75 % до 64 %. Эти данные свидетельствуют о том, что происходящие изменения снижают распространенность однодетной модели семьи в региональном контексте.

Почти незаметное сокращение претерпел разброс в региональном смысле показателей доли семей с двумя детьми. Вариативность распространения двухдетных семей что и в 2010, что и в 2020 г. составляла 1,6 раза. При этом к 2020 г. незначительно возрос как минимальный показатель доли семей с двумя детьми, так и максимальный. За межпереписной период 2010—2020 гг. абсолютный прирост двухдетных семей составил более 637 тыс., что символически позволило достичь этой семейной группе абсолютного числа в 10 млн представителей.

Существенные сдвиги произошли в структуре семей с тремя и более детьми. За межпереписной период число многодетных приросло на 1 250 тыс. семей. Это в абсолютных числах наиболее масштабный эффект, который лишь в некотором смысле можно объяснить относительно малым числом таких представителей в структуре детности семей. Если в 2010 г. многодетных семей в целом по России насчитывалось 2 325 тыс., то в 2020 г. к ним уже относились 3 574 тыс. К 2020 г. не осталось ни одного региона в России, где доля многодетных семей была бы ниже 6 %. В 2010 г. регионов с меньшим показателем насчитывалось 50 субъектов. Об этом свидетельствуют минимальные показатели структуры детности семей (табл. 2). Вместе с тем отметим, что максимальный показатель удельного веса многодетных в структуре семей незначительно снизился в период 2010—2020 гг. с 54,07 % до 52,47 %, что свидетельствует о сужении региональной вариативности многодетности. Если в 2010 г. региональное различие между минимумом и максимумом в группе многодетных достигало 18 раз, то в 2020 г. вариативность региональных показателей составила лишь 7 раз. Это также говорит об унификации региональной модели детности, и в том числе многодетности, за последний межпереписной период.

Однодетность

Детализированный анализ распространения однодетных семей по территории России, а также трансформационные процессы, характеризующие однодетность за межпереписной период, показывают, что за прошедший промежуток времени между двумя последними переписями в Российской Федерации существенно сократилась тотальная однодетность. Распределение однодетных семей по децильным группам оказалось наиболее широким. Их в 2010 г. насчитывалось 6, но к 2020 г. число таких групп сократилось до 5.

Если в 2010 г. в 20 регионах страны доля однодетных семей составляла более 70 % среди всех семейных групп, то уже в 2020 г. таких регионов не наблюдалось (табл. 3).

Таблица 3

Распределение удельного веса однодетных семей по числу субъектов, общей сумме и среднему показателю в децильных группах

Децильные группы	Число субъектов в группе		Суммы долей в децильной группе, %		Средний показатель по группе, %	
	2010 г.	2020 г.	2010 г.	2020 г.	2010 г.	2020 г.
от 20 % до 29 %	2	2	47,02	47,86	23,51	23,93
от 30 % до 39 %	1	4	35,53	139,66	35,53	34,92
от 40 % до 49 %	4	9	179,15	409,72	44,79	45,52
от 50 % до 59 %	9	53	507,93	2950,38	56,44	55,67
от 60 % до 69 %	47	17	3118,87	1041,09	66,36	61,24
Свыше 70 %	20	0	1425,16	-	71,26	-

Отметим, что данные таблицы 3 демонстрируют процесс смещения всех показателей (как числа субъектов, общей суммы долей, так и среднего показателя по группам) однодетных семей от большего к меньшему за межпереписной период. Это означает сокращение распространенности однодетности на территории России, очевидно, за счет активной демографической политики, начало реализации которой предвляла перепись населения 2010 г. По данным этой переписи наибольшая доля семей с одним ребенком регистрировалась в Санкт-Петербурге и составляла 75,0 % от общего числа семей с детьми до 18 лет, то есть в «северной столице» в это время три семьи из каждых четырех были однодетными. Минимальный показатель однодетности в 2010 г. наблюдался в Республике Ингушетия, в которой лишь каждая пятая семья была однодетной. В 2020 г. наиболее высокий показатель доли однодетных семей был зафиксирован в Магаданской области (63,8 %), а минимальный — также в Республике Ингушетия (23,7 %).

Вместе с тем, однодетность семей пока еще широко распространена. Так, в 2020 г. в большом числе субъектов России (в 53 из 85) доля семей с одним ребенком составляла от 50 % до 59 %. Это проявляет серьезную проблему устойчивости и массовости модели однодетной семьи для большинства субъектов Российской Федерации.

Что касается трансформации показателя региональной дифференциации однодетности, то его изменения за прошедший межпереписной период были существенными. В 2010 г. средний показатель однодетности по максимальной децильной группе превышал средний показатель однодетности по минимальной децильной

группе в 3 раза. В 2020 г. это соотношение сократилось до 2,6 раза, что означает некоторое усреднение, процесс конвергенции региональной модели однодетности семей на современном этапе.

Двудетность

Все регионы России, где в переписях населения 2010 г. и 2020 г. были зарегистрированы семьи с двумя детьми (а двудетность была присуща всем регионам страны), были распределены лишь в двух децильных группах (табл. 4). То есть в региональной структуре детности доли двудетных семей варьировались от 21 % до 36 % в период переписи населения 2010 г. и от 23 % до 39 % в период переписи населения 2020 г. Число децильных групп за межпереписной период не изменилось, как это наблюдалось в случае однодетности, что говорит об устойчивости модели двудетной семьи.

Таблица 4

Распределение удельного веса двудетных семей по числу субъектов, общей сумме и среднему показателю в децильных группах

Децильные группы	Число субъектов в группе		Суммы долей в децильной группе, %		Средний показатель по группе, %	
	2010 г.	2020 г.	2010 г.	2020 г.	2010 г.	2020 г.
от 20 % до 29 %	61	6	1613,68	166,4	26,45	27,73
от 30 % до 39 %	22	79	722,51	2652,72	32,84	33,58

Данные свидетельствуют, что, в отличие от однодетности, межпереписная динамика региональной двудетности характеризуется процессом смещения всех показателей от меньших к большим. Так, если в 2010 г. число субъектов России, где доля двудетных семей составляла от 20 % до 29 %, равнялось 61 (это 73 % всех субъектов страны), то в 2020 г. их число сократилось в 10 раз. Напротив, во второй децильной группе, где удельный вес двудетных семей составлял от 30 % до 39 %, число субъектов к 2020 г. относительно 2010 г. существенно возросло — в 3,6 раза. За этот период 52 субъекта России «перешли» из более низкой децильной группы в более высокую. К 2020 г. более чем в 90 % субъектов России доли семей с двумя детьми стали составлять от 30 % до 39 %.

Такие же позитивные трансформации наблюдаются и по другим характеристикам двудетности. Например, средние показатели удельного веса двудетных семей выросли в обеих децильных группах. Справедливости ради заметим, что этот рост был незначительным, что также характеризует консервативность двудетной модели семьи.

В 2010 г. минимальный показатель удельного веса двудетных семей отмечен в Санкт-Петербурге, где лишь 22 % семей имели двух детей. Учитывая, что в этом субъекте России в 2010 г. минимальная двудетность сочеталась с максимальной однодетностью, можно было говорить о серьезном демографическом кризисе в «северной столице» страны. Но к 2020 г. в данном регионе положение несколько улучшилось. Минимальный удельный вес двудетных семей в этот период наблюдался в Республике Ингушетия. Максимальная двудетность семей в структуре детности в 2010 г. зарегистрирована в Республике Дагестан (36 %). В 2020 г. наибольший удельный вес двудетных семей отмечен в Чувашской Республике (39 %).

Об устойчивости двухдетной модели семьи в региональном контексте также свидетельствуют показатели коэффициента региональной дифференциации двухдетности. В 2010 г. соотношение средних децильных коэффициентов второй и первой групп регионов составляло 1,24. А в 2020 г. — 1,21. Почти незаметные изменения этого показателя говорят о том, что двухдетная модель семьи в региональном контексте унифицирована и относительно устойчива в России.

Многодетность

В категорию многодетных семей были включены все семьи, имеющие три и более ребенка до 18 лет, указанные в результатах переписей населения 2010 г. и 2020 г. То есть эта категория совокупности семей имеет обобщенный по числу детей характер. Регионы страны были распределены в 5 децильных групп (табл. 5). Причем число этих групп не подверглось трансформации за исследуемый межпереписной период.

Таблица 5

Распределение удельного веса многодетных семей по числу субъектов, общей сумме и среднему показателю в децильных группах

Децильные группы	Число субъектов в группе		Суммы долей в децильной группе, %		Средний показатель по группе, %	
	2010 г.	2020 г.	2010 г.	2020 г.	2010 г.	2020 г.
от 0 % до 9 %	70	42	369,45	361,11	5,28	8,60
от 10 % до 19 %	9	33	126,22	414,28	14,02	12,55
от 20 % до 29 %	2	6	53,16	147,79	26,58	24,63
от 30 % до 39 %	0	2	-	66,31	0,00	33,16
от 40 % до 49 %	1	0	47,24	-	47,24	-
от 50 % до 59 %	1	2	54,07	103,11	54,07	51,56

Вместе с тем отметим, что именно в данной категории детной структуры семей России, выраженной в региональном контексте, произошли наиболее существенные сдвиги. Так, число регионов страны, где наблюдался наименьший удельный вес многодетных семей (первая децильная группа) резко сократилось в межпереписной период: с 70 до 42 субъектов, или в 1,7 раза. То есть если в 2010 г. наименьшая многодетность была распространена в подавляющем числе регионов, то в 2020 г. число субъектов с наименьшими показателями удельного веса многодетных семей снизилось до половины. К 2020 г. 28 субъектов Российской Федерации перешли в децильные группы с большим, чем в первой группе, уровнем удельного веса многодетности. Наиболее интенсивный переход произошел во второй децильной группе. К 2020 г. уже более трети всех регионов России могли характеризоваться уровнем многодетности в пределах от 10 % до 19 %. Число таких регионов по сравнению с 2010 г. увеличилось в 3,7 раза.

Пока массовая многодетность популярна не в столь большом числе регионов. Но позитивные изменения, хоть и медленно, но все же происходят. Увеличивается число субъектов в децильных группах с более высоким уровнем многодетности. В 2010 г. в числе субъектов страны, где доля многодетных семей составляла более 20 %, было всего 4 региона, в 2020 г. их уже насчитывается 10.

Мизерная многодетность (3 % семей) в 2010 г. наблюдалась в Мурманской области. Максимальная многодетность в это время отмечалась в Республике Ингушетия (54 %). К 2020 г. минимальный показатель многодетности был зафиксирован в Магаданской области (7 % семей), а максимальный также — в Республике Ингушетия (52 %).

Если судить по средним показателям удельного веса многодетных семей по каждой децильной группе, то заметно, что в период между двумя последними переписями населения они имеют тенденцию к снижению, кроме первой и четвертой групп. Это связано с неоднородностью развития и распространения многодетной модели детности по регионам России после введения мер активной демографической политики. Но тенденции к унификации многодетной модели детности все же можно заметить, если оценить изменение децильного коэффициента в межпереписной период. Так, превышение средней максимальной доли многодетных семей в структуре детности над минимальной долей в 2010 г. составляло 10,2 раза, в 2020 г. этот разрыв снизился до 6 раз. Это означает, что современное расслоение регионов в отношении многодетной модели детности имеет направленный вектор к сокращению. Очевидно, что в условиях целенаправленной демографической политики на формирование больших многодетных семей в России и развитие методов социальной-экономической поддержки модель многодетной семьи имеет возможность стать более популярной в большем числе регионов и более устойчивой в масштабах страны.

Выводы

Несмотря на то, что в России, как и в мире в целом, всегда наблюдался относительный региональный дисбаланс демографического развития, только в условиях депопуляции этот феномен стал предметом тотального изучения, анализа его факторов, причин, эволюции. В настоящий период в числе важнейших директивных задач государственной демографической политики стоит задача в выработке дополнительных мер «по выравниванию уровня демографического развития отдельных субъектов Российской Федерации»¹⁰.

Анализ региональной дифференциации детности вскрыл наличие серьезного дисбаланса репродуктивных норм в современной России. Вместе с тем, если использовать метод децильного коэффициента, становится ясно, что происходит существенная позитивная трансформация региональных показателей, характеризующаяся конвергенцией моделей детности в отдельных когортах семей.

Массовая однодетность семей пока еще остается значимой проблемой в большинстве субъектов Российской Федерации, хотя именно в когорте семей с одним ребенком за исследуемый период произошли наиболее принципиальные сдвиги, обусловленные активными мерами демографической поддержки за межпереписной период. Двудетность семей по данным исследования оказалась наиболее устойчивой моделью репродуктивного выбора. В 2020 г. в подавляющем большинстве регионов (79) доля семей с двумя детьми составляла от 30 % до 39 %. Эта модель остается пока наиболее консервативной. Модель семьи, которую можно отнести к многодетной, пока изменяется

¹⁰ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.03.2025 г. № 615-р. «Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года». URL: <http://static.government.ru/media/files/r10o4FJgcqMhYx2bGAJRxMNNS2m7pmN4.pdf> (дата обращения: 25.12.2025).

медленным темпом. Лишь отдельные единичные регионы России обладают долей многодетных семей высокого уровня. В 75 регионах страны в 2020 г. этот показатель не превышал 20 %.

Поэтому таргетирование региональной демографической политики должно быть связано с уровнем детности и главным образом многодетности семей в перспективе. Показатель детности может выступать в качестве стратегического долгосрочного целевого индикатора демографического благополучия регионов. Он также важен для оценки формирования всей инфраструктуры детства: образовательной и здравоохранительной среды, школьного транспорта, детских и спортивных площадок, развлекательных просветительских и культурных учреждений. И, соответственно, для определения достаточного финансирования региональной социально-демографической поддержки.

Список источников

- Антонов А. И. Современные тенденции детности семьи и цели семейно-демографической политики // Экономические стратегии. 2014. № 5 (121). С. 68—75.
- Архангельский В. Н. Региональная дифференциация рождаемости в России // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе: сборник статей X Уральского демографического форума: в 2 т., Екатеринбург, 10—11 июня 2019 года / Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук; ответственный редактор О. А. Козлова. Т. I. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2019. С. 16—27.
- Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д. И. Валентей. М.: Советская энциклопедия, 1985. 608 с.
- Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. М.: Мысль, 1986. 204 с.
- Домнич Е. Л. Региональные клубы конвергенции возрастной рождаемости городского и сельского населения в постсоветской России // Регионалистика. 2025. Т. 12, № 4. С. 5—32.
- Калабихина И. Е., Кузнецова П. О. Неоднородность населения по числу рожденных детей: существует ли «порядковый переход»? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 57—81.
- Калабихина И. Е., Кузнецова П. О. Порядковый переход рождаемости в длительной исторической ретроспективе // Демографическое обозрение. 2024. № 11 (3). С. 25—48.
- Калачикова О. Н., Короленко А. В. Региональная дифференциация демографического развития России в контексте демографической безопасности // Проблемы развития территории. 2015. № 6 (80). С. 127—142.
- Костина С. Н., Трынов А. В. Кластерный анализ динамики рождаемости четвертых и последующих детей в регионах Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 3. С. 232—245.
- Региональные особенности демографического развития России в XXI веке / под ред. Л. Л. Рыбаковского. М.: Экон-Информ, 2019. 162 с.
- Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Васильева Е. Н. Многодетная семья в современном российском обществе: демографический аспект // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 3. С. 9—23.
- Сентябова М. В. Изменение детности семьи в городах Сибири в 1970-х—1980-х гг. // Гришаевские чтения: материалы IV национальной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Василия Васильевича Гришаева, Красноярск, 11—12 ноября 2021 года. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет. 2022. С. 121—127.
- Сивоплясова С. Ю. Трансформация детности семей в современной России // Научный результат. Социология и управление. 2025. № 1. С. 181—197.

- Сигарева Е. П., Плетнева Ю. Э. Социально-экономическая проблема России: регрессионный анализ региональной дифференциации суммарного коэффициента рождаемости и общего коэффициента рождаемости // ЦИТИСЭ. 2019. № 4. С. 282—294.
- Стадник Н. М. Тенденции региональной дифференциации рождаемости при втором демографическом переходе в некоторых странах // Демографическое обозрение. 2023. № 10 (2). С. 18—40.
- Шубат О. М. Региональная конвергенция рождаемости в России // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 3. С. 736—748.
- Basten S., Sobotka T., Zeman K. Future fertility in low fertility countries // Vienna Institute of Demography Working Papers. Vienna: Vienna Institute of Demography (VID), Austrian Academy of Sciences (ÖAW). 2013. № 5. 136 p.
- Bongaarts J. The End of the Fertility Transition in the Developed World // Population and Development Review. 2002. Vol. 28, № 3. P. 419—443.
- Espenshade T. J., Guzman J. C., Westoff C. F. The Surprising Global Variation in Replacement Fertility // Population Research and Policy Review 2003. Vol. 22. P. 575—583.

References

- Antonov, A. I. (2014) Sovremennyye tendentsii detnosti sem'i i tseli semeino-demograficheskoi politiki [Current trends in family childhood and goals of family demographic policy], *Ekonomicheskie strategii*, vol. 121, no. 5, pp. 68—75.
- Arkhangelsky, V. N. (2019) Regional'naya differentsiatsiya rozhdaemosti v Rossii [Regional differentiation of fertility in Russia], *Sotsial'no-ekonomicheskie i demograficheskie aspekty realizatsii natsional'nykh proektov v regione: sbornik statei X Ural'skogo demograficheskogo foruma*. In 2 volumes. Yekaterinburg, 10—11 July, 2019. In O. A. Kozlova (Ed.). Yekaterinburg: Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniia RAN, vol. 1, pp. 16—27.
- Demograficheskii entsiklopedicheskii slovar' (1985) [Demographic encyclopedic dictionary]. In D. I. Valentey (Ed.). Moscow: Izdatel'stvo «Sovetskaia Entsiklopediia».
- Basten, S., Sobotka, T., Zeman, K. (2013) Future fertility in low fertility countries, *Vienna Institute of Demography Working Papers*. Vienna: Vienna Institute of Demography (VID), Austrian Academy of Sciences (ÖAW), no. 5, 136 p.
- Bongaarts, J. (2002) The End of the Fertility Transition in the Developed World, *Population and Development Review*, vol. 28, no. 3, pp. 419—443.
- Detnost' sem'i: vchera, segodnia, zavtra (1986) [Family fertility: yesterday, today and tomorrow]. Moscow: Izdatel'stvo «Mysl'».
- Domnich, E. L. (2025) Regional'nye kluby konvergentsii vozrastnoi rozhdaemosti gorodskogo i sel'skogo naseleniia v postsovetsoi Rossii [Regional clubs of convergence of age-related fertility of urban and rural populations in post-Soviet Russia], *Regionalistika*, vol. 12, no. 4, pp. 5—32.
- Espenshade, T. J., Guzman, J. C., Westoff, C. F. (2003) The Surprising Global Variation in Replacement Fertility, *Population Research and Policy Review*, no. 22. pp. 575—583.
- Kalabikhina, I. E., Kuznetsova, P. O. (2023) Neodnorodnost' naseleniia po chislu rozhdennykh detei: sushchestvuet li «poriadkovyi perekhod»? [Population heterogeneity in the number of children born: is there an «ordinal transition»?], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, no. 2, pp. 57—81.
- Kalabikhina, I. E., Kuznetsova, P. O. (2024) Poryadkovyi perekhod rozhdaemosti v dlitel'noi istoricheskoi retrospektive [The ordinal transition of fertility in a long historical retrospect], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 11, no. 3, pp. 25—48.
- Kalachikova, O. N., Korolenko, A. V. (2015) Regional'naya differentsiatsiia demografi-cheskogo razvitiia Rossii v kontekste demograficheskoi bezopasnosti [Regional differentiation of Russia's demographic development in the context of demographic security], *Problemy razvitiia territorii*, vol. 80, no. 6, pp. 127—142.
- Kostina, S. N., Trynov, A. V. (2021) Klasternyi analiz dinamiki rozhdaemosti chetvertykh i posleduiushchikh detei v regionakh Rossijskoi Federatsii [Cluster analysis of the dynamics of the birth rate of fourth and subsequent children in the regions of the Russian Federation], *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 14, no. 3, pp. 232—245.

- Regional'nye osobennosti demograficheskogo razvitiia Rossii v XXI veke* (2019) [Regional features of Russia's demographic development in the 21st century]. In L. L. Rybakovsky (Ed.). Moscow: Ekon-Inform.
- Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V., Vasil'eva, E. N. (2014) Mnogodetnaia sem'ia v sovremennom rossiiskom obshchestve: demograficheskii aspekt [A large family in modern Russian society: demographic aspect], *Voprosy upravleniia*, vol. 18, no. 3, pp. 9—23.
- Sentyabova, M. V. (2022) Izmenenie detnosti sem'i v gorodakh Sibiri v 1970-kh—1980-kh gg. [Changes in family fertility in Siberian cities in the 1970s—1980s], *Grishaevskie chteniia: Materialy IV natsional'noi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi pamyati doktora istoricheskikh nauk, professora, zasluzhennogo rabotnika vyssheĭ shkoly Vasiliia Vasil'evicha Grishaeva*. Krasnoyarsk, 11—12 November, 2021. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet, pp. 121—127.
- Shubat, O. M. (2019) Regional'naia konvergentsiia rozhdaemosti v Rossii [Regional convergence of fertility in Russia], *Ėkonomika regiona*, vol. 15, no. 3, pp. 736—748.
- Sivoplyasova, S. Yu. (2025) Transformatsiia detnosti semeĭ v sovremennoi Rossii [Transformation of childhood of families in modern Russia], *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, no. 1, pp. 181—197.
- Sigareva, E. P., Pletnyova, Yu. E. (2019) Sotsial'no-ekonomicheskaiia problema Rossii: regressiionnyi analiz regional'noi differentsiatsii summarnogo koĕffitsienta rozhdaemosti i obshchego koĕffitsienta rozhdaemosti [The socio-economic problem of Russia: a regression analysis of the regional differentiation of the total fertility rate and the total fertility rate], *CITISE*, no. 4, pp. 282—294.
- Stadnik, N. M. (2023) Tendentsii regional'noi differentsiatsii rozhdaemosti pri vtorom demograficheskom perekhode v nekotorykh stranakh [Trends in regional fertility differentiation during the second demographic transition in some countries], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 10, no. 2, pp. 18—40.

Статья поступила в редакцию 10.02.2026; одобрена после рецензирования 26.02.2026; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 10.02.2026; approved after reviewing 26.02.2026; accepted for publication 10.03.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Сигарева Евгения Петровна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва, Россия, sigarevae@mail.ru (Cand. Sc. (Economics), Leading Researcher, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Сивоплясова Светлана Юрьевна — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва, Россия; доцент кафедры «Экономическая теория и прикладная экономика», Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), г. Москва, Россия, svetlankamos84@rambler.ru (Cand. Sc. (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Associate Professor, Department of Economic Theory and Applied Economics, Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2026. № 2. С. 92 — 104.

Woman in Russian Society. 2026. No. 2. P. 92 — 104.

Научная статья

УДК 314.18:314.14(470+571)

EDN: <https://elibrary.ru/mabnmt>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.2.7

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ

Валентина Григорьевна Доброхлеб

Институт социальной демографии,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, vdobrokhleb@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена фундаментальной значимостью динамики численности населения и его половозрастной структуры, т. к. эти параметры формируют человеческий потенциал и существенно влияют на национальную безопасность. Цель работы предполагает анализ научных фактов и авторскую интерпретацию существующих закономерностей состояния современной половозрастной структуры населения, в первую очередь России и ее регионов. Объектом исследования является половозрастная структура населения ряда стран мира, в том числе — регионов РФ. Предмет исследования связан с гендерным аспектом половозрастной структуры населения. Научная новизна обусловлена тем, что подтвержден вывод: половозрастная структура как федеральных округов, так и крупнейших субъектов РФ неоднородна. Выявлено, что для этих территорий характерны разные уровни демографического старения и существенные разрывы в соотношении полов. Доказано, что наибольшее число крупнейших по численности населения субъектов РФ характеризуется доминированием численности женщин, это требует эффективной социальной политики, при которой важнейшим направлением деятельности становится формирование нового гендерного порядка.

Ключевые слова: пол, возраст, федеральные округа, субъекты РФ, старение населения, гендерный порядок

Для цитирования: Доброхлеб В. Г. Динамика численности и половозрастной структуры населения России и ее регионов // Женщина в российском обществе. 2026. № 2. С. 92—104.

Original article

TRENDS IN THE POPULATION SIZE AND AGE-SEX STRUCTURE OF RUSSIA AND ITS REGIONS

Valentina G. Dobrokhleb

Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, vdobrokhleb@mail.ru

Abstract. The relevance of this study stems from the fundamental importance of population dynamics and its age-sex structure, as these parameters shape human potential and significantly influence national security. The purpose of this article is to analyze scientific facts and provide the author's interpretation of existing patterns in the current age-sex structure of the population, primarily in Russia and its regions. The object of the study is the age-sex structure of the population in a number of countries, including regions of the Russian Federation. The subject of the study concerns the gender aspect of the age-sex structure of the population. The scientific novelty of the study lies in the confirmation of the conclusion that the age-sex structure of both federal districts and the largest constituent entities of the Russian Federation is heterogeneous. The article reveals that these territories are characterized by varying levels of demographic aging and significant gaps in the sex ratio. The article demonstrates that the majority of the most populous constituent entities of the Russian Federation are characterized by a surplus of women, which necessitates effective social policy. Thus, the formation of a new gender order becomes the most important focus of such social policy.

Key words: gender, sex, age, federal districts, constituent entities of the Russian Federation, population aging, gender order

For citation: Dobrokhleb, V. G. (2026) *Dinamika chislennosti i polovozrastnoy struktury naseleniya Rossii i ee regionov* [Trends in the Population Size and Age-Sex Structure of Russia and Its Regions], *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, no. 2: 92—104.

Введение

Численность населения и ее возрастной и половой состав важны для анализа человеческого потенциала, социально-экономического развития страны и её национальной безопасности. В связи с этим тема статьи, посвященная анализу динамики численности и половозрастной структуры РФ, является актуальной. Цель данной работы заключается в анализе научных фактов и авторской интерпретации существующих закономерностей состояния современной половозрастной структуры населения — в первую очередь России и ее регионов. Объектом исследования стала половозрастная структура населения ряда стран мира, в том числе Российской Федерации. Предмет исследования связан с гендерным аспектом половозрастной структуры.

Обзор литературы и исследований

Исследователи отмечают, что численность населения это — «самый грубый, самый последний и самый неинтересный, пассивный итог демографических процессов». Так, демограф В. А. Борисов отмечал, что численность населения как общий показатель важен в соотношении с территорией расселения, а также как основа анализа трудового или демографического ресурса и т. д. При этом к определению «оптимальной» численности населения ученые во многом утратили интерес [Борисов, 1999: 15].

С нашей точки зрения, позиция ученого небесспорна — «размер имеет значение». С. П. Капица писал, что именно численность населения есть суммарный показатель всех экономических, социальных и культурных действий, составляющих историю человечества. Все остальное «приводит к развитию и подчинению главной переменной — общей численности населения планеты» [Капица, 1999: 22]. В настоящее время именно численность населения рассматривается как наиболее яркий показатель значимости того или иного государства, является одним из факторов социально-экономического развития и национальной безопасности. Сегодня именно понятие «национальная безопасность» и ее неотъемлемый компонент — демографическая безопасность, приобретают все более важное значение. Демографическая безопасность рассматривается как возможность противостоять внешним и внутренним угрозам. В первую очередь за счет динамики естественного воспроизводства населения, что позволяет обеспечивать в том числе и геополитические интересы государства [Рыбаковский, 2003]. Ученые, рассматривая долговременные тренды развития цивилизаций, показали, что процесс догоняющего развития стран ведет к сближению качественных характеристик значительных слоев населения стран мира. При этом показатели численности населения становятся фактором, обеспечивающим преимущества в темпах развития экономики [Акимов, 2012].

Наибольший интерес для нашего исследования представляют основные тренды динамики половозрастной структуры населения, т. к. именно они во многом определяют направленность фундаментальных демографических процессов в том числе в регионах РФ. В научных исследованиях отмечено, что несмотря на равный юридический статус субъектов РФ, они значительно различаются прежде всего по численности населения и поэтому «не могут считаться территориальными единицами одного таксона. Среди них есть регионы-города (Москва с 12,5 миллионами жителей и Санкт-Петербург с 5,5 миллионами), области Центральной России с примерно одинаковой численностью и структурой населения, «этнические» республики и автономные округа, которые по численности населения и экономическому потенциалу иногда сравнимы лишь с отдельными муниципальными районами более крупных субъектов» [Петросян и др., 2019]. Кроме того, различие регионов формируется уровнем урбанизации и этнической структуры населения. Эти факторы имеют существенную разницу в сравнении со среднероссийскими показателями. Среди этих «специфических» регионов следует выделять национальные республики, арктическую зону и города федерального значения. Фундаментом региональных различий в перспективе останется сохранение «традиционалистских демографических установок в «национальных» субъектах РФ» [Там же]. Важным выводом является характерная для РФ неустойчивость сценариев из-за изменчивости факторов прироста общей численности населения. По мнению ряда исследователей, это в значительной мере связано с демографическими волнами [Топилин, 2022; Безвербный, 2025].

Методология

Автор использует комплексный социально-демографический подход, опирается на материалы международных и отечественных исследований по данной проблематике. В данном исследовании предлагается рассмотреть динамику численности населения и половозрастной структуры в контексте их изменений, в первую очередь, в разрезе федеральных округов и крупнейших по численности населения субъектах РФ. Статистика в настоящее время учитывает 8 федеральных округов. В каждом из них в

ходе анализа выделено два наиболее крупных по населению субъекта РФ. В их числе Московская область, г. Москва, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, Краснодарский край, Ростовская область, Республика Дагестан, Ставропольский край, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Свердловская область, Челябинская область, Красноярский край, Кемеровская область, Приморский край, Хабаровский край. По оценке на конец 2010 г. суммарная численность населения этих субъектов РФ составляла 63 389, 4 тыс. человек или около 44 % от общей численности населения страны. Безусловно демографические перемены в крупнейших по населению субъектах РФ в значительной мере влияют на изменение демографических макропоказателей. В связи с тем, что за 2024 и 2025 гг. демографическая информация временно не обнародуется¹ изменения рассматриваются с 2010 по 2023 гг.

Результаты

Ранее было показано, что численность населения и его динамика является важнейшим показателем в демографических исследованиях. В России за период с 1 января 2015 года по 1 января 2025 года самое большое по численности населения зафиксировано на 1 января 2020 года — 147,9 млн человек (рис.)

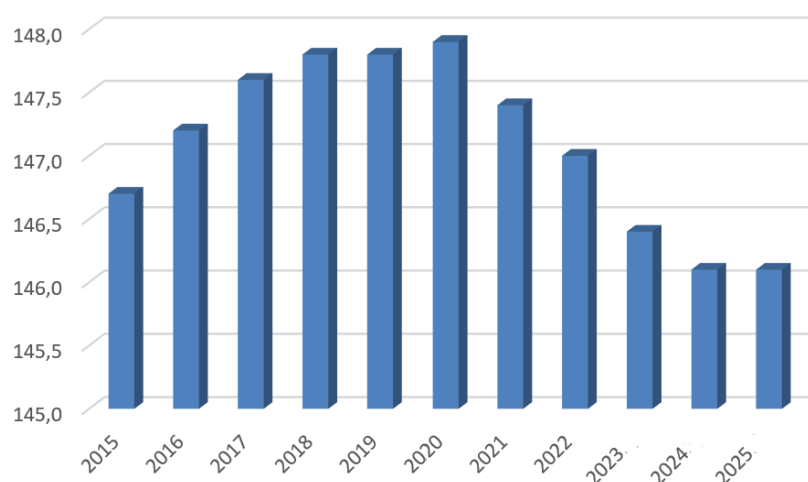


Диаграмма динамики численности населения РФ
с 1 января 2015 по 1 января 2025 г.

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: Р32 Стат. сб. М.: Росстат, 2025. 1035 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2025.pdf (дата обращения: 18.04.2026)

В таблице 1 представлены показатели динамики численности населения федеральных округов и 16-ти крупнейших по численности субъектов РФ, входящих в них. Наиболее крупными по населению в 2023 году являлись Центральный федеральный округ (40 198,7 тыс. человек), Приволжский федеральный округ (28 540,8 тыс. человек) и Южный федеральный округ (16 624,1 тыс. человек). При этом численность

¹ В соответствии с частью 10 статьи 5 Федерального закона от 29 ноября 2007 г. № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации».

населения в ЦФО и ЮФО выросла, а в ПФО снизилась. Отметим, что в 2010 году ЮФО не входил в тройку лидеров, третье место в этот период принадлежало Сибирскому федеральному округу. Идет дрейф населения в центр и на юг страны.

Таблица 1

**Численность населения в федеральных округах
и крупнейших субъектах РФ, входящих в них**
(оценка на конец года; тысяч человек)

	2010	2015	2020	2022	2023
Российская Федерация	142 865,4	147 182,3	147 455,7	146 447,4	146 150,8
Центральный федеральный округ	38 445,7	39 650,3	40 341,0	40 240,3	40 198,7
Московская область	7 106,2	7 805,8	8 436,9	8 591,7	8 651,3
г. Москва	11 541,1	12 372,9	12 979,4	13 104,2	13 149,8
Северо-Западный федеральный округ	13 625,8	13 852,0	13 938,7	13 867,3	13 840,4
Ленинградская область	1 718,6	1 821,4	1 977,3	2 023,8	2 035,8
г. Санкт-Петербург	4 899,3	5 331,2	5 588,5	5 600,0	5 597,8
Южный федеральный округ	13 851,3	16 495,7	16 737,9	16 642,1	16 624,1
Краснодарский край	5 230,0	5 579,7	5 815,6	5 819,3	5 833,0
Ростовская область	4 275,2	4 253,7	4 216,6	4 164,5	4 152,5
Северо-Кавказский федеральный округ	9 439,0	9 803,8	10 131,3	10 205,7	10 251,1
Республика Дагестан	2 914,2	3 032,5	3 164,8	3 209,8	3 232,2
Ставропольский край	2 785,5	2 857,7	2 904,2	2 891,2	2 886,1
Приволжский федеральный округ	29 879,8	29 679,8	29 092,7	28 683,2	28 540,8
Республика Башкортостан	4 072,1	4 114,0	4 096,1	4 077,6	4 064,3
Республика Татарстан	3 787,5	3 919,1	3 997,7	4 001,6	4 003,0
Уральский федеральный округ	12 087,0	12 302,0	12 319,7	12 259,1	12 262,3
Свердловская область	4 297,3	4 329,7	4 289,4	4 239,1	4 222,7
Челябинская область	3 475,6	3 502,0	3 445,5	3 407,1	3 395,8
Сибирский федеральный округ	17 174,2	17 198,3	16 884,5	16 645,8	16 567,1

Красноярский край	2 829,1	2 869,7	2 862,4 2	2 845,5	2 846,1
Кемеровская область	2 761,3	2 711,9	2 622,3	2 568,2	2 547,7
Дальневосточный федеральный округ	8 362,6	8 200,4	8 009,9	7 903,9	7 866,3
Приморский край	1 953,5	1 918,5	1 858,2	1 820,1	1 806,4
Хабаровский край	1 342,9	1 331,0	1 295,1	1 284,1	1 278,1

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2025. 1035 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2025.pdf (дата обращения: 18.04.2026)

При этом отметим: хотя в составе своего федерального округа выделенные регионы являются самыми большими по численности, различие между ними по численности населения в 2010 г. составляло более 8,5 раз и достигало в 2023 г. более 10,2.

Самым крупным по этому показателю с 2010 по 2023 г. остается город Москва, население которого с 2010 по 2023 гг. выросло с 11 541,1 тыс. до 13 149,8. Хабаровский край замыкает рейтинг крупнейших субъектов РФ, в 2010 году его население составляло 1 342,9 тыс. чел., а в 2023 — 1 278,1 тыс. чел.

Обратимся к одному из основных показателей структуры населения, его составу по полу. Половая структура населения складывается под влиянием различных факторов, в числе которых: уровень рождаемости, смертности, миграция, последствия войн, эпидемий. В различные временные периоды влияние одних факторов усиливается, других слабеет. При этом на структуру населения стран, регионов и мира в целом оказывают воздействие три основных фактора:

- соотношение полов среди новорожденных;
- различия смертности по полу;
- половые различия в уровне миграции.

Следует иметь в виду, что человек существо не только социальное, но и биологическое. Работы известного генетика В. А. Геодакяна показали, что на воспроизводство поколений пол влияет по-разному. Он отмечал, что «количественная сторона воспроизводства связана в основном с количеством самок в популяции, а качественная сторона воспроизводства — с количеством самцов» [Геодакян, 1991]. Позже в 1994 году в его работе «Мужчина и женщина. Эволюционно-биологическое предназначение» показано, что необходима обоснованная социальная концепция пола. При этом важнейшее значение имеет понимание его биологии и эволюции [Геодакян, 1994]. Демографические особенности стран в части структуры населения по полу, по мнению ряда авторов, формируют различие в гендерном порядке. Профессор Г. Г. Силласте дает следующее определение этому явлению: «гендерный порядок представляет собой систему социальных норм, политической культуры и социальных институтов, формирующих в обществе отношение к гендерным проблемам и к их решению» [Силласте, 2017]. Сердцевину гендерного порядка представляют подходы к решению проблем гендерного равноправия и движение к эгалитарности. В настоящее время целевая установка заключается в достижении не только равноправия женщин, но и равноправия мужчин. Это новая постановка проблемы. Профессор Г. Г. Силласте четко показала на разницу понятий «равноправие» и «равенство». Когда первое рассматривается как один из элементов демократии, то второе является идеалом

справедливости, обеспечивающей «всестороннее развитие всех членов общества» [Силласте, 2017]. Подчеркнуто, что новый гендерный порядок формируется не только в рамках традиционного «женского вопроса», но в движении к равенству как женской, так и мужской общностей для всех возрастов, социальных страт и регионов.

При рассмотрении гендерной составляющей демографической динамики существенным фактором является количественное соотношение мужчин и женщин, которое рассчитывается в промилле (табл. 2).

Таблица 2

**Соотношение мужчин и женщин в федеральных округах
и крупнейших субъектах РФ, входящих в них**
(оценка на конец года; на 1 000 мужчин приходится женщин)

	2010	2015	2020	2022	2023
Российская Федерация	1 163	1 157	1 153	1 151	1 152
Центральный федеральный округ	1 187	1 173	1 162	1 158	1 159
Московская область	1 169	1 136	1 109	1 103	1 105
г. Москва	1 169	1 161	1 155	1 154	1 154
Северо-Западный федеральный округ	1 180	1 177	1 181	1 182	1 184
Ленинградская область	1 151	1 131	1 128	1 128	1 131
г. Санкт-Петербург	1 229	1 217	1 218	1 217	1 219
Южный федеральный округ	1 155	1 148	1 136	1 133	1 134
Краснодарский край	1 157	1 139	1 125	1 122	1 124
Ростовская область	1 161	1 155	1 148	1 145	1 146
Северо-Кавказский федеральный округ	1 115	1 094	1 071	1 065	1 064
Республика Дагестан	1 078	1 057	1 032	1 026	1 023
Ставропольский край	1 148	1 138	1 125	1 121	1 122
Приволжский федеральный округ	1 174	1 169	1 166	1 164	1 165
Республика Башкортостан	1 139	1 128	1 121	1 115	1 116
Республика Татарстан	1 166	1 155	1 144	1 141	1 142
Уральский федеральный округ	1 153	1 152	1 153	1 153	1 155
Свердловская область	1 184	1 173	1 163	1 161	1 162
Челябинская область	1 186	1 184	1 184	1 183	1 185
Сибирский федеральный округ	1 158	1 163	1 171	1 173	1 175
Красноярский край	1 147	1 147	1 153	1 154	1 156
Кемеровская область	1 182	1 184	1 186	1 188	1 190
Дальневосточный федеральный округ	1 087	1 098	1 112	1 115	1 117
Приморский край	1 089	1 107	1 131	1 138	1 141
Хабаровский край	1 101	1 106	1 125	1 120	1 121

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025:
Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2025. 1035 с. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/
Region_Pokaz_2025.pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2025.pdf) (дата обращения: 18.04.2026)

В 2010 году наиболее сбалансированное соотношение полов наблюдалось в Дальневосточном федеральном округе (на 1000 мужчин — 1087 женщин), Северо-Кавказском федеральном округе (1115), Уральском федеральном округе (1153). Наибольший разрыв по полу в этот период сложился в Центральном федеральном округе (1187). По крупнейшим субъектам РФ наилучшее соотношение полов было в Республике Дагестан (1078), Приморском крае (1089), Хабаровском крае (1101). В 2023 г. баланс по полу наблюдался в Республике Дагестан (1023), Республике Башкортостан (1116), Хабаровском крае (1121). Самый большой разрыв в соотношении полов отмечен в Санкт-Петербурге (1219). Одно из наиболее гармоничных соотношений полов среди всех субъектов РФ в рассматриваемый период наблюдалось в Республике Чечня: в 2010 — 1038, в 2023 — 995.

Ученые отмечают, что численное соотношение полов может рассматриваться как первичное, которое определяется биологическими факторами, вторичное, которое рассматривается на момент рождения и третичное — по достижению зрелого возраста. Статистика показывает, что для человеческого рода характерной особенностью является преобладание мальчиков среди новорожденных. Считается, что закономерность сформировалась на этапе возникновения человеческого вида и остается устойчивой [Дарвин, 1927; Яковенко, 1924; Бедный, 1987]. Данные по вторичному соотношению полов показывают, что в 2000 г. в мировом населении при рождении на 100 девочек приходилось 106 мальчиков, в 2023 г. этот показатель оставался неизменным. По странам данный показатель разнится. Например, в Китае в 2023 г. даже при отмене политики «одна семья — один ребенок» на 100 новорожденных девочек приходилось 111 мальчиков. В настоящее время медицинские технологии позволяют определять пол пренатально, что используется в ряде стран для выбора пола детей. Аналитики связывают это с социокультурными факторами, когда родители предпочитают ребенка мужского пола. В 2023 г. число мужчин в КНР почти на 28 (27,8 млн) миллионов человек превышало число женщин. Это ведет к напряжению на брачном рынке, а следовательно, формирует проблемы в естественном воспроизводстве².

Третичное соотношение полов в мировом населении (100 мужчин на 100 женщин) в начале текущего века составляло 101,1 %, к 2023 г. — 101,2 %. Этот показатель по странам мира разнообразен. В 2023 году в Китае 104,0, в Индии — 106,6, в США — 101,0, в России — 86,7 %.

Для России в течение первой половины прошлого века половое соотношение все больше отклонялось от равновесных показателей: доля мужчин в населении сокращалась, а женщин — росла. По данным первой всероссийской переписи населения 1897 года число женщин было больше числа мужчин всего на 1,1 %, в 1926 г. — на 10,8 %, а к 1939 г. — на 12,1 %. Наихудший показатель соотношения полов наблюдался в начале 1946 года, женщин было на 33,9 % больше, чем мужчин. По мнению В. А. Борисова, «такой половой деформации, очевидно, не знала ни одна страна в мире, а возможно, и в истории» [Борисов, 2001]. В дальнейшем половая структура населения нашей страны очень медленно выравнивалась. В период перестройки и социальных реформ 1990-х гг. процесс поворачивает вспять из-за резкого повышения смертности мужского населения. К настоящему времени соотношение полов характеризуется превышением женщин на 13,3 %.

² World Population Prospects 2024. URL: https://www.openicpsr.org/openicpsr/project/239755/version/V1/view?path=/openicpsr/239755/fcr:versions/V1/WPP2024_GEN_F01_DEMOGRAPHIC_INDICATORS_COMPACT.xlsx&type=file (дата обращения: 15.04.2026).

Возраст, как и пол — основополагающая характеристика населения. Автором в предыдущие годы была неоднократно рассмотрена структура населения РФ по полу и возрасту [Доброхлеб, 2022; 2024]. В ходе исследований выявлено, что структура населения в нашей стране по полу в когортах до 35 лет более сбалансирована, чем в старших возрастах. «Женское лицо» процесса старения населения является одной из особенностей половозрастной структуры РФ.

В таблице 3 представлена динамика населения старше трудоспособного возраста в процентах по федеральным округам и крупнейшим по численности населения субъектам РФ в их составе. Наблюдается интенсификация демографического старения как в стране в целом, на уровне федеральных округов, так и в ее крупнейших по населению субъектах. Наиболее демографически старыми в 2010 г. были Центральный федеральный округ, Северо-Западный федеральный округ и Южный федеральный округ. К 2023 году Центральный федеральный округ остается наиболее демографически старым среди федеральных округов. Наиболее молодым федеральным округом в 2010 г. был Северо-Кавказский федеральный округ. Этот статус данный округ сохранил и в 2023 г. Самым демографически старым субъектом РФ в 2010 г. был город Санкт-Петербург, самым «молодым» — Республика Дагестан. В 2023 г. наиболее демографически старым субъектом РФ стала Москва, а самым «молодым» — осталась Республика Дагестан, хотя доля населения старше трудоспособного возраста и в этом регионе увеличилась

Таблица 3

**Доля населения старше трудоспособного возраста
в федеральных округах и крупнейших субъектах РФ в их составе**
(оценка на конец года; в % от общей численности населения)

	2010	2015	2020	2022	2023
Российская Федерация	22,3	24,5	25,2	24,5	23,6
Центральный федеральный округ	24,8	26,6	27,2	26,5	25,7
Московская область	23,7	24,2	23,6	22,8	21,9
г. Москва	23,7	26,0	27,4	26,9	26,1
Северо-Западный федеральный округ	23,6	25,8	26,3	25,6	24,8
Ленинградская область	24,7	26,9	26,5	25,5	24,7
г. Санкт-Петербург	25,5	26,0	26,2	25,5	24,8
Южный федеральный округ	23,6	25,6	25,8	24,9	24,1
Краснодарский край	23,9	25,3	25,5	24,6	23,7
Ростовская область	24,1	26,2	26,6	25,7	24,9
Северо-Кавказский федеральный округ	15,1	16,8	17,5	17,2	16,6
Республика Дагестан	10,8	12,7	14,1	14,0	13,6
Ставропольский край	21,5	23,3	23,8	23,2	22,5
Приволжский федеральный округ	22,6	25,3	26,3	25,7	24,9
Республика Башкортостан	20,2	22,7	24,3	23,8	23,0
Республика Татарстан	21,4	23,7	24,7	24,1	23,3
Уральский федеральный округ	20,4	22,7	23,5	22,9	22,1

Свердловская область	23,0	25,0	25,3	24,3	23,5
Челябинская область	22,8	24,9	25,3	24,5	23,7
Сибирский федеральный округ	20,8	23,4	24,2	23,5	22,6
Красноярский край	19,8	22,2	23,2	22,3	21,5
Кемеровская область	21,7	24,5	25,4	24,6	23,9
Дальневосточный федеральный округ	18,6	21,2	21,7	21,1	20,3
Приморский край	21,6	24,0	24,5	23,7	22,9
Хабаровский край	20,8	22,8	23,2	22,3	21,6

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2025. 1035 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2025.pdf (дата обращения: 18.04.2026)

Демографическое старение населения РФ в целом и на уровне регионов страны определяется низким уровнем рождаемости, который суммарно по России составляет 1,4 ребенка на женщину, и отставанием в показателях продолжительности жизни от экономически развитых и ряда развивающихся стран мира. Разрыв в соотношениях по полу обусловлен в значительной мере более высокой смертностью мужского населения.

Исследования показали, что изменение возрастной структуры в мире происходят неравномерно. Предложены теории первого и второго демографических дивидендов. Первый демографический дивиденд рассматривается как окно возможностей, основным условием которого становится превышение доли и численности населения трудоспособного возраста над группами иждивенцев (детей и престарелых). Второй демографический дивиденд обусловлен качеством населения старших возрастов, их здоровьем, образованием, мотивацией, социальным капиталом [Доброхлеб и др., 2022].

При рассмотрении первого демографического дивиденда выделено три группы стран:

- «завершившие стадию реализации демографического дивиденда и вступившие в фазу необратимого старения населения;
- находящиеся в стадии реализации демографического дивиденда, в том числе только вступившие в нее либо близкие к ее завершению;
- страны, не вступившие в стадию реализации демографического дивиденда» [Барсуков, 2019].

Россия относится к первой группе стран. У нас остается возможность реализации второго демографического дивиденда. Для этого необходимо социальную политику строить с учетом сохранения и развития потенциала старших возрастных когорт населения.

Заключение

Демографическое старение населения РФ в целом и на уровне регионов страны, во-первых, определяется низким уровнем рождаемости. Во-вторых, этот процесс связан с отставанием в показателях продолжительности жизни от экономически развитых и ряда развивающихся стран мира. Разрыв в соотношениях по полу обусловлен в значительной мере высокой смертностью мужского населения. Будущие демографические тенденции подтверждают продолжение демографического старения населения. Это обусловлено двумя процессами: снижением рождаемости и ростом

продолжительности жизни. Показано, что половозрастная структура как федеральных округов, так и крупнейших субъектов РФ неоднородна. Для этих территорий характерны разные уровни демографического старения и существенные разрывы в соотношении полов. С учетом того, что наибольшее число крупнейших субъектов РФ характеризуется доминированием численности женщин, то для эффективной социальной политики важнейшим направлением деятельности становится формирование гендерного порядка, суть которого представляют направления действий по проблемам гендерного равноправия и движению к эгалитарности.

Список источников

- Акимов А. В. Мировые цивилизации до 2100 года // Историческая психология и социология истории. 2012. № 1. С. 184—203.
- Барсуков В. Н. От демографического дивиденда к старению населения: мировые тенденции системного перехода // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019 Т. 12, № 4. С. 167—182.
- Бедный М. С. Мальчик или девочка?: медико-демографический анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1987. 142 с.
- Безвербный В. А. Диспропорции демографического развития России на региональном уровне: современные тенденции // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Т. 21, № 2. С. 197—211.
- Борисов В. А. Демография: учебник для вузов. 2-е изд., исправленное. М.: Издательский дом NOTA BENE, 2001. 272 с. URL: <https://demography.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=1747&p=attachment> (дата обращения: 15.04.2026).
- Геодакян В. А. Эволюционная теория пола // Природа. 1991. № 8. С. 60—70.
- Геодакян В. А. Мужчина и женщина. Эволюционно-биологическое предназначение // Женщина и свобода. Пути выбора в мире традиций и перемен: материалы Международной конференции. Москва, 1—4 июня 1994 г. С. 8—17.
- Дарвин Ч. Р. Происхождение человека и половой отбор / под ред. М. А. Мензбира. Т. II, кн. 1. М.; Л.: Государственное издательство, 1927. 416 с.
- Доброхлеб В. Г. Демографическое старение в России и новая социальная реальность // Народонаселение. 2022. Т. 25, № 2. С. 66—76.
- Доброхлеб В. Г., Кучмаева О. В., Брагин А. Д., Афзали М. Демографические дивиденды: формирование и использование в странах СНГ и Балтии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 4. С. 172—188.
- Доброхлеб В. Г. Динамика демографического старения этнонациональных регионов РФ во втором и начале третьего десятилетия XXI века // Проблемы развития территории. 2024. Т. 28, № 6. С. 112—122.
- Капица С. П. Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. М.: Международная программа образования, 1999. 240 с.
- Петросян А. Н., Шевчук Е. И., Кириллов П. Л., Мозгунов Н. А. Географические особенности старения населения России // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 2. С. 55—83.
- Рыбаковский Л. Л. Демографическая безопасность // Журнал личной, национальной и коллективной безопасности. 2003. № 3. С. 124—156.
- Силласте Г. Г. Социальные трансформации и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3—16.
- Топилин А. В., Ниорадзе Г. В., Хроленко Т. С. Миграция населения и демографическое старение в некоторых странах мира и России за период 1960—2021 гг. // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2022. № 20. С. 302—319. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsiya-naseleniya-i-demograficheskoe-starenie-v-nekotoryh-stranah-mira-i-rossii-za-period-1960-2021-gg> (дата обращения: 17.04.2026).
- Куркин П. И. Санитарная статистика в России // Яковенко Е. И. Медицинская статистика. Введение в социальную медицину. М.; Л.: Гос. изд-во, 1924. С. 147—176.

References

- Akimov, A. V. (2012) Mirovye tsivilizatsii do 2100 goda [World civilizations up to 2100], *Istoricheskaya psikhologiya i sociologiya istorii*, no. 1, pp. 184—203.
- Barsukov, V. N. (2019) Ot demograficheskogo dividenda k stareniiu naseleniia: mirovye tendentsii sistemnogo perekhoda [From demographic dividend to population aging: global trends in systemic transition], *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeni: fakti, tendentsii, prognoz*, vol. 12, no. 4, pp. 167—182.
- Bedny, M. S. (1987) Mal'chik ili devochka?: mediko-demograficheskii analiz [Boy or girl?: a medical and demographic analysis]. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Mysl', 142 p.
- Bezverbny, V. A. (2025) Disproportsii demograficheskogo razvitiia Rossii na regional'nom urovne: sovremennye tendentsii [Disproportions in the demographic development of Russia at the regional level: current trends], *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii*, vol. 21, no. 2, pp. 197—211.
- Borisov, V. A. (2001) Demografiia [Demography]. A textbook for universities. 2nd edition, revised. Moscow: Izdatel'skii dom NOTA BENE, 272 p., available from <https://demography.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=1747&p=attachment> (accessed 15.04.2026).
- Darwin, C. R. (1927) Proiskhozhdenie cheloveka i polovoĭ otbor [The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex]. In M. A. Menzbir (Ed.). Vol. II, book 1. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 416 p.
- Dobrokhleb, V. G. (2022) Demograficheskoe starenie v Rossii i novaia social'naia real'nost' [Demographic aging in Russia and the new social reality], *Narodonaselenie*, vol. 25, no. 2, pp. 66—76.
- Dobrokhleb, V. G. (2024) Dinamika demograficheskogo stareniiia etnonatsional'nykh regionov RF vo vtorom i nachale tret'ego desyatiletiia XXI veka [Dynamics of demographic aging of ethnonational regions of the Russian Federation in the second and early third decades of the 21st century], *Problemy razvitiia territorii*, vol. 28, no. 6, pp. 112—122.
- Dobrokhleb, V. G., Kuchmaeva, O. V., Bragin, A. D., Afzali, M. (2022) Demograficheskie dividendy: formirovanie i ispol'zovanie v stranakh SNG i Baltii [Demographic dividends: formation and use in the CIS and Baltic countries], *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeni: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 15, no. 4, pp. 172—188.
- Geodakyan, V. A. (1991) Èvolutsionnaia teoriia pola [Evolutionary theory of sex], *Priroda*, no. 8, pp. 60—70.
- Geodakyan, V. A. (1994) Muzhchina i zhenshchina. Èvoliutsionno-biologicheskoe prednaznachenie [Man and Woman. Evolutionary-Biological Purpose], *Zhenshchina i svoboda. Puti vybora v mire traditsii i peremen: materialy Mezhdunarodnoi konferentsii*. Moscow, June 1—4, 1994, pp. 8—17.
- Kapitsa, S. P. (1999) Skol'ko liudei zhilo, zhivet i budet zhit' na Zemle [How many people have lived, live, and will live on Earth]. Moscow: Mezhdunarodnaia programma obrazovaniia, 240 p.
- Petrosyan, A. N., Shevchuk, E. I., Kirillov, P. L., Mozgunov, N. A. (2019) Geograficheskie osobennosti stareniiia naseleniia Rossii [Geographical features of the aging population of Russia], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 6, no. 2, pp. 55—83.
- Rybakovsky, L. L. (2003) Demograficheskaya bezopasnost' [Demographic security], *Zhurnal lichnoi, nacional'noi i kollektivnoi bezopasnosti*, no. 3, pp. 124—156.
- Sillaste, G. G. (2019) Socialnye tranzitsii i formirovanie novogo gendernogo poriadka [Social transitions and the formation of a new gender order], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—16.
- Topilin, A. V., Nioradze G. V., Khrolenko, T. S. (2022) Migratsiia naseleniia i demograficheskoe starenie v nekotorykh stranakh mira i Rossii za period 1960—2021 gg. [Population migration and demographic aging in some countries of the world and Russia for the period 1960—2021], *Nauchnye trudy: Institut narodnohoziaistvennogo prognozirovaniia RAN*, no. 20, pp. 302—319.

available from <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsiya-naseleniya-i-demograficheskoe-starenie-v-nekotoryh-stranah-mira-i-rossii-za-period-1960—2021-gg> (accessed 17.04.2026).

Yakovenko, E. I. (1924) *Meditinskaya statistika. Vvedenie v sotsial'nuyu meditsinu* [Medical Statistics. Introduction to Social Medicine]. With the addition of an essay by P. I. Kurkin «Sanitarnaya statistika v Rossii» [«Sanitary Statistics in Russia»]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo, pp. 147—176.

Статья поступила в редакцию 15.04.2026; одобрена после рецензирования 25.04.2026; принята к публикации 30.04.2026.

The article was submitted 15.04.2026; approved after reviewing 25.04.2026; accepted for publication 30.04.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Доброхлеб Валентина Григорьевна — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра сравнительных (международных) демографических исследований, Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва, Россия, vdobrokhleb@mail.ru (D.Sc. (Economics), Professor, Principal Researcher at the Center for Comparative (International) Demographic Studies, Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2026. № 2. С. 105—119.

Woman in Russian Society. 2026. No. 2. P. 105—119.

Научная статья

УДК 94(47+57)"1941/1945":001-055.2

EDN: <https://elibrary.ru/jobirq>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.2.8

**ЖЕНСКИЙ «НАУЧНЫЙ ПОЛК»:
ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦЫ АКАДЕМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА
В ГОДЫ ВОЕННЫХ ИСПЫТАНИЙ**

Наталья Львовна Пушкарева

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru

Аннотация. Восполнен пробел в отечественной историографии, не уделявшей внимания научным открытиям и достижениям, сделанным в годы Великой Отечественной войны женщинами-учеными. Обобщены сведения о вкладе в свои области знания женщинами-математиками, физиками, представительницами естественных наук и медицины, а также историками. Цель автора — подчеркнуть особость женской научной повседневности в 1941—1945 гг., когда женщинам приходилось брать на себя и заботу о семье, обеспечении ее всем необходимым, и выполнять обычные профессиональные обязанности, зачастую к тому же замещая коллег, ушедших на фронт, на научно-административных постах. Подтвердилась рабочая гипотеза о том, женский вклад в науку остался недооцененным и в годы военного лихолетья, не получив отражения в СМИ того времени и много десятилетий спустя.

Ключевые слова: женщины-ученые, история советской науки, Россия в 1941—1945 гг.

Благодарности: исследование выполнено в рамках Программы НИР ИЭА РАН 2024—2026 гг. «Гендерные исследования городской и сельской повседневности: историко-антропологическая перспектива».

Для цитирования: Пушкарева Н. Л. Женский «научный полк»: представительницы академического сообщества в годы военных испытаний // Женщина в российском обществе. 2026. № 2. С. 105—119.

Original article

THE WOMEN'S "SCIENTIFIC REGIMENT": REPRESENTATIVES OF THE ACADEMIC COMMUNITY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Natalia L. Pushkareva

N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, pushkarev@mail.ru

Abstract. The article fills a gap in Russian historiography, which has not paid attention to the scientific discoveries and achievements made by women scientists during the Great Patriotic War. The article also summarizes information about the contributions made to their fields of knowledge by women mathematicians, physicists, representatives of the natural sciences and medicine, as well as historians. The author's goal is to highlight the distinctive features of the daily lives of women scientists from 1941 to 1945, when women had to take care of their families, provide them with everything they needed, and perform their usual professional duties, often replacing colleagues who had gone to the front in scientific and administrative positions. The author confirmed the working hypothesis that women's contribution to science remained underestimated not only during the war years, when it was not reflected in the media of the time, but also many decades later.

Key words: women scientists, history of Soviet science, Russia in 1941—1945

Acknowledgments: This research was conducted as part of the 2024—2026 Research Program of the Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, "Gender Studies of Urban and Rural Everyday Life: A Historical and Anthropological Perspective".

For citation: Pushkareva, N. L. (2026) Zhenskii «nauchnyi polk»: predstavitel'nitsy akademicheskogo soobshchestva v gody voennykh ispytaniĭ [The women's "scientific regiment": representatives of the academic community during the Great Patriotic War], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 105—119.

Введение

У Великой Отечественной войны тысячи женских лиц. Лиц девушек, ушедших на фронт, научившихся стрелять, водить танки, управлять самолетами. Из общего числа в 34,5 млн мобилизованных свыше 490 тыс. чел. составляли женщины. Вместе с добровольно ушедшими воевать число участниц вырастает до 800 тыс. — и о них написаны статьи, диссертации [Барсукова, 2012: 11]. Но есть в исторической памяти нашего народа о великой победе над фашизмом социальная группа, о роли которой — в силу ее немногочисленности — мало пишется и говорится. Это женщины-ученые.

Исследования о роли советской науки и самоотверженном труде ученых в годы войны появились позже публикаций об истории ратных подвигов советских воинов, не ранее середины 1980-х гг. Их много вышло к 50-летию Победы и позже, ко всем круглым юбилеям. В огромном историографическом массиве возникло особое «женское» направление [Иванова, 2002], но оно — уделяя несправедливо мало внимания анализу женских судеб в тылу, в эвакуации, — пополнялось трудами о вкладе в победу женщин-ученых нашей страны. Первые заметки о них появились в 2010-е годы [Валькова, 2013: 183—188; Валькова, 2021: 151—162].

Судьбы женщин-ученых достойны специального внимания, ведь достижения советской науки, ставшие очевидными до войны, приобрели известность в том числе и благодаря участию в научной работе большого числа женщин. Известно, что на уровне принятия решений в управлении наукой перед войной женщин не было. Головным учреждением к 1941 г. была, разумеется, Академия наук СССР. В ее составе было 1820 учреждений, в которых трудились 123 академика, 182 члена-корреспондента, 4 700 научных и научно-технических работников — но женщин среди них было не более 9,1 %, а среди действительных членов Академии женщина была всего одна [Князев, Кольцов, 1964: 126—137].

О знаменитом призыве мобилизовать все силы на борьбу с оккупантами сотрудницы институтов узнали одновременно со всеми на экстренном заседании Президиума АН СССР 23 июня 1941 года [Быковская, 2007: 10—13], что заставило задуматься о новых темах и новых аспектах исследований [Мазур, 2021: 275—280]. Это была мобилизация всех духовных сил народа для сохранения себя как нации [Вавилов, 1981], и женщины были частью этого собрания сил.

Практически все женщины-ученые готовы были вносить свой вклад в борьбу с врагом, тому способствовала и идеология равенства женщин с мужчинами, активно продвигаемая государством. Подготовка женского сознания к тому, что в условиях военного положения от сотрудниц научных институтов потребуется не просто включенность, но жертвенность, велась уже не один год с помощью кинематографа. Американские киноведы, изучившие предвоенные советские фильмы, отметили, что женщины в них аккуратно «встроены в милитаристский нарратив»: создана новая модель женственности, сочетавшая в себе материнскую любовь и военную дисциплину, готовность к жесткости — и к себе, и противнику, желание трудиться сверхурочно, сверх сил, на пределе возможностей [Krylova, 2004: 626—653].

Одновременно с разворачиванием фронтов Красной армии советские ученые открыли в лабораториях, конструкторских бюро, библиотеках и архивах невидимый для непосвященных свой фронт борьбы «с проклятою ордой». В составе этого огромного фронта оказался пусть не самый многочисленный, но особый «женский полк». Велик ли он был? По самым приблизительным подсчетам [Kosheleva, 1983], представительниц академической науки было в 1941 году около 13 000 человек из 38 200 научных работников, учтенных в последнем перед войной по времени издания справочнике 1936 года [Валькова, 2010: 33—47] (табл.).

**Женщины среди научных работников
научно-исследовательских учреждений**

Год	Всего работников в АН ССР	Женщин	Женщин, %
На 01.04.1929 г.	22 600	5 153	22,8
На 01.01.1933 г.	47 900	12 358	25,8
На 01.01.1935 г.	38 200	11 116	29,1

Помимо этих 13 тысяч женщин-исследователей, в НИИ и вузах на научно-обслуживающих, вспомогательных должностях (лаборантки, библиотекари) трудилось еще несколько тысяч лиц женского пола [История Великой Отечественной войны, 1961: 256]. Исследователям еще предстоит выяснить численность женщин-ученых в составе

общего «трудового фронта» (в целом женщины составляли 45 % от всей рабочей силы воюющей страны) [Великая Отечественная война, 1985: 270].

К вопросу об особенностях женского научного полка

Женский «научный полк» начал формироваться немедленно — и из тех, кто принялся за работу в эвакуированных научно-исследовательских учреждениях, и из тех, кто остался в столице и возобновил работу после того, как враг был отброшен от Москвы. Эти женщины, трудившиеся в академической науке (как и все женщины советской страны), несли в эти сложные дни двойное бремя: они продолжали быть ответственными за все домашние дела, воспитание детей, алиментарные практики (накармливание) членов семьи, стояние в очередях за продуктами, отоваривание продуктовых карточек, приготовление еды и уборка после нее), на женщинах любого статуса лежала обязанность стирки белья, чистка домашней утвари...

Но при всем этом они должны были работать со всей возможной самоотдачей, наравне с мужчинами. Это принималось всеми как должное, и в общественных обсуждениях об этом и говорить было не принято, так как считалось самым собой разумеющимся. О «труженицах науки» никакие газеты ни до войны, ни во время нее не писали: «труженицами» считались работницы физического труда [Ситникова и др., 2024: 108—117]; а когда речь шла о вкладе ученых, упоминались почти одни мужчины. Правда, это не мешало управленцам в годы войны предоставлять тем, кто был готов брать на себя самоотверженный научный и научно-организационный труд, ресурс для замещения коллеги, ушедшего на фронт.

Эта перспектива — развить не только исследовательские, но и научно-организационные таланты — ясно обозначилась для женщин в науке в годы войны. Те, кто чувствовал в себе такой потенциал, быстро обретали не только новые аналитические, но и управленческие навыки, использовали (иногда неосознанно, без явных научных амбиций) случай, чтобы сделать рывок. Поэтому четыре года войны не помешали женщинам, которые обладали решимостью, сделать научную карьеру. Около 1,5 тыс. женщин за это время получили ученые степени и звания — доктора наук, профессора, доцента [История Великой Отечественной войны, 1961: 256], в то время как в 1930 г. таковых было всего 840 человек [Салтанова, 2019].

Несколько тысяч женщин-ученых были, конечно, особой социальной группой. Некоторые из них имели настолько высокий уровень образования (иногда обретенный еще до революции, подчас за рубежом, включая защиты там диссертаций), что уже этим отличались от значительной массы советских женщин. Престиж профессии ученого поддерживался пропагандой — фильмами и плакатами; женщины-ученые в пропагандистских кампаниях 1930-х гг. были живым символом осуществления обещанного равноправия женщин и мужчин в СССР [Центральный государственный архив Петербурга, Ф. 9363. Оп. 1. Д. 91. Л. 2]. Добившиеся успеха и признания в профессиональной работе женщины-ученые считали своим долгом быть общественницами, например, вести кружки в Домах ученых [Пушкарева, Секенова, 2024: 114—123]. Не удивительно, что в грозный час правительство обратилось к научным сотрудницам академических НИИ за поддержкой. Практически все они были готовы скорейшим образом получить дополнительное образование и отдать силы и знания делу борьбы с врагом. К тому же накануне 1941 г. образование только в военных вузах завершили 250

женщин, 36 из них окончили Военную инженерную академию имени В. В. Куйбышева, свыше 150 — Военную академию химической защиты.

Выпускницы могли и хотели делиться своими знаниями и в практическом ратном деле, но чаще — в обеспечении военной мощи в тылу [Иванова, 2002: 139—140]. Поток научных открытий, изобретений, разработок для фронта превратился в мощную реку; главенствующее место принадлежало в нем женщинам-физикам и математикам.

Изобретения представительниц точных наук

В списке выдающихся теоретиков и изобретателей того времени не должно потеряться имя *Пелагеи Яковлевны Кочиной* (1899—1999), защитившей докторскую диссертацию по математике перед самой войной, а в конце ее избранной членом-корреспондентом АН СССР. Вместе со своим рано сгоревшим от саркомы мужем Николаем Кочиным она — как специалист в области механики и гидродинамики — всю войну делала расчеты «круглого крыла» для самолетов: оно придавало дополнительную прочность летательному аппарату. Об этом сама ученая рассказала в своих воспоминаниях [Кочина, 1974].

Другое заметное имя — имя жены знаменитого авиаконструктора О. К. Антонова *Елизаветы Аветовны Шахатуни*, доктора физических наук. В составе группы конструкторов «стальная женщина» (как ее называли) разработала модель десантного планера, так называемых «крыльев танка» (авиаперевозчика танков), принимала участие в конструировании множества самолетов АН¹. Активная включенность Е. А. Шахатуни в создание истребителей в годы войны заставляет задуматься над участием женщин в «неженских» профессиях: все же женщины-конструкторы стрелкового оружия пришли в науку в основном уже после 1945 г., а в годы боевых действий не конструировали то, что могло убивать. Однако они прикладывали немалые интеллектуальные усилия в своих научных направлениях.

Так, например, совсем неизвестно рядовому историку имя *Зинаиды Васильевны Ершовой* (1904—1995) — доктора технических наук, женщины, которая была в числе руководителей и исполнителей Атомного проекта. Коллеги прозвали ее «русской мадам Кюри». Действительно, еще до войны в Париже она непосредственно работала со знаменитой Мари Кюри, позже стала начальницей Лаборатории радия в Государственном институте редких металлов, эвакуированном в годы войны в Казахстан, откуда в 1943 г. ее вызвали в Москву. Точность ее расчетов оценил создатель Института атомной энергии — будущий академик Игорь Васильевич Курчатов. За разработку технологии получения урана для ядерных реакторов и полония-210 (часть нейтронного запала первой плутониевой бомбы) З. В. Ершова была удостоена трех Сталинских премий. Они были получены ею уже после войны (1947, 1951, 1954 гг.).

Еще одно имя русской женщины-физика, чьи разработки помогли множеству врачей и в дальнейшем вошли во все учебники, — имя *Александры Андреевны Глаголевой-Аркадьевой* (1884—1945). Выпускница физико-математического факультета еще дореволюционных Московских высших женских курсов, она в годы войны создала рентгеностереометр — прибор, измерявший глубину залегания пуль и

¹ Елизавета Шахатуни — первая в СССР женщина-авиаконструктор // Армянский музей Москвы и культуры наций. 18.04.2021. URL: <https://www.armmuseum.ru/news-blog/elizaveta-shahkhatuni> (дата обращения: 08.11.2025).

осколков у раненых. Одновременно А. А. Глаголева-Аркадьева конструировала излучатели электромагнитных волн, необходимые для металлургии и развития средств связи, в первые же месяцы сражений предложила разрабатывать проблему обморожений (близились морозные зимы) [Vavilov, Ioffe, 1947: 296].

В эвакуации А. А. Глаголева-Аркадьева создала Лабораторию электромагнетизма, читала лекции, вела просветительскую и конструкторскую работу. Знавший ее академик С. И. Вавилов справедливо заметил: «Александра Андреевна принадлежала к тому кругу русских женщин-ученых, которые занимают по праву почетное место в науке наряду с Ковалевской» [Кожевников, 2024].

Ее современница *Наталья Борисовна Барановская* (1915—2001) — самая молодая из представленной когорты: в 1938 г. она была выпускницей химфака МГУ, избравшей в качестве научной темы авиационные герметики. Три года перед войной она работала над этой темой во Всероссийском институте авиационных материалов, разработки были закрытыми и некоторые ее воплощенные идеи были опубликованы много позже, сделав ее «главным химиком СССР» (и сегодня 95 % авиагерметиков имеют в основе разработки Н. Б. Барановской [Савенкова, Чурсова и др., 2012: 41]).

Мировое значение для науки имели в годы войны и исследования ученицы С. И. Вавилова, одной из создательниц лампы дневного света *Фатимы Асланбековны Бутаевой* (1907—1992). Родом из осетинского городка, где мало кто умел писать, она стала одной из первых осетинок, получивших образование в Москве и сумевших подняться к вершинам научных знаний. С 1934 г. она трудилась во Всесоюзном электротехническом институте, в лаборатории источников света [*Фатима Асланбековна Бутаева*, 2007: 66—67]. Защититься ей не давали, поскольку были репрессированы ее отец и дядя. В годы войны она вместе с коллективом института оказалась в Свердловске, где развернула работу по изучению люминесценции и в итоге к концу войны стала соавтором изобретения люминисцентных ламп [Восемь великих женщин, 2021]. После 1945 г. по результатам выполненных ею работ защитила диссертацию, была удостоена Сталинской премии и оформила заявку на патент — открытие принципа усиления света за счет среды излучателя [Шмаонов, 2005]. Нобелевскую премию за создание лазера получили мужчины — А. М. Прохоров и Н. Г. Басов в 1962 г., признававшие, что первоначальная идея-догадка о том, что среда может усиливать свет, принадлежала Ф. А. Бутаевой и была высказана ею в годы войны.

«Победу мы выиграли ранеными»

Это высказывание маршала К. К. Рокоссовского — признание вклада в победу медиков, которые возвращали раненых в строй. В том, что этого удалось достичь, немалую роль сыграла готовность женщин-врачей отдавать медицинской науке не только практическую помощь на фронте, но и интеллектуальные силы в тылу.

Советские женщины-медики изумили своей преданностью науке многих современников. Лучший пример тому — физиолог *Лина Соломоновна Штерн* (1878—1968). Первой женщиной-академиком в СССР она стала в 41 год — в 1939 г., первым действительным членом Академии медицинских наук — в 1944 г. Став профессором еще в 1918 г. в Женеве, она вернулась в Россию и с 1925 г. была директором Института физиологии в Москве, развернув исследования травматического шока и разработав методику его лечения, которая широко использовалась в госпиталях во время войны. В годы войны она постоянно выезжала на фронт — консультировала хирургов, вела переписку с ними, была вдохновлена разработками способов введения

антибиотиков (сама много работала со стрептомицином). Программа преподавания физиологии, созданная ею в те суровые годы, использовалась как основная во всех вузах страны в течение 15 лет. Л. С. Штерн была фанатично предана делу. Центром жизни для нее была ее лаборатория и, как вспоминал позже ее племянник, «она не могла смириться с мыслью, что у кого-то рядом могут быть другие обязательства, кроме науки», [Мирочник, 2023]. Семьи и детей она не имела; полученную в 1942 г. Сталинскую премию Л. С. Штерн отдала на строительство санитарного самолета.

Жертвенную самоотдачу женщин, не имевших семьи и детей и занятых в сфере интеллектуального труда в годы войны, характеризуют и открытия доктора медицинских наук Зинаиды Виссарионовны Ермольевой (1898—1974, знаменитой «*Госпожи Пенициллин*»). Ее именем в 2020 г. назвали одну из московских улиц в районе Щукино. Все потому, что она разработала способ получения дешевого антибиотика крустозина, заменившего пенициллин. В 1942 г. благодаря ей удалось предотвратить распространение эпидемии холеры под Сталинградом. Но главным в ее жизни в годы войны были поиски дешевого аналога найденного Г. Флори антибиотика из плесневых грибов. Десятки опытов оказались успешными лишь на 92-й раз: исследовательница получила активное вещество из плесени, соскобленной со стен бомбоубежища, куда она спустилась в 1943 г. во время арталета.

Открытие З. В. Ермольевой помогло спасти жизни и избежать инвалидности сотням тысяч советских солдат; смертность воинов после введения крустозина снизилась на 80 %, а число ампутаций — на четверть. З. В. Ермольева тоже получила Сталинскую премию и тоже отдала ее на общественные нужды. Перипетии ее судьбы были доподлинно известны брату ее мужа В. Каверину, он отобразил их в романе «Открытая книга» (в книге имя героини — Татьяна Власенкова, в фильме, снятом по книге, это была роль И. Савиной) [Каверин, 1954]. Возможно, его вдохновила и судьба *Марии Григорьевны Бражниковой* (1913—1998), создавшей еще один антибиотик — грамицидин-С [Советские женщины-микробиологи, 2022]. Конечно, стоит отметить, что названные нами женщины-ученые либо не имели семьи, либо были бездетными — и уже поэтому могли, как (например) *Татьяна Сергеевна Истаманова* (1900—1986), подвергать опасности собственные жизни с большей готовностью. Т. С. Истаманова — доктор медицинских наук, работавшая на Ленинградском фронте и подготовившая уникальные записи-наблюдения по особенностям течения заболеваний в условиях блокадного голода [Истаманова, 2010]. Она работала с энтузиазмом; само время дало ей возможность, ни с кем из мужчин не конкурируя, не споря, сделать научный рывок, стать основательницей советской вирусологии, первооткрывательницей клещевого энцефалита и одной из создательниц вакцины от него. Т. С. Истаманова сформировала свою научную школу одновременно с коллегами ее поколения — *Е. Н. Левкович* (1900—1982), которая с октября по декабрь 1942 г. заведовала лабораторией сыпного тифа в Томске и создала вакцину от него [Воспоминания о Е. Н. Левкович, 2001: 155], и *М. П. Покровской* (1901—1980) — автором первой в мире противочумной вакцины, которую на себе же и испытала перед самой войной на Ставропольщине [Каменева, 2008: 207]. Женщины-врачи самоотверженно работали над сохранением людского капитала в годы войны [Война без эпидемий, 2020]. Так, полковник медицинской службы Н. Е. Гефен заведовала одной из лабораторий Института военной медицины, сделала несколько открытий [Митюшёв, 1991], поливакцина от 7 инфекций носит ее имя.

Очевидно, что не только представительницы точных наук и медицины продолжали в годы войны заниматься разработками, обслуживающими фронт: профессионалы других направлений исследований создали основу для первенства российской науки [Левшин, 1984]. Кто-то, продолжая вести исследовательскую работу, понимал необходимость выступлений перед бойцами и, получив направления, выступал с научными лекциями — как доктор геолого-минералогических наук профессор (с 1925 г.) *Вера Александровна Варсанофьева* (1889—1976) [РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 177. Л. 68, 68 об.]. Как член Антифашистского комитета советских женщин (создан осенью 1941 г.) и Руководитель Экспедиции особого назначения АН СССР (Московский отряд) она, будучи географом, занималась подготовкой карт и справочных геологических материалов о потенциальных местах проведения военных операций. Не меньший вклад внесла и первая в России и в мире женщина-климатолог *Евгения Самойловна Рубинштейн* (1891—1981), трудившаяся в Свердловске и обеспечивавшая фронт оперативной климатической информацией как начальница Главной Геофизической обсерватории Красной армии. За вклад в исследования климата и прогнозирования погоды она была награждена Орденом Красной звезды [Селезнева, 1989: 184].

«Лекции тоже воюют»

Не меньший вклад в победу внесли исследователи-историки, в частности — доктор наук (впоследствии академик) *Милица Васильевна Нечкина* (1901—1985) [Архив РАН. Ф. 1820. Д. 344]. Ее выступления перед ранеными призваны были поднимать дух бойцов примерами из истории, убежденностью в огромности ресурсов защищаемой ими страны. «*Лекции тоже воюют*, — писала позже М. В. Нечкина. — *В арсенале идейного оружия им отведено свое место*» [Нечкина, 1985: 31]. Женщины-ученые, выезжавшие на фронт с лекциями о ратных подвигах русских воинов в разные исторические эпохи, видели свой долг в том, чтобы раскрыть перед бойцами и тружениками тыла героические традиции народов нашей страны, воспитать чувство гордости и ответственности за Родину и ее историческое прошлое [Круглянский, 1970; Бурдей, 1991]. Агитационная работа велась порой в невыносимых бытовых условиях, во время бомбежек, в блокаду, в теплушках эвакуационных поездов, иногда — в воинских частях, на бортах военных кораблей. . . Лекционная, просветительская деятельность становилась оружием женщин-историков, их вкладом в победу.

Но и те, кто не выезжал на фронт, а продолжал разрабатывать свои научные темы, вносили посильный вклад в общее дело. Многие НИИ и вузы оказались вдали от фронта в Ташкенте и Алма-Ате, Ашхабаде и Свердловске [ГАРФ. Ф. Р-9396. Оп. 16. Д. 820. Л. 295; Ф. А-2306. Оп. 70. Т. 2. Д. 4281. Л. 9]. По словам той же М. В. Нечкиной, там сразу завязывалась «дружба и масса знакомств» между «эвакуками» (эвакуированными) и местными [Нечкина, 1985: 34], открывались новые темы и направления (в частности, М. В. Нечкина занялась историей социальных движений узбеков в конце XIX в.), там же родился замысел книги, которая впоследствии ее прославила — «Грибоедов и декабристы», были написаны первые ее главы [Нечкина, 1985: 35].

Сложности быта касались всех: преподаватели МГУ во главе с доктором исторических наук (тоже впоследствии академиком АН СССР) *Анной Михайловной Панкратовой* (1897—1957) в Алма-Ате были вынуждены «спать на полу, не были обеспечены питанием и нуждались в самом необходимом» [Дружинин, 1985: 26]. Но благодаря организационному таланту А. М. Панкратовой, происходившей из простой рабочей семьи, одесской партизанки в годы Гражданской войны,

окончившей в 1920-е Институт красной профессуры и ставшей в 1930-е сотрудницей Института истории АН СССР, местные власти пошли исследователям навстречу: быстро организовали лекторскую работу, за которую ученые стали получать карточки на питание в столовой. Свободное от лекций время группа А. М. Панкратовой отдавала сбору материала и написанию первой в истории данного региона обобщающей его прошлое книги — истории союзной республики с древнейших времен до 1941 г. [История Казахской ССР, 1943].

Наравне с женщинами-историками, трудившимися в эвакуации, назовем и имена ученых-«блокадниц». Это источниковед, архивовед, доктор наук *Инна Ивановна Любименко* (1878—1959), составлявшая блокадной зимой 1941/1942 г. хронологию научно-организационной деятельности Академии наук. Это и *Нина Викторовна Пигулевская* (1894—1970) — внучка известного географа и дочь историка права [Мещерская, 1998: 8], которая с 1937 г. до самой смерти работала в Ленинградском отделении Института востоковедения РАН (ЛЮ ИВ РАН). Перед войной Нина Викторовна защитила (минуя кандидатскую) сразу докторскую диссертацию и стала в годы войны хранительницей восточных рукописей в Публичной библиотеке блокадного Ленинграда. Ее инициативность и преданность делу сыграли важную роль в организации спасения рукописных богатств института [Пайкова, Лебедева, 1969: 66]. Среди двухсот ее работ, в том числе 8 монографий, есть и написанные в годы блокады, когда ею и был создан Кабинет Ближнего Востока в Институте востоковедения РАН [Лундин, Мещерская, 1976; Удальцова, 1969: 229]. В страшные годы блокады она продолжала и преподавать, и готовить к защитам своим учеников [Сборник памяти, 1998]. Она воевала за науку не оружием, но своим интеллектуальным богатством, мобилизуя более юных исследователей не сбавлять темпа, продолжать творить в любых условиях.

Общая черта женского научного участия в деле борьбы с фашизмом — то, что женщины брались за темы, мало связанные с «наукой убивать» в механике и физике, не пытались обосновать историческую неизбежность физического уничтожения людей. Они разрабатывали методы их спасения — избавления от инвалидности, от опасности стать жертвами эпидемий и пандемий, от психологических травм. Направление исследования психологических травм, связанное с именем основательницы советской патопсихологии, доктора педагогических наук *Блюмы Вульфовны Зейгарник* (1900—1988), всю войну занимавшейся восстановлением психических функций после черепно-мозговых ранений, — отдельная тема в истории женского участия в Победе над фашизмом.

Выводы

Обобщая собранный материал, который лишь приоткрыл страницы истории «женского научного полка», можно размышлять не только о научной, но и о социально-психологической значимости темы. Анализ истории войн в последние десятилетия показал рост числа социальных антропологов, изучающих условия жизни и труда различных групп населения страны в экстремальной повседневности. Стараясь выявить детали будней научных работников и преподавателей, а в особенности — женщин, исследователь заставляет помнить о том вкладе, который внесли женщины-ученые в оказании помощи фронту. Овладение социальным опытом такого рода имеет важное значение для выработки определенных нравственных критериев. Возвращение забытых имен, знание о том, как российские женщины-ученые трудились

в годы войны, изобретая вакцины, предотвращая эпидемии, находя недорогие варианты антибиотиков, создавая люминисцентные лампы и предлагая к использованию рентгеностереометр (измерявший глубину залегания пуль), придумывая новые способы предсказания погоды и создавая точные карты местности, архинужные для ведения боевых операций, осваивая новые направления архивного и, шире, исторического поиска — все это повод для гражданской гордости, способ избежать значительных потерь в морали, духовности, нравственности, культуре, патриотизме и других критериях гражданского воспитания.

Данный текст — лишь фиксация наличия лакуны в изучении истории науки в годы войны, заявленная потребность анализа объективных и субъективных мотивов поведения тружениц тыла, работавших в вузах и НИИ и получивших после войны ордена Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, медалей «За трудовую доблесть», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Исследование этих тем нужно для изучения психологии людей, обеспечивавших победу далеко от передовой. «Своей преданностью Родине и постоянной готовностью отдать за нее жизнь советские женщины изумили все прогрессивное человечество и заслужили памятник, равный памятнику Неизвестному солдату, воздвигнутому в Москве у Кремлевской стены», — так полагал Маршал Победы [Жуков, 1990: 52].

Хотелось бы, чтобы на этом памятнике были увековечены имена и женщин-ученых.

Список источников

- Барсукова Н. В. Женщины в Вооруженных силах СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Омский научный вестник. Сер.: История. 2012. № 5. С. 10—15.
- Бурдей Г. Д. Историк и война. 1941—1945 / под ред. В. А. Муравьева. Саратов: Изд-во СГУ, 1991. 259 с.
- Быковская Г. А. «Положить все силы на то, чтобы безумный и опасный враг был уничтожен» // Военно-исторический журнал. 2007. № 3. С. 10—13.
- Вавилов С. И. Очерки и воспоминания. М.: Наука, 1981. 352 с.
- Валькова О. А. Война в биографии женщины-ученого; женщина-ученый в биографии войны // Koiron. 2021. Т. 2, № 4. С. 151—162.
- Валькова О. А. Обыденный подвиг: повседневная жизнь советской женщины-ученого в период Великой Отечественной войны // Патриотизм и гражданственность в истории России. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2013. С. 183—188.
- Валькова О. А. Советские женщины-ученые в Великой Отечественной Войне // Юбилейная научная конференция, посвященная 65-летию Победы в ВОВ. 27—28 апреля 2010 г. М.: ИИЕТ, 2010. С. 33—47.
- Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. Народ и война / гл. ред. комис.: В. А. Золотарев [и др.] ; [Ин-т воен. истории]. М.: Наука, 1999. 368 с.
- Война без эпидемий. Как советские врачи побеждали вирусы на фронте и в тылу // ТАСС.RU. 27 мая 2020. URL: <https://tass.ru/75-letie-pobedy/8503997> (дата обращения: 08.11.2025).
- Восемь великих женщин-ученых, которые изменили мир // Дзен. 07.03.2021. URL: <https://dzen.ru/a/YEFh9xvUygUIBWgW> (дата обращения: 08.11.2025).
- Воспоминание о Елизавете Николаевне Левкович / ред. В. В. Погодина. М.: Наука, 2001. 202 с.
- Дружинин Н. М. Труд и быт эвакуированных историков в 1941—1943 гг. // В годы войны. Статьи и очерки. М.: Наука, 1985. С. 25—30.

- Елизавета Шахатуни: Первая в СССР женщина-авиаконструктор // RusArmInfo. 16.07.2016. URL: <https://rusarminfo.ru/2016/07/16/elizaveta-shaxatuni-pervaya-zhenshina-aviakonstruktor-sssr/> (дата обращения: 08.11.2025).
- Елизавета Шахатуни — первая в СССР женщина-авиаконструктор // Армянский музей Москвы и культуры наций. 18.04.2021. URL: <https://www.armmuseum.ru/news-blog/elizaveta-shahkhatuni> (дата обращения: 08.11.2025).
- Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 2. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1992. 381 с.
- Иванова Ю. Н. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М.: РОССПЭН, 2002. 271 с.
- Истаманова Т. С. Жизнь прекрасна! // Пульс. 22 июня 2010. № 9—10 (2465/2466). С. 10. URL: https://www.lspbmgmu.ru/images/home/universitet/izdatelstvo/Pulse/Pulse9_10_2010.pdf (дата обращения: 08.11.2025).
- История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 — 1945: в 6 т. / ред. комис.: П. Н. Поспелов (пред.) [и др.]; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Отд. истории Великой Отеч. войны. Москва: Воениздат, 1960—1965. Т. 1. Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. М.: Воениздат, 1960. 600 с.
- История Казахской ССР: С древнейших времен до наших дней / под ред. М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1943. 671 с.
- Каверин В. А. Открытая книга. М.: Молодая гвардия, 1954. 552 с.
- Каменева Г. Вузовская интеллигенция Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны // Педагогическая наука и практика — региону: Материалы X региональной научно-практической конференции. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2008. 207 с.
- Князев Г. А., Кольцов А. В. 1941—1945 годы // Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.; Л.: Наука, 1964. С. 126—137.
- Кожевников А. Ю. Первая русская женщина-физик: памяти А. А. Глаголевой-Аркадьевой // МПГУ. 28.02.2024. URL: <https://mpgu.su/novosti/zhenshhina-glagolevoj-arkadevoj/> (дата обращения: 09.11.2025).
- Кочина П. Я. Воспоминания. М.: Наука, 1974. 302 с.
- Круглянский М. Р. Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Высшая школа, 1970. 314 с.
- Левшин Б. В. Мобилизация научного потенциала Советского государства и вклад ученых в разгром фашистских агрессоров. 1941—1945 гг. Тема диссертации и автореферата по ВАК РФ 00.00.00, доктор исторических наук Левшин, Борис Венедиктович. М., 1984. 384 с.
- Лина Штерн — первая женщина-академик: открытия, изменившие медицину // Российская академия наук. 7 марта 2025. URL: <https://new.ras.ru/activities/news/lina-shtern-pervaya-zhenshchina-akademik-otkrytiya-izmenivshie-meditsinu/> (дата обращения: 09.11.2025).
- Лундин А. Г., Мещерская Е. Н. Список печатных работ чл.-кор. АН СССР Н. В. Пигулевской // Ближний Восток. Византия. Славяне. Л., 1976. С. 50—62.
- Мазур Л. Н. Особенности мобилизации советской науки в условиях Великой Отечественной войны // Пути к Победе. М.: Полит. энциклопедия, 2021. С. 275—280.
- Мещерская Е. Н. К 100-летию со дня рождения Н. В. Пигулевской (1894—1970) // Православный Палестинский сборник. Вып. 35 (98). СПб.: Дмитрий Булаин, 1998. С. 5—8.
- Мирзоян М., Мирзоян Г. Первая в СССР женщина-авиаконструктор // «Ноев Ковчег». № 3 (314), март 2019 г. URL: <https://noev-kovcheg.ru/mag/2019-03/6505.html> (дата обращения: 09.11.2025).
- Мирочник А. Наука, война, тюрьма: как сложилась карьера первой женщины-академика СССР Лины Штерн // Forbes. 13.11.2023. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/500152-nauka-vojna-tur-ma-kak-slozilas-kar-era-pervoj-zensiny-akademika-sssr-liny-shtern> (дата обращения: 09.11.2025).

- Митюшѣв В. Записки обыкновенного человека 1961—1991. Т. 3, гл. 61. Старинный дом в Лефортове // MyBio.ru. URL: <https://www.mybio.ru/zapiski/text/chapter61/page2.html> (дата обращения: 09.11.2025).
- Нечкина М. В. Лекции в дни войны // В годы войны. М.: Наука, 1985. С. 31—41.
- Пайкова В. А., Лебедева И. Н. Н. В. Пигулевская: к 75-летию со дня рождения // Народы Азии и Африки. 1969. № 1. С. 64—66.
- Пушкарева Н. Л., Секенова О. И. Феномен дома ученых: изменение функций в системе государственной поддержки // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 1 (64). С. 114—123.
- Савенкова А. В., Чурсова Л. В., Елисеев О. А., Глазов П. А. Герметики авиационного назначения // Авиационные материалы и технологии. 2012. № 3 (24). С. 40—43.
- Салтанова С. В. Как начиналось равноправие в науке // IQ Media — онлайн издание НИУ ВШЭ. 12.03.2019. URL: <https://iq-media.ru/archive/251753859.html> (дата обращения: 09.11.2025).
- Сборник памяти Н. В. Пигулевской / отв. ред. О. Г. Пересыпкин. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 5—8.
- Селезнева Е. С. Первые женщины геофизики и метеорологи. Л.: Гидрометеиздат, 1989. 184 с.
- Ситникова Е. Л., Чернышева Н. В., Шинкаренко Е. А. Женский вопрос в официальном дискурсе Советского государства в период Великой Отечественной войны // Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 108—117.
- Советские женщины-микробиологи: Мария Георгиевна Бразжникова // Российский микробиологический портал «Микробиус». 8 марта 2024. URL: <https://microbius.ru/news/sovetskie-zhenschiny-mikrobiologi-mariya-georgievna-brazhnikova> (дата обращения: 09.11.2025).
- Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М.: Наука, 1969. 362 с.
- Фатима Асланбековна Бутаева // Вестник Владикавказского научного центра. 2007. Т. 7, № 4. С. 66—67. URL: <https://vestnik-vnc.ru/Архив-номеров/до-2018-г/2007-год/2007-4> (дата обращения: 09.11.2025).
- Шмаонов Т. Золотой юбилей квантовой эры // Наука и жизнь. М., 2005. № 11. С. 20—23.
- Kosheleva I. Women in Science / transl. from the Russ. by F. Longman. Moscow: Progress Publishers, 1983. 170 p.
- Krylova A. Stalinist identity from the viewpoint of gender: Rearing a generation of professionally violent women-fighters in 1930s Stalinist Russia // Gender & History. 2004. Vol. 16, no. 3, pp. 626—653.
- Vavilov S., Ioffe A. Prof. A. A. Glagoleva-Arkadieva | Obituary // Nature. 1947. Vol. 159. P. 296—297. URL: <https://www.nature.com/articles/159296a0> (дата обращения: 09.11.2025).

References

- Barsukova, N. V. (2012) Zhenshchiny v Vooruzhennykh Silakh SSSR v gody Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭny 1941—1945 gg. [Women in the USSR Armed Forces during the Great Patriotic War of 1941—1945], *Omskiĭ nauchnyiĭ vestnik. Ser. Istoriia*, no. 5, pp. 10—15.
- Burdey, G. D. (1991) Istorik i voyna. 1941—1945 [The Historian and the War. 1941—1945]. Saratov: Izd-vo SGU.
- Bykovskaya, G. A. (2007) «Polozhit' vse sily na to, chtoby bezumnyi i opasnyi vrag byl unichtozhen» [«Put All Efforts to Destroy the Insane and Dangerous Enemy»], *Voenno-istoricheskii zhurnal*, no. 3, pp. 10—13.
- Druzhinin, N. M. (1985) Trud i byt evakuirovannykh istorikov v 1941—1943 gg. [The Work and Life of Evacuated Historians in 1941—1943], *V gody voĭny. Stat'i i ocherki*. Moscow: Nauka, pp. 25—30.
- Elizaveta Shahatuni: Pervaia v SSSR zhenshchina-aviakonstruktor (2016) [Elizaveta Shakhmatuni: The First Female Aircraft Designer in the USSR], *RusArmlInfo*. 16.07.2016, available from <https://rusarmlinfo.ru/2016/07/16/elizaveta-shahatuni-pervaya-zhenshhina-aviakonstruktor-sssr/> (accessed 08.11.2025).

- Elizaveta Shahatuni — pervaiia v SSSR zhenshchina-aviakonstruktor (2021) [Elizaveta Shakhtuni — the first female aircraft designer in the USSR], Armenian Museum of Moscow and the Culture of Nations], *Armianskii muzei Moskvy i kul'tury natsii*. 18.04.2021, available from <https://www.armmuseum.ru/news-blog/elizaveta-shahkhatuni> (accessed 08.11.2025).
- Fatima Aslanbekovna Butaeva (2007), *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra*, vol. 7, no. 4, pp. 66—67, available from <https://vestnik-vnc.ru/Архив-номеров/до-2018-г/2007-год/2007-4> (accessed 08.11.2025).
- Istamanova, T. S. (2010) Zhizn' prekrasna! [Life is Beautiful!], *Pul's*. June 22, 2010, no. 9—10 (2465/2466), p. 10, available from https://www.lspbgmu.ru/images/home/universitet/izdatelstvo/Pulse/Pulse9_10_2010.pdf (accessed 08.11.2025).
- Istoriia Kazakhskoi SSR: S drevneishih vremen do nashikh dnei (1943) [History of the Kazakh SSR: From Ancient Times to the Present Day]. In M. Abdykalykov, A. Pankratova (Eds.). Alma-Ata: KazOGIZ.
- Istoriia Velikoi Otechestvennoi voyny Sovetskogo Soiuza. 1941—1945: v 6 t. [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941-1945: In 6 volumes]. In P. N. Pospelov et al (Eds.); In-t marksizma-leninizma pri CK KPSS. Otd. istorii Velikoi Otech. voyny. Moscow: Voenizdat, 1960—1965. Vol. 1. Podgotovka i razvazivanie voyny imperialisticheskimi derzhavami. Moscow: Voenizdat, 1960.
- Ivanova, Yu. N. (2002) Khrabreyshie iz prekrasnykh. Zhenshchiny Rossii v voynakh [The Bravest of the Beautiful. Russian Women in War]. Moscow: ROSSPEN.
- Kameneva, G. (2008) Vuzovskaia intelligentsiia Severnogo Kavkaza v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [University intelligentsia of the North Caucasus during the Great Patriotic War], *Pedagogicheskaiia nauka i praktika — regionu: Materialy X regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Stavropol: Izd-vo SGPI.
- Kaverin, V. A. (1954) Otkrytaia kniga [Open book]. Moscow: Molodaia gvardiia.
- Knyazev, G. A., Koltsov, A. V. (1964) 1941—1945 gody [1941—1945], *Kratkii ocherk istorii Akademii nauk SSSR*. Moscow; Leningrad: Nauka, pp. 126—137.
- Kochina, P. Ya. (1974) Vospominaniia [Memories]. Moscow: Nauka, 302 p.
- Kosheleva, I. (1983) Women in Science / transl. from the Russ. by F. Longman. Moscow Progress Publishers.
- Kozhevnikov, A. Yu. (2024) Pervaiia russkaia zhenshchina-fizik: pamiati A. A. Glagolevoi-Arkad'evoi [The first Russian female physicist: in memory of A. A. Glagoleva-Arkadyeva], *MPGU*. February 28, 2024, available from <https://mpgu.su/novosti/zhenshhina-glagolevoj-arkadevoj/> (accessed 09.11.2025).
- Kruglyansky, M. R. (1970) Vysshiaia shkola SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [Higher School of the USSR during the Great Patriotic War]. Moscow: Vysshaya Shkola.
- Krylova, A. (2004) Stalinist identity from the viewpoint of gender: Rearing a generation of professionally violent women-fighters in 1930s Stalinist Russia, *Gender & History*, vol. 16, no. 3, pp. 626—653.
- Levshin, B. V. (1984) Mobilizatsiia nauchnogo potentsiala Sovetskogo gosudarstva i vklad uchenykh v razgrom fashistskikh agressorov. 1941—1945 gg. Tema dissertatsii i avtoreferata po VAK RF 00.00.00, doktor istoricheskikh nauk Levshin, Boris Venediktovich [Mobilization of the Scientific Potential of the Soviet State and the Contribution of Scientists to the Defeat of the Fascist Aggressors. 1941—1945. Dissertation and Abstract Topic according to the Higher Attestation Commission of the Russian Federation 00.00.00, Doctor of Historical Sciences, Levshin, Boris Venediktovich]. Moscow/
- Lina Shtern — pervaiia zhenshchina-akademik: otkrytiia, izmenivshie meditsinu (2025) [Lina Stern, the first female academician: discoveries that changed medicine], *Rossiiskaia akademiia nauk*. March 7, 2025, available from <https://new.ras.ru/activities/news/lina-shtern-pervaya-zhenshchina-akademik-otkrytiya-izmenivshie-meditsinu/> (accessed 09.11.2025).

- Lundin, A. G., Meshcherskaya, E. N. (1976) Spisok pechatnykh rabot chl.-kor. AN SSSR N. V. Pigulevskoi [List of printed works of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences N. V. Pigulevskaya], *Blizhniĭ Vostok. Vizantiia. Slavyane*. Leningrad, pp. 50—62.
- Mazur, L. N. (2021) Osobennosti mobilizatsii sovetskoĭ nauki v usloviyakh Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭny [Features of the Mobilization of Soviet Science during the Great Patriotic War], *Puti k Pobede*. Moscow: Polit. entsiklopediia, pp. 275—280.
- Meshcherskaya, E. N. (1998) K 100-letiiu so dnia rozhdeniia N. V. Pigulevskoy (1894—1970) [On the 100th Anniversary of N. V. Pigulevskaya's Birth (1894—1970)], *Pravoslavnyiĭ Palestinskiĭ sbornik*, iss. 35 (98). Saint Petersburg: Dmitriĭ Bulanin, pp. 5—8.
- Mirochnik, A. (2023) Nauka, voĭna, tyur'ma: kak slozhilas' kar'era pervoi zhenshchiny-akademika SSSR Liny Shtern [Science, war, prison: how the career of the first female academician of the USSR, Lina Stern, unfolded], *Forbes*. November 13, 2023, available from <https://www.forbes.ru/forbes-woman/500152-nauka-vojna-tur-ma-kak-slozhilas-kar-era-pervoj-zenshchiny-akademika-sssr-liny-stern> (accessed 09.11.2025).
- Mirzoyan, M., Mirzoyan, G. (2019) Pervaia v SSSR zhenshchina-aviakonstruktor [The first female aircraft designer in the USSR], «Noev Kovcheg», no. 3 (314), March 2019, available from <https://noev-kovcheg.ru/mag/2019-03/6505.html> (accessed 09.11.2025).
- Mityushev, V. Zapiski obyknovennogo cheloveka 1961—1991 [Notes of an Ordinary Man 1961—1991]. Vol. 3, chapter 61. Tom tretiĭ. Gl. 61. Starinnyiĭ dom v Lefortove, *MyBio.ru*, available from <https://www.mybio.ru/zapiski/text/chapter61/page2.html> (accessed 09.11.2025).
- Nechkina, M. V. (1985) Lektsii v dni voĭny [Lectures during the War], *V gody voĭny*. Moscow: Nauka, pp. 31—41.
- Paykova, V. A., Lebedeva, I. N. (1969) N. V. Pigulevskaiia: k 75-letiiu so dnia rozhdeniia [N. V. Pigulevskaya: On the 75th Anniversary of Her Birth], *Narody Azii i Afriki*, no. 1, pp. 64—66.
- Pushkareva, N. L., Sekenova, O. I. (2024) Fenomen doma uchenykh: izmenenie funktsii v sisteme gosudarstvennoĭ podderzhki [The Phenomenon of the House of Scientists: Changing Functions in the System of State Support], *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriiia*, no. 1 (64), pp. 114—123.
- Saltanova, S. V. (2019) Kak nachinalos' ravnopravie v nauke [How Equality in Science Began], *IQ-media*. March 12, 2019, available from <https://iq-media.ru/archive/251753859.html> (accessed 09.11.2025).
- Savenkova, A. V., Chursova, L. V., Eliseev, O. A., Glazov, P. A. (2012) Germetiki aviacionnogo naznacheniiia [Aviation sealants], *Aviatsionnye materialy i tekhnologii*, no. 3 (24), pp. 40—43.
- Sbornik pamiati N. V. Pigulevskoi* (1998) [Collection in Memory of N. V. Pigulevskaya]. In O. G. Peryshkin (Ed.). Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, 1998, pp. 5—8.
- Selezneva, E. S. (1989) Pervye zhenshchiny geofiziki i meteorology [The First Women Geophysicists and Meteorologists]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
- Shmaonov, T. (2005) Zolotoĭ iubileĭ kvantovoĭ ėry [Golden Jubilee of the Quantum Era], *Nauka i zhizn'*, Moscow, no. 11, pp. 20—23.
- Sitnikova, E. L., Chernysheva, N. V., Shinkarenko, E. A. (2024) Zhenskiĭ vopros v ofitsial'nom diskurse Sovetskogo gosudarstva v period Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭny [The Women's Issue in the Official Discourse of the Soviet State during the Great Patriotic War], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2, pp. 108—117.
- Sovetskie zhenshchiny-mikrobiologi: Mariia Georgievna Brazhnikova* (2024) [Soviet Women Microbiologists: Maria Georgievna Brazhnikova], *Rossiiskiiĭ mikrobiologicheskiiĭ portal «Mikrobius»*. March 8, 2024, available from <https://microbius.ru/news/sovetskie-zhenshchiny-mikrobiologi-mariya-georgievna-brazhnikova> (accessed 09.11.2025).
- Udal'tsova, Z. V. (1969) Sovetskoe vizantinovedenie za 50 let [Soviet Byzantine Studies for 50 Years]. Moscow: Nauka.
- Valkova, O. A. (2013) Obydennyĭ podvig: povsednevnaia zhizn' sovetskoĭ zhenshchiny-uchenogo v period Velikoĭ Otechestvennoĭ voĭny [Everyday Feat: The Everyday Life of a Soviet Female Scientist during the Great Patriotic War]. In V. N. Skvortsov (Ed.), *Patriotizm i grazhdanstvennost' v istorii Rossii*. Saint Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina, pp. 183—188.

- Valkova, O. A. (2010) Sovetskie zhenshchiny-uchenye v Velikoï Otechestvennoï Voïne [Soviet Women Scientists in the Great Patriotic War], *Yubileïnaia nauchnaia konferentsiia, posviashchennaia 65-letiyu Pobedy v VOV*. April 27—28, 2010. Moscow: IIET, pp. 33—47.
- Valkova, O. A. (2021) Voïna v biografii zhenshchiny-uchenogo; zhenshchina-uchenyï v biografii voïny [War in the Biography of a Female Scientist; A Female Scientist in the Biography of War], *Koinon*, vol. 2, no. 4, pp. 151—162.
- Vavilov, S., Ioffe, A. (1947) Prof. A. A. Glagoleva-Arkad'eva | Obituary, *Nature*, vol. 159, pp. 296—297, available from <https://www.nature.com/articles/159296a0> (accessed 09.11.2025).
- Vavilov, S. I. (1981) Ocherki i vospominaniia [Essays and Memories]. Moscow: Nauka.
- Velikaia Otechestvennaia voïna. 1941—1945. Voенно-istoricheskie ocherki: V 4 kn. Narod i voïna (1999) [The Great Patriotic War. 1941—1945. Military-historical essays: In 4 books. The People and the War]. In V. A. Zolotarev et al (Eds.); [Institute of Military History]. Moscow: Nauka.
- Vosem' velikikh zhenshchin-uchenykh, kotorye izmenili mir (2021) [Eight Great Women Scientists Who Changed the World], *Zen*. March 7, 2021, available from <https://dzen.ru/a/YEFh9xvUygUIB-WgW> (accessed 08.11.2025).
- Vospominanie o Elizavete Nikolaevne Levkovich (2001) [Memories of Elizaveta Nikolaevna Levkovich]. In V. V. Pogodina (Ed.). Moscow: Nauka, 202 p.
- Voïna bez epidemii. Kak sovetskie vrachi pobezhdali virusy na fronte i v tylu (2020) [War Without Epidemics: How Soviet Doctors Conquered Viruses at the Front and in the Home Front], *TASS.RU*. May 27, 2020, available from <https://tass.ru/75-letie-pobedy/8503997> (accessed 08.11.2025).
- Zhukov, G. K. (1992) Vospominaniia i razmyshleniia: v 3 t. [Memories and reflections: in 3 volumes]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo Agentstva pechati "Novosti".

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 27.01.2026; принята к публикации 10.02.2026.

The article was submitted 12.01.2026; approved after reviewing 27.01.2026; accepted for publication 10.02.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Российская академия наук, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Center for Gender Studies, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2026. № 2. С. 120—129.

Woman in Russian Society. 2026. No. 2. P. 120—129.

Научная статья

УДК 94(470.57):364.044.24"197/198"

EDN: <https://elibrary.ru/gsyru>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.2.9

**РЕГИОНАЛЬНАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА
В КОНЦЕ 1970-Х—1980-Е ГГ.: ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ
(На примере Башкирской АССР)**

Рима Нугамановна Сулейманова

Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия, msulejman@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению опыта проведения региональной семейной политики в Башкирской АССР в конце 1970-х—1980-е гг. Краткий анализ литературы показал недостаточную изученность проблемы. Основными источниками стали «Комплексный план мероприятий по улучшению демографической обстановки в республике и по регулированию движения сельского населения Башкирской АССР» 1978 г. и «Комплексная программа по улучшению демографической обстановки в Башкирской АССР на 1985—1990 гг.». Проведение региональной семейной политики в конце 1970-х—1980-е гг. в Башкирской АССР дало ряд положительных результатов: произошло повышение рождаемости, снижение младенческой и материнской смертности, увеличение объемов жилищного строительства, числа детских дошкольных учреждений. Однако республика продолжала отставать от других регионов в социальной инфраструктуре, миграционный отток населения оставался высоким. Ухудшение социально-экономического положения в республике привело к снижению достигнутых результатов к концу 1980-х гг.

Ключевые слова: семейная политика, конец 1970-х—1980-е гг., регион, Башкирская АССР

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00153. URL: <https://rscf.ru/project/25-28-00153/>

Для цитирования: Сулейманова Р. Н. Региональная семейная политика в конце 1970-х—1980-е гг.: исторические уроки (на примере Башкирской АССР) // Женщина в российском обществе. 2026. № 2. С. 120—129.

Original article

REGIONAL FAMILY POLICY IN THE LATE 1970S AND 1980S: HISTORICAL LESSONS

(Based on the example of the Bashkir ASSR)

Rima N. Suleimanova

Institute of History, Language and Literature,
Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, msulejman@mail.ru

Abstract. This article examines the experience of implementing regional family policy in the Bashkir ASSR in the late 1970s and 1980s. A brief analysis of the literature revealed that this issue has not been sufficiently studied. The main sources were the Comprehensive Plan of Measures to Improve the Demographic Situation in the Republic and Regulate the Movement of the Rural Population of the Bashkir ASSR (1978) and the Comprehensive Program to Improve the Demographic Situation in the Bashkir ASSR for 1985—1990. The implementation of regional family policy in the late 1970s and 1980s in the Bashkir ASSR yielded a number of positive results: an increase in the birth rate, a decrease in infant and maternal mortality, an increase in housing construction, and an increase in the number of preschool institutions. However, the republic continued to lag behind other regions in terms of social infrastructure, and population outflow remained high. The deterioration of the socio-economic situation in the Bashkir ASSR led to a decline in the results achieved by the end of the 1980s.

Key words: family policy, late 1970s—1980s, region, Bashkir ASSR

Acknowledgments: The research was conducted with the support of a grant from the Russian Science Foundation No. 25-28-00153 «“In unity there is prosperity”: protecting the family and preserving traditional family values in the multinational Republic of Bashkortostan (1945—2025)», available from <https://rscf.ru/project/25-28-00153/>

For citation: Suleimanova, R. N. (2026) Regional'naiā semeīnaia politika v kontse 1970-kh — 1980-e gg: istoricheskie uroki (Na primere Bashkirskoi ASSR) [Regional family policy in the late 1970s and 1980s: historical lessons (based on the example of the Bashkir ASSR)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 120—129.

В настоящее время в Российской Федерации проводится активная семейная политика, направленная на поддержку семьи и материнства, повышение рождаемости в стране. В условиях продолжающегося снижения рождаемости, повышения числа разводов, кризиса современной семьи становится актуальным изучение регионального опыта проведения семейной политики. Так, в 1978 году в Башкирской АССР одним из первых в СССР был принят «Комплексный план мероприятий по улучшению демографической обстановки в республике и по регулированию движения сельского населения Башкирской АССР» до 1985 года.

Интерес к семейной политике СССР возрос в 1960—1970-е годы в связи со значительным снижением рождаемости в стране [Урланис, 1974: 282—306; Кваша, 1981; и др.]. Так, с конца 1970-х годов в регионах страны была распространена практика проведения Всесоюзных научных семинаров по изучению опыта региональной семейной и демографической политики [Хорев, Волынская, Данилова, 1982; Елизаров, 1982; и др.]. С конца 1980-х годов в СССР существенно активизировалось внимание

к семейной политике [Вишневский, Бубнова, Лукашук и др., 1992; Пушкарева, Казьмина, 2003; Рабжаева, 2004; Хасбулатова, Смирнова, 2008; Население России..., 2011: 187—206; Хасбулатова, Смирнова, 2024; Сулейманова, 2024 и др.].

Данная статья посвящена изучению опыта проведения региональной семейной политики в Башкирской АССР в конце 1970-х—1980-е годы. Для достижения этой цели планируется проанализировать комплексные демографические планы и программы, принятые в республике в 1978 и 1985 гг., другие решения центральных и республиканских органов власти и управления; проследить реализацию указанных комплексных программ, а также определить уровень их результативности.

Основными источниками стали «Комплексный план мероприятий по улучшению демографической обстановки в республике и по регулированию движения сельского населения Башкирской АССР» 1978 г., «Комплексная программа по улучшению демографической обстановки в Башкирской АССР на 1985—1990 гг.», постановления бюро Башкирского обкома КПСС и Совета Министров БАССР, докладные записки, документы различных ведомств и учреждений. Многие документы вводятся в научный оборот впервые.

Следует отметить, что в рассматриваемый период термин «семейная политика» не использовался ни в политической практике, ни в советской научной литературе. В данном исследовании под семейной политикой понимается составная часть социальной политики, направленная на улучшение условий жизни семьи, повышение ее благосостояния [Вишневский, Бубнова, Лукашук и др., 1992: 28].

В сфере государственного управления демографические проблемы получили развитие в начале 1970-х годов [Население России..., 2011: 187]. 12 сентября 1974 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем увеличении материальной помощи малообеспеченным семьям, имеющим детей», решением которого с 1 ноября 1974 г. семьям, в которых средний совокупный доход на одного члена семьи не превышал 50 рублей в месяц, стали выплачивались пособия на детей в размере 12 рублей в месяц на каждого ребенка до достижения им 8-летнего возраста [КПСС..., 1986: 470—471].

Следует отметить, что политика по поддержке матерей осуществлялась с 1940-х годов. По Указу 1944 года матерям, имевшим двоих детей, при рождении третьего и каждого следующего ребенка выплачивались единовременные пособия, а имевшим троих детей при рождении четвертого и каждого следующего — ежемесячные пособия на ребенка в возрасте от 1 года до 5 лет. Ежемесячное пособие получали также одинокие матери до достижения ребенком 12-летнего возраста. По данному Указу было введено почетное звание «Мать-героиня», учреждены: орден «Материнская слава» и «Медаль материнства» [Сборник указов..., 1945: 284—288].

В марте 1956 г. был увеличен отпуск женщинам по беременности и родам с 77 до 112 дней (56 дней до родов и 56 дней после родов). В случае ненормальных родов или рождения двух и более детей отпуск после родов увеличивался до 70 дней [Сборник законов..., 1968: 195]. По закону от 15 июля 1964 г. право на отпуск по беременности и родам получили и женщины-колхозницы [Сборник законов..., 1968: 246—247].

Решениями XXV съезда КПСС (1976 г.) в годы десятой пятилетки предполагалось принятие ряда мер, облегчающих условия труда и быта работающих женщин [КПСС..., 1987. Т. 13: 68]. После XXV съезда КПСС в Башкирской АССР активизировалась работа по решению демографических проблем. Наибольшее беспокойство у региональных властей вызывало снижение рождаемости, которое стало следствием

сокращения естественного прироста населения в республике. Так, с 1960 г. по 1976 г. рождаемость в Башкирской АССР уменьшилась в 2 раза, тогда как по СССР лишь в 1,3 раза, по РСФСР — в 1,4 раза. Естественный прирост населения за тот же период сократился в республике в 3,1 раза, в то же время в СССР — в 1,9 раза, в РСФСР — в 2,1 раза.

Другой важной проблемой к середине 1970-х годов становится отток сельского населения в города. С 1970 по 1978 годы сельское население республики сократилось на 336,2 тыс. населения, или на 17 %. Основными причинами оттока сельских жителей явились: высвобождение рабочей силы в результате повышения производительности сельскохозяйственного труда; отставание уровня жизни сельского населения от городского по ряду показателей; недостаточные объемы жилищного строительства в колхозах и совхозах и сокращение ввода жилья в индивидуальном хозяйстве; отставание уровня интеллектуализации сельскохозяйственного труда от роста образовательного уровня молодежи; недостаточный уровень организаторской работы по повышению закрепляемости кадров в сельскохозяйственном производстве.

По ряду социально-экономических показателей Башкирская АССР значительно отставала от общесоюзного и российского уровней. Так, в 1976 году среднемесячная заработная плата одного работника, занятого в народном хозяйстве, составляла по СССР 151,4 рубля, РСФСР — 158,4 и БАССР — 146,2 рубля. На одного жителя оказано бытовых услуг, соответственно, на 27,7, 28,0 и 20,9 рублей. Средства, выделенные на жилищное строительство, из года в год оставались неосвоенными. В республике была недостаточно развита сеть детских учреждений. К началу 1978 года, по неполным данным, в устройстве в дошкольные учреждения нуждалось около 50 тыс. детей [НА РБ, ф. П-122, оп. 194, д. 155, л. 26—31]. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г., 17,4 % женщин трудоспособного возраста не было занято в общественном производстве. Две трети женщин желали работать, но не могли это реализовать по причине неустroенности своих малолетних детей в детские дошкольные учреждения [НА РБ, ф. Р-472, оп. 11, д. 5011, л. 91].

21 ноября 1978 года бюро обкома КПСС и Совет Министров БАССР приняли «Комплексный план мероприятий по улучшению демографической обстановки в республике и по регулированию движения сельского населения Башкирской АССР». Для координации работы в данном направлении была создана республиканская комиссия во главе с председателем Совета Министров Башкирской АССР З. Ш. Акназаровым [НА РБ, ф. П-122, оп. 194, д. 154, л. 90—96]. В райкомах и горкомах партии, министерствах и ведомствах были разработаны планы мероприятий по улучшению демографической обстановки применительно к каждому городу, району, министерству и ведомству.

Комплексный план был рассчитан до конца 1985 г. и включал семь направлений. Первый раздел содержал мероприятия по активизации работы бюро райкомов и горкомов КПСС, местных Советов народных депутатов, трудовых коллективов. Для предварительного рассмотрения заявлений о разводах при городских органах ЗАГС создавались специальные комиссии, состоящие из числа социологов, психологов и других специалистов. Отделу ЗАГС, Совету Министров, Министерству юстиции поручалось проанализировать причины роста неустойчивых браков в отдельных городах и районах республики, изучить состояние исполнения решений народных судов

о взыскании алиментов на воспитание детей, принять меры по устранению имеющихся в этом деле нарушений закона.

Второй блок мероприятий касался улучшения охраны материнства и детства, материального и морального стимулирования рождаемости. Предполагалось увеличение количества акушерско-гинекологических коек в республике — с 5825 до 7140, женских консультационных пунктов — с 160 до 180, кабинетов детской гинекологии в ряде городов, а также появление четырех городских и межрайонных консультативных центров по недонашиванию и бесплодию, восьми детских поликлиник со специализированными кабинетами и отделениями; создание в Уфе акушерско-гинекологической реанимационной бригады; расширение сети детских санаториев.

Перед партийными комитетами была поставлена задача по улучшению жилищных и трудовых условий граждан, особенно молодых семей; в городах и перспективных сельских населенных пунктах обеспечить полный охват нуждающихся детей местами в детских дошкольных учреждениях, расширить сеть спортивных площадок и спортивных школ, довести показатели обеспеченности детей местами в школах и группах продленного дня до 43,5 %. Предполагалось также открытие отделов детского питания в продовольственных магазинах.

С целью укрепления женских кадров на селе в совхозах и колхозах открывались филиалы и цеха предприятий с преимущественным применением женского труда, при всех сельских средних школах действовали благоустроенные интернаты, выделялись кредиты на строительство жилых домов.

Необходимо отметить, что принятый в конце 1978 г. Комплексный план — это одна из первых региональных демографических программ в СССР. Вместе с тем практика показала, что программы, принятые на 3—6 лет в Башкирской АССР, Латвии и Москве, лишь смягчали «негативные тенденции демографического развития» и не могли в корне изменить ситуацию [Елизаров, 1982: 4].

В конце 1970-х годов в Государственном комитете СССР по труду совместно со специалистами из других центральных учреждений были созданы рабочие группы по подготовке предложений по повышению рождаемости [ГА РФ, ф. Р-9553, оп. 3, д. 719, л. 20—32]. Разработанные этими рабочими группами предложения легли в основу постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22 января 1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей». Данным решением вводились единовременные пособия при рождении первого, второго и третьего ребенка, для работающих женщин — частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года.

В результате принятия комплексного плана в 1980-е гг. в Башкирской АССР рождаемость повысилась с 17,5 до 20,6 %, то есть на 14,9 %. В сельской местности увеличение рождаемости было более значительным — на 23,2 % больше, чем в городской. Однако необходимо отметить, что в 1970-е — начале 1980-х гг. данное явление в республике было обусловлено в первую очередь существенным улучшением возрастного состава женщин. Так, численность женщин в возрасте максимальной рождаемости (20—29 лет) увеличилась за 10 лет по сравнению с 1970 годом на 131 тыс. человек, их доля в численности женщин в возрасте 15—49 лет выросла с 22,4 до 33,8 % [НА РБ, ф. Р-472, оп. 11, д. 3572, л. 61]. Младенческая и материнская смертность снизились на 9 и 21 % соответственно [НА РБ, ф. Р-444, оп. 6, д. 4976, л. 3]. В первой половине 1980-х гг. произошла некоторая стабилизация в количестве разводов на уровне 2,7—2,8 % [НА РБ, ф. Р-472, оп. 11, д. 2954, л. 48 об.]

Темпы строительства объектов жилищно-гражданского назначения отставали от растущих потребностей населения. Проблема жилья в городах республики оставалась острой, особенно в Уфе. По обеспеченности жильем Уфа значительно отставала от среднего уровня городов РСФСР с численностью населения более 1 млн человек. Объемы индивидуального жилищного строительства в сельской местности также были недостаточными.

Потребность в детских дошкольных учреждениях республики к середине 1980-х годов удовлетворялась в сельской местности лишь на 38 % от действующих норм, а в Уфе — на 70 %. Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в республике в 1984 г. была ниже на 11,2 руб., чем по Уральскому экономическому району, у колхозников — на 30 рублей. К этому времени на селе четко обозначилась проблема нехватки «невест», а в городах — «женихов».

В связи с создавшимся положением 3 июня 1985 г. бюро обкома КПСС и Совет Министров республики приняли постановление «О дополнительных мерах по улучшению демографической обстановки и повышению закрепляемости кадров в народном хозяйстве республики». Данным решением была утверждена новая Комплексная программа по улучшению демографической обстановки в Башкирской АССР на 1985—1990 годы. Программа 1985 года ставила новые задачи. Так, многодетные семьи, имеющие четырех и более детей, ставились на учет, закреплялись за магазинами и в первоочередном порядке снабжались продовольственными и непродовольственными товарами. Планировались изучение жилищно-бытовых условий семейных студентов (на примере вузов г. Уфы) и разработка рекомендаций по повышению демографической ситуации среди молодежи. Намечалось строительство нескольких больниц и лечебных корпусов, спортивных комплексов и т. д. В годы XII пятилетки за счет всех источников финансирования предусматривался ввод жилья общей площадью 8 млн кв. м, детских дошкольных учреждений на 55 тыс. мест, в том числе в колхозах и совхозах — на 13 тыс. мест. Учитывая начавшуюся антиалкогольную кампанию, серьезное внимание в программе уделялось борьбе с пьянством. В 1987 г. намечалась разработка программ факультативных занятий для учащихся старших классов, профтехучилищ и студентов средних специальных заведений по теме: «Основы семейной жизни», предполагалось завершить создание клубов (школ) молодой семьи при сельских и районных (городских) дворцах культуры, организовать в городах Уфе, Стерлитамаке, Салавате, Нефтекамске, Октябрьском службы помощи семье. В производственной сфере планировалось размещение в крупных сельских населенных пунктах филиалов и цехов предприятий с преимущественным применением женского труда, создание придомовых и надомных филиалов производства с применением труда женщин, имеющих малолетних детей, усиление профориентационной работы на селе и др. [НА РБ, ф. П-122, оп. 215, д. 85, л. 171—194].

На начальном этапе перестройки в республике проявились некоторые позитивные сдвиги. За 1986—1989 годы темпы роста выпуска товаров народного потребления в 3,2 раза опережали темпы производства средств производства. В первые четыре года двенадцатой пятилетки было введено жилья в 1,4 раза больше, чем в среднем за пятилетку в предшествующие 20 лет, детских дошкольных учреждений — на треть больше, чем за период 1981—1985 гг. Строились больницы, поликлиники, клубы. В 1989 году объем бытовых услуг, оказанных городскому населению республики, составил 66,8 рубля в расчете на одного жителя, в сельской местности этот

показатель равнялся 43,8 рублей, что было больше, чем в РСФСР и стране в целом [Народное хозяйство..., 1989: 205].

Благоприятная социально-экономическая ситуация положительно сказалась на уровне рождаемости, которая в обозначенный период оставалась в республике самой высокой в Уральском регионе и была выше среднероссийского показателя [НА РБ, ф. Р-472, оп. 11, д. 5545, л. 24]. Уровень материнской смертности в республике был также существенно ниже, чем в целом по стране: 30 на 100 тыс. родившихся (по СССР — 50, по РСФСР — 43) [НА РБ, ф. Р-472, оп. 11, д. 5545, л. 51].

К середине 1980-х годов Башкирская АССР, несмотря на высокий уровень зрелости промышленности и сельского хозяйства, стала отставать от других регионов страны по уровню развития многих отраслей социальной сферы и уровню потребления [История..., 2005: 167—168]. В годы двенадцатой пятилетки увеличилось число семей, встававших на учет на получение жилья. В результате на начало 1989 года 298,4 тысяч семей стояли на учете для получения жилья или улучшения жилищных условий в городах и поселках городского типа [НА РБ, ф. Р-472, оп. 11, д. 5011, л. 104].

Социальное развитие села оставляло желать лучшего. Если к 1989 г. уровень благоустройства городского жилищного фонда в республике постоянно возрастал и превысил уровень по РСФСР, то на селе он оставался низким. В сельской местности обеспеченность жилищного фонда водопроводом составляла лишь 33, канализацией — 16, центральным отоплением — 38, ваннами — 11, газом — 82 % [НА РБ, ф. Р-472, оп. 11, д. 5011, л. 104]. В результате за межпереписной период (1979—1988 гг.) отрицательное сальдо миграции сельского населения республики составило более 340 тыс. человек, при этом свыше 80 % мигрантов было в трудоспособном возрасте [НА РБ, ф. Р-472, оп. 11, д. 5545, л. 24].

Несмотря на строительство новых лечебных учреждений, уровень заболеваемости населения продолжал расти по сравнению с прошлыми годами. Значительная часть женщин была занята на работах с вредными условиями труда, что отрицательно влияло на их здоровье. В результате увеличивалось число детей с различными заболеваниями. К 1987 году 14,2 % родившихся детей находилось на искусственном вскармливании [НА РБ, ф. Р-472, оп. 11, д. 5011, л. 91]. Мест в дошкольных учреждениях по-прежнему не хватало. В среднем по республике на 100 мест в дошкольных учреждениях приходилось 114 детей, в городских поселениях — 119. По обеспеченности дошкольными учреждениями Башкирская АССР занимала 63-е место по РСФСР и последнее в Уральском регионе [НА РБ, ф. Р-472, оп. 11, д. 5011, л. 91; д. 5545, л. 132 об.]

В 1980-е годы отчетливо проявилась тенденция более позднего вступления в брак. Если в 1979 году к 25-летнему возрасту вступали в первый брак 73 % мужчин и 83 % женщин, то спустя 10 лет эти показатели снизились до 62 % и 77 % соответственно [НА РБ, ф. Р-472, оп. 11, д. 5545, л. 44].

Исследование показало, что активная региональная семейная политика, проводившаяся в Башкирской АССР с конца 1978 года, оказала положительное влияние на развитие семьи, демографические процессы в республике в целом. Вплоть до 1987 года демографические показатели (в первую очередь — рождаемость) в республике повышались. Таким образом, можно сделать вывод, что ключевым фактором, формировавшим репродуктивное поведение населения республики, стала государственная политика, направленная на поддержку семей с детьми, улучшение материального

положения населения. При этом ее реализация учитывала национальные и региональные особенности, а также носила комплексный характер.

Список источников

- Ахунзянов Т. Активная демографическая политика — веление времени // Социалистический труд. 1980. № 6. С. 74—78.
- Вишневский А. Г., Бубнова Е. М., Лукашук Ю. М. и др. Эволюция семьи и семейная политика в СССР / отв. ред. А. Г. Вишневский; Российская академия наук. М.: Наука, 1992. 138 с.
- Государственное казенное учреждение Национальный архив Республики Башкортостан. URL: <https://narb-gku.bashkortostan.ru/about/> (дата обращения: 25.12.2025).
- Глухарев Д. С. Этнодемографическое развитие Урала в 1960—1980-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006. 208 с.
- Елизаров В. В. Целевая комплексная программа развития народонаселения и ее место в социально-экономическом планировании. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 13 с.
- История Башкортостана. 1917—1990-е годы: в 2 т. / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. Уфа: Гилем, 2005. Т. 2: 1945—1990. 313 с.
- Кваши А. Я. Демографическая политика в СССР. М.: Финансы и статистика, 1981. 200 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1986. Т. 12. 575 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1987. Т. 13. 510 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1987. Т. 14. 640 с.
- Народное хозяйство Башкирской АССР за 70 лет: стат. сб. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1989. 276 с.
- Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 3, кн. 2: 1980—1990 гг. 295 с.
- Официальный сайт Федерального казенного учреждения «Государственный архив Российской Федерации». URL: <https://statearchive.ru/> (дата обращения: 25.12.2025).
- Пушкарева Н. Л., Казьмина О. Е. Российская система законов о браке в XX в. и традиционные установки // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 67—89.
- Рабжаева М. В. Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 89—97.
- Сборник законов и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938—1967. М.: Известия, 1968. Т. 2. 896 с.
- Сборник указов, постановлений и распоряжений. 1941—1945 гг. / отв. ред. А. С. Журавлев. Челябинск: Изд-во областного управления издательств и полиграфии, 1945. 563 с.
- Сулейманова Р. Н. Женщины Башкортостана: социальный облик (конец 50-х — начало 90-х годов). Уфа: Китап, 1998. 224 с.
- Сулейманова Р. Н. «Многодетным матерям — должное внимание». Как в Башкирии выполнялся Указ Президиума Верховного Совета СССР 1944 г. // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 93—102.
- Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР. М.: Наука, 1974. 336 с.
- Фаткуллин М. Х. Некоторые проблемы управления развитием народонаселения в условиях автономной республики (на примере Башкирской АССР). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 10 с.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Семейная политика в СССР (1936—1955): историко-социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 43—54.

Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Эволюция государственной политики в России в XX — начале XXI века: (историко-социологический анализ) // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 3—14.

Хорев Б. С., Волынская Б. Н., Данилова И. А. Демографические процессы в РСФСР и принципы регионализации демографической политики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 16 с.

References

- Akhunzyanov, T. (1980) Aktivnaia demograficheskaia politika — velenie vremeni [Active demographic policy is the dictate of the times], *Sotsialisticheskii trud*, no. 6, pp. 74—78.
- Elizarov, V. V. (1982) *Tselevaia kompleksnaia programma razvitiia narodonaseleniia i ee mesto v sotsial'no-ekonomicheskom planirovanii* [Targeted comprehensive population development program and its place in socio-economic planning]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Fatkullin, M. Kh. (1982) *Nekotorye problemy upravleniia razvitiem narodonaseleniia v usloviakh avtonomnoi respubliki (na primere Bashkirskoi ASSR)* [Some problems of population development management in the conditions of the Autonomous Republic (on the example of the Bashkir ASSR)], Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Glukharev, D. S. (2006) *Ėtnodemograficheskoe razvitie Urala v 1960—1980-e gody* [The ethnodemographic development of the Urals in the 1960s and 1980s]. Abstract of the dissertation... Candidate of Historical Sciences. Chelyabinsk, 208 p.
- Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan [State Treasury Institution National Archives of the Republic of Bashkortostan], available from <https://narb-gku.bashkortostan.ru/about/> (accessed 25.12.2025).
- Istoriia Bashkortostana. 1917—1990-e gody: v 2 t.* (2005) [History of Bashkortostan. 1917—1990s: in 2 volumes]. In R. N. Suleimanova (Ed.). Vol. 2: 1945—1990, Ufa: Gilem.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2008) Ėvolutsiia gosudarstvennoi politiki v Rossii v XX — nachale XXI veka: (istoriko-sotsiologicheskii analiz) [The evolution of state policy in Russia in the 20th and early 21st centuries: (Historical and sociological analysis)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—14.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2024) Semeinaia politika v SSSR (1936—1955): istoriko-sotsiologicheskii analiz [Family policy in the USSR (1936—1955): historical and sociological analysis], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 43—54.
- Khorev, B. S., Volynskaya, B. N., Danilova, I. A. (1982) *Demograficheskie processy v RSFSR i printsipy regionalizatsii demograficheskoi politiki* [Demographic processes in the RSFSR and the principles of regionalization of demographic policy], Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- KPSS v rezoliutsiiakh i resheniiakh s"ezdov, konferentsii i plenumov CK* (1986) [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. 9th edition, expanded and corrected, Moscow: Politizdat, vol. 12.
- KPSS v rezoliutsiiakh i resheniiakh s"ezdov, konferentsii i plenumov CK* (1987) [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. 9th edition, expanded and corrected, Moscow: Politizdat, vol. 13.
- KPSS v rezoliutsiiakh i resheniiakh s"ezdov, konferentsii i plenumov CK* (1987) [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. 9th edition, expanded and corrected, Moscow: Politizdat, vol. 14.
- Kvasha, A. Ya. (1981) *Demograficheskaia politika v SSSR* [Demographic policy in the USSR]. Moscow: Finansy i statistika.
- Narodnoe khoziaistvo Bashkirskoi ASSR za 70 let* (1989) [The national economy of the Bashkir ASSR for 70 years]. Statistical compilation. Ufa: Bashkirske knizhnoe izdatel'stvo, 276 p.
- Naselenie Rossii v XX veke. Istoricheskie ocherki: v 3 t.* (2011) [Population of Russia in the twentieth century. Historical essays: in 3 volumes]. Vol. 3, book 2, 1980—1990. Moscow: ROSSPEN.

- Ofitsial'nyi saït Federal'nogo kazennogo uchrezhdeniia «Gosudarstvennyiï arhiv Rossiïskoï Federatsii»* [Official website of the Federal State Institution «State Archives of the Russian Federation»], available from <https://statearchive.ru/> (accessed 25.12.2025).
- Pushkareva, N. L., Kazmina, O. E. (2003) Rossiïskaia sistema zakonov o brake v XX v. i traditsionnye ustanovki [The Russian system of marriage laws in the XX century and traditional attitudes], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4. pp. 67—89.
- Rabzhaeva, M. V. (2004) Istoriko-sotsial'nyi analiz semeïnoï politiki v Rossii XX veka [Historical and social analysis of family policy in Russia of the XX century], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 6. pp. 89—97.
- Sbornik ukazov, postanovleniï i rasporiasheniï. 1941—1945 gg.* (1945) [Collection of decrees, resolutions and orders. 1941—1945]. In A. S. Zhuravlev (Ed.). Cheliabinsk: Izdatel'stvo oblastnogo upravleniia izdatel'stv i poligrafii.
- Sbornik zakonov i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1938—1967* (1968) [Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938—1967], Moscow: Izvestia, vol. 2.
- Suleimanova, R. N. (2024) «Mnogodetnym materiam — dolzhnoe vnimanie». Kak v Bashkirii vypolnialsia Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR 1944 g. [«Due consideration for mothers of many children». How the Decree of the Presidium of the USSR Supreme Council of 1944 was implemented in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic], *Zhenshchina v Rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 93—102.
- Suleimanova, R. N. (1998) *Zhenshchiny Bashkortostana: sotsial'nyi oblik (konets 50-kh — nachalo 90-kh godov)* [Bashkortostan women: social image (late 50s — early 90s)]. Ufa: Kitap.
- Urlanis, B. Ts. (1974) *Problemy dinamiki naseleniia SSSR* [Problems of population dynamics of the USSR], Moscow: Nauka.
- Vishnevsky, A. G., Bubnova, E. M., Lukashuk, Yu. M., et al. (1992) *Ėvoliutsiia sem'i i semeïnaïa politika v SSSR* [Evolution of the family and family policy in the USSR]. In A. G. Vishnevskii (Ed.); Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; одобрена после рецензирования 19.02.2026; принята к публикации 28.02.2026.

The article was submitted 09.02.2026; approved after reviewing 19.02.2026; accepted for publication 28.02.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Сулейманова Рима Нугамановна — доктор исторических наук, заведующая отделом новейшей истории Башкортостана, главный научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия, rsulejman@mail.ru (Dr. Sc. (History), Head of the Department of Contemporary History of the Republic of Bashkortostan, Principal Researcher, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2026. № 2. С. 130—143.

Woman in Russian Society. 2026. No. 2. P. 130—143.

Научная статья

УДК 618.2-055.2(470+571)"18/19"

EDN: <https://elibrary.ru/cgrgoh>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.2.10

**«Я ЗАКРИЧАЛА: ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ, Я ПОЙДУ МУЖИКОВ
ВЗБУНТУЮ!»: АКУШЕРКИ-ФЕЛЬДШЕРИЦЫ В РОССИЙСКОЙ
ПРОВИНЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВВ.**

*Лилия Рамилевна Габдрафикова,
Елена Валерьевна Миронова*

Институт истории им. Шигабутдина Марджани,
Академия наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия, bahetem@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются процессы становления профессии акушеров и характер медицинской деятельности женщин в Казанской губернии в конце XIX — начале XX в. На основе архивных, периодических и статистических материалов, а также опубликованной делопроизводственной документации уездных земств Казанской губернии 1870-х—1900-х гг. показана подготовка акушерских и фельдшерских кадров в различных учебных заведениях страны и губернии, проанализированы мотивы, побуждавшие женщин выбирать медицинские специальности, а также причины переезда столичных жительниц в провинцию для осуществления врачебной практики. Авторами изучены условия труда акушеров, в частности, размеры жалования, должностные обязанности, взаимоотношения с коллегами, уездной и губернской администрацией, а также с крестьянским населением. Показаны социальные барьеры на пути женщин, стремившихся заниматься медицинской практикой. Сделан вывод о привлекательности медицинских профессий как способа обеспечения экономической независимости, несмотря на трудности, с которыми женщинам приходилось сталкиваться в трудовой деятельности. Акцентируется внимание на этноконфессиональной специфике Казанской губернии. Приведены примеры родовспомогательной практики в среде мусульманок.

Ключевые слова: Казанская губерния, акушерство, женщина-врач, земская медицина, акушерские курсы, эмансипация, татарки-мусульманки

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Академии наук Республики Татарстан 2024 г. на осуществление фундаментальных и прикладных научных работ в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан.

Для цитирования: Габдрафикова Л. Р., Миронова Е. В. «Я закричала: что вы делаете, я пойду мужиков взбунтую!»: акушерки-фельдшерицы в российской провинции на рубеже XIX—XX вв. // Женщина в российском обществе. 2026. № 2. С. 130—143.

Original article

**“I SHOUTED: WHAT ARE YOU DOING, I’LL GO AND STIR UP
THE MEN!”: MIDWIVES AND FEMALE PARAMEDICS
IN THE RUSSIAN PROVINCES AT THE TURN
OF THE 19th AND 20th CENTURIES**

*Liliya R. Gabdrāfikova,
Elena V. Mironova*

Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan, Russian Federation, bahetem@mail.ru

Abstract. The article examines the processes of establishing the midwifery profession and the nature of women's medical activities in the Kazan province in the late 19th and early 20th centuries. Based on archival, periodical, and statistical materials, as well as published administrative documentation from the district country councils of the Kazan Governorate from the 1870's to the 1900's, the training of midwives and paramedics at various educational institutions in the country and the governorate was demonstrated. The motives that prompted women to choose medical professions were analyzed, as well as the reasons why women from the capital moved to the provinces to practice medicine. The authors studied the working conditions of midwives, in particular, their salaries, job responsibilities, relationships with colleagues, district and provincial administrations, and the peasant population. The social barriers faced by women seeking to pursue medical careers are highlighted. The authors conclude that women were interested in medical professions as a means of achieving economic independence, despite the difficulties they faced in their work at that time. In addition, it is emphasized that medical specialties were chosen by girls from wealthy families, as only they could afford to pay for tuition, or local authorities sent their scholarship recipients to educational institutions. The authors focused on the ethnic and religious characteristics of the Kazan province. Examples of midwifery practices among Muslim women are provided.

Key words: Kazan Province, obstetrics, midwifery, female doctors, local medicine, obstetrics courses, emancipation, Muslim Tatar women

Acknowledgements: This work was supported by a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (2024) for fundamental and applied scientific research in scientific and educational institutions, enterprises, and organizations in the real sector of the economy of the Republic of Tatarstan.

For citation: Gabdrāfikova, L. R., Mironova, E. V. (2026) “Ia zakrichala: chto vy delaete, ia poīdu muzhikov vzbuntuiu!”: akusherki-fel'dsheritsy v rossiiskoi provintsii na rubezhe XIX—XX vv. [“I shouted: what are you doing, I’ll go and stir up the men”: midwives and female paramedics in the Russian provinces at the turn of the 19th and 20th centuries], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 130—143.

Введение

Одной из «женских» профессий XIX в. стало акушерство. Появление образованных «повивальных бабок» по всей Российской империи свидетельствовало не только о распространении научной медицины в стране, но и о развитии женской эмансипации. Тема акушерства в Российской империи неоднократно становилась предметом изучения отечественных исследователей. В частности, были рассмотрены такие вопросы, как профессионализация акушерского труда в конце XVIII — начале XX в. [Мицюк, 2021], подготовка научных трудов по акушерству [Мицюк, 2017] и ряд других вопросов в контексте общероссийской истории [Мицюк, 2022]. Все эти труды показывают невероятную сложность медиализации населения в условиях Нового времени и становления профессии акушерок. Кроме того, они носят междисциплинарный характер, соединяют историю медицины с гендерными исследованиями. В этой связи представляется актуальным дополнение данного направления научных изысканий новыми сюжетами, в том числе с привлечением региональных архивных материалов.

Казанская губерния представляла собой один из уникальных регионов Российской империи, где имелись и свои этноконфессиональные особенности, и развитая земская медицина, и университетская клиническая база. Между тем вопросы акушерства в Казанской губернии не становились предметом отдельного исследования и в основном рассматривались как часть становления земской медицины [Саматова, 2016; Валеева, 2019; Миронова, 2020].

Клиническая медицина, с одной стороны, ставит врачей и вспомогательный медицинский персонал на определенный пьедестал, т. к. именно они управляют своими пациентами [Фуко, 2010: 24]. С другой стороны, акушерки-фельдшерицы работали под началом этих врачей и находились в зависимом от них положении, их трудовые отношения были усугублены, в том числе, гендерным различием [Пушкарева, 1985]. Кроме того, женский статус делал их особенно уязвимыми перед властью и обществом. На это обращали внимание и зарубежные исследователи [Энгель, 2023: 151]. Но даже в данных исторических обстоятельствах женщина могла иметь собственную субъектность и могла стать частью женского движения [Пиэтров-Эннкер, 2005].

Цель данного исследования — изучение женщин Казанской губернии, занятых в акушерско-фельдшерской службе на рубеже XIX—XX вв.: историко-антропологический подход может помочь выявить аспекты жизни провинциальных акушерок, которые раскрывают особенности этой женской профессии с нового ракурса. Документы из различных фондов Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ), личные дела акушерок и фельдшериц, сохранившиеся в канцелярии губернатора, Губернском правлении, в земских управах, опубликованные статистические материалы уездных земств Казанской губернии, отчетная документация фельдшерско-акушерских школ и источники личного происхождения позволят обрисовать трудовые будни этих женщин, взаимоотношения с коллегами, социально-экономическое положение.

Акушерки в Казанской губернии в последней трети XIX века

Акушерки и фельдшерицы сталкивались с разными трудностями в частной и профессиональной жизни. В пореформенное время они работали в системе земской

медицины. Жалованье зависело от нагрузки, которая определялась размером участка. Например, в конце 1870-х гг. в Лаишевском уезде Казанской губернии акушерки менее многочисленного, третьего, участка получали 120 руб. в год, а первого и второго — в 2,5 раза больше. Кроме того, компенсировались расходы на разъезды и наем квартир [Саматова, 2016: 263]. При этом в среднем по Российской империи жалованье акушерок варьировалось от 250 до 400 руб. в год [Мицок, 2022: 251].

Профессиональную подготовку будущие акушерки проходили в специальных школах. Появлялись они и в губернских центрах. В 1873 г. в Казани открылся Повивальный институт (школа) при медицинском факультете местного университета [Валеева, 2019: 323]. Заинтересованные в подготовке собственных кадров земства назначали стипендии для учениц, по окончании учебного курса они проходили службу в уездных больницах¹. К слову, согласно документам Повивального института Казанского университета, и в 1900-е гг. выпускницам присваивали звание «Повивальной бабки», а вот устраивались они тогда уже на должность «акушерок»².

Но общее количество акушерок оставалось тогда незначительным. Например, в 1889 г. в земских больницах Казанской губернии работало по 1 акушерке, в Казани и Цивильске было по 2, а в Чистополе, Царевококшайске и Ядрине не было ни одной³. Обязанности акушерок были обширными: они не только принимали больных, но и разъезжали по деревням (принимали роды и навещали рожениц в течение первых дней), составляли ежегодные отчеты о своей работе, а также выполняли ряд функций вне своей служебной компетенции — заведовали хозяйством в уездных больницах, проводили осмотр вместо фельдшера, выезжали в летний период для оспопрививания. Поэтому постепенно их заменяли окончившие фельдшерскую школу акушерки-фельдшерицы с более высоким окладом. Со временем акушерки-фельдшерицы становились рядовым явлением в провинции, а вот работать с женщиной-врачом готовы были тогда не все.

В 1880 г. в Казанскую губернию приехала уроженка г. Вильно, выпускница Петербургских высших женских курсов Екатерина Ивановна Карасинская. Она была медиком, участвовала в русско-турецкой войне. 34-летняя женщина планировала устроиться врачом в Спасское уездное земство. Но на месте ей предложили формально занять должность фельдшерицы, а фактически выполнять обязанности врача. В провинциальном обществе, как и в органах власти, в 1870-е гг., очевидно, еще были сильны убеждения о недопустимости женщин на службе в государственных и общественных учреждениях. Е. И. Карасинская отказалась от такого трудоустройства. Впоследствии она занималась частной практикой в Казани. Ее работу ценили, особенно пациентки-татарки. Для них, в силу традиционных мировоззренческих установок, было важно, что им оказывает врачебную помощь именно женщина. К сожалению, Е. И. Карасинская скончалась в 1887 г. во время родов. Первые роды в 42-летнем возрасте стали для нее смертельными.

В некрологе Е. И. Карасинской в газете «Казанский биржевой листок» пишут, что в 1880 г. ее трудоустройство в Спасском земстве не состоялось из-за особых

¹ Отчет Лаишевской уездн. земской управы о состоянии уездн. земского хозяйства в 1867/1868 г. Казань: Губ. тип., 1868. С. 19.

² Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 2. Оп. 5. Д. 1973. Л. 3—4.

³ Памятная книжка Казанской губернии за 1889—1890 гг. Казань: тип. Губ. правл., 1890. 317 с.

взглядов женщины-врача, посчитавшей такой компромисс недопустимым для положительного разрешения «женского вопроса» [Габдрафикова, 2013: 370—372]. В целом именно со сферой медицины были связаны имена первых активисток женского движения в России (В. А. Кашеварова-Руднева, Н. П. Суслова и др.) [Пиетров-Эннкер, 2005: 244—247]. Е. И. Карасинская тоже сформировалась в духе либеральных идей 1860-х гг. и ее обращение именно в Спасское уездное земство, известное широкими связями с «вольнодумцами» пореформенной эпохи, тоже не случайно.

Однако уже в 1870-е гг. некоторые женщины-медики предпочитали другие сферы деятельности. Например, в 1871 г. в Казани супруги Шумковы открыли частную начальную школу. Лидия Петровна Шумкова в прошлом трудилась акушеркой. В последующем именно под ее руководством школа станет успешной женской гимназией. Ее многолетняя помощница П. Ф. Веселова тоже ранее была акушеркой, но переключилась на педагогическую сферу⁴. Тут надо отметить, что акушеров-фельдшериц (впрочем, как и учительниц) нередко подозревали в противоправительственных настроениях. Например, за Л. П. Шумковой в 1886—1888 гг. был установлен негласный надзор казанской полиции, т. к. ее связывали с последователями социал-демократических идей⁵, что не нашло прямого подтверждения в дальнейшем. Такая подозрительность в отношении Л. П. Шумковой была продиктована общей обстановкой в Казани, где появились первые марксистские кружки (так, в одной из сходов участвовал в 1887 г. и студент университета В. И. Ульянов). Организатором значился бывший гимназист Н. Е. Федосеев, летом 1889 г. он сам и многие его соратники были арестованы.

«Недостойное поведение врача», или случай Александры Филипповой

На этом фоне в Тетюшском уезде Казанской губернии в 1887 г. случился конфликт между акушеркой Филипповой и врачом Тихомировым. Надо отметить, что работа под руководством врачей-мужчин добавляла женщинам дополнительные сложности в становлении этой профессии. Конфликт Филипповой и Тихомирова, с одной стороны, имел сексуализированный характер, с другой — политический оттенок из-за неверного толкования высказанных во время ссоры слов. А. И. Филиппова была родом из Симбирской губернии: окончила Алатырскую женскую прогимназию, затем сдала экзамены при Казанском университете на звание «повивальной бабки»⁶. С начала 1880-х гг. она работала в Тетюшском уезде Казанской губернии. По данным 1879 г., в штате земской медицины Тетюшского уезда тогда было 2 врача и 12 вспомогательных специалистов (8 фельдшеров, 1 фельдшерица и 1 акушерка). В уезде проживало 146 196 человек, на каждого специалиста приходилось 1426 пациентов в году или по 4 человека каждый день⁷. Летом 1887 г. А. И. Филиппову направили в татарскую деревню Кабаланы, где она заняла должность фельдшерицы-акушерки при земской больнице и приступила к обязанностям 1 августа 1887 г., а уже 23 сентября случился инцидент, который повлек за собой разбирательство в органах власти. О произошедшем А. И. Филиппова сообщила не сразу, а лишь 28 октября 1887 г. «Врач г. Тихомиров оной больницы применил мне насилие под предлогом

⁴ Казанская частная женская гимназия с 1871 по 1910 г. Казань: Центральная тип., 1910. С. 18—19.

⁵ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7054. Л. 4.

⁶ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 1.

⁷ Журналы XVI очередного Тетюшского уездного земского собрания, состоявшегося 25—28 сентября 1880 г. Казань: тип. Губ. правл., 1881. С. 73.

служебной обязанности», — начала она свое обращение. Ранним утром 23 сентября врач вернулся в больницу из рабочей поездки и постучался к ней в дверь. Она занимала одну из комнат в больнице. При ней же находилась ее 12-летняя родственница⁸. Акушерка спала, но быстро отреагировала на слова врача о том, что нужно переговорить о роженице. В жалобе она описала то утро: одевалась «не более 10 минут», а Степан Дмитриевич Тихомиров «нетерпеливо стучал» в дверь и ругал за медлительность, угрожая увольнением. Но вызов не был связан с медицинским случаем: «Я подошла к столу, где стояла лампа, которую врач мигом потушил, схватил меня сильно руками и свалил на кушетку, тут стоящую, для осмотра больных»⁹. Ей удалось убежать в соседнюю палату («под защиту больных и служащих»), а потом запереться в своей комнате. Тихомиров пытался открыть дверь. «Шум дребезжавших под дверью стеклянных рам разбудил всех и вышедший смотритель, уговаривая врача, просил его идти в свою квартиру, которая находится в отдельном от больницы здании на дворе»¹⁰. Врач был в нетрезвом состоянии, его буйное поведение не было для коллег открытием. В отличие от них, акушерка Филиппова была в замешательстве, не зная, как реагировать на «недостойное поведение врача».

Она собиралась написать обо всем родным, но через неделю в больнице случился новый скандал с последствиями. На этот раз при проверке хозяйственной части больницы серьезно повздорили Тихомиров и смотритель-фельдшер Румянцев. Именно он пытался усмирить врача утром 23 сентября. 7 октября 1887 г. врач пожаловался исправнику на «буйство» фельдшера. В этом вопросе акушерка выступала свидетелем и придерживалась стороны Румянцева. «Врач под предлогом служебной обязанности вызвал меня запискою к себе в квартиру 14 октября в 9 часов вечера, насильственным образом склонял меня на свою сторону, предупреждая, что он как начальник имеет власть доносить начальству, делать выговоры, уволить, и, не имея возможности ни угрозой, ни лаской склонить меня на ложное показание, отобрал у меня ключи от медикаментов и хирургических вещей и разного рода принадлежностей для больных»¹¹.

На следующий день Тихомиров нагрубил не только ей, но и пациентке (ею оказалась супруга фельдшера Румянцева), поскольку Филиппова продолжала распорядиться лекарствами, что вызвало гнев врача. Врач обозвал ее «мерзавкой, развратницей» и в ответ на ярость и оскорбления начальника она закричала: «Что вы делаете! Я пойду мужиков взбунтую». Тихомиров зацепился за сказанное, и А. И. Филиппова была вынуждена оправдываться, что она не против правительства или дома Романовых. «Взбунтую я в защиту себя, за мной нет стражи, как за вами, я — скромная девушка, далеко от родных в глуши среди татар, людей, непонимающих русского языка», — воссоздавала она свою прямую речь позднее¹². Слова А. И. Филипповой о «бунте» не остались без внимания — местный исправник был тестем С. Д. Тихомирова. Через два дня к акушерке приехал становой пристав и потребовал объяснений. Такое внимание напугало ее, и она решила признаться в домогательствах со стороны врача. Сначала она обратилась в Тетюшское земство, где служила 7 лет, и, не дождавшись приезда членов управы в д. Кабаланы, 28 октября 1887

⁸ Характерный момент повседневности женщин-медиков: ребенок при них. Ребенок выступал своеобразным «талисманом», защитником репутации одинокой женщины.

⁹ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 2.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 2 об.

¹² Там же. Л. 3.

г. написала в канцелярию губернатора (боясь уголовного наказания и лишения должности)¹³.

На запрос губернатора тетюшский исправник ответил, что заявлений от Филипповой об инцидентах 23 сентября и 15 октября не поступало. Позднее свое видение ситуации в письменном виде подал и Тихомиров; он писал, что акушерка «сначала довольно усердно занималась своим делом», но потом «охладела к занятиям, став проводить время в праздности, пустяках, неприличных разговорах, пляске (танцевала даже канкан) и пьянстве». Компанию Филипповой, по его словам, составляли фельдшер Румянцев и даже «татары д. Кабаланы». Показательно, что в обращениях к власти местное население использовалось для усиления нарратива. Если акушерка подчеркивала с их помощью указания неординарных условий работы («в глуши среди татар, людей, непонимающих русского языка»), то врач указывал на вредное влияние Филипповой на них («спайвала водкой татар»). Т. е. «татары» могли, в зависимости от рассказа, выступать и как неуправляемая сила, и как жертва обвиняемого.

Помимо пристрастия к алкоголю, не обошлось в объяснительной начальника и без указания на безнравственное поведение своей подчиненной. Он утверждал, что она состоит в любовной связи с фельдшером («целовалась», «позволяла держать себя за груди»). «Мне приходилось ей в адекватной форме давать намеки на ее неправильную жизнь», — отмечал Тихомиров. Тем не менее, несмотря на «некоторые вольности и неприличные поступки», врач подчеркивал, что трудовые отношения были «вполне нормальные и совершенно удовлетворительные», «акушерка была вежлива, беспрекословно исполняла требования по службе»¹⁴. Он считал, что открытая враждебность появилась лишь после 13 октября. Врач упоминал вечерний визит акушерки в его квартиру, а также ее заявление на следующий день с угрозой «взбунтовать» кабалановских крестьян¹⁵.

Это дело закрыли довольно быстро. 11 ноября 1887 г. дознание по жалобе акушерки А. И. Филипповой «на оскорбление и на покушение производства над ней насилия» врачом 3-го участка С. Д. Тихомировым было прекращено из-за отсутствия «состава преступления»¹⁶. Между тем дальнейшие действия Тетюшской земской управы указывают на серьезные основания заявительницы. Было принято решение об освобождении от должности земского врача С. Д. Тихомирова, причем «без аттестации». Акушерка Александра Ивановна тем временем продолжала работать в Кабалановской больнице. Ее бывший начальник был убежден, что она «одним почерком пера» заставила уволить его. После этого Сергей Дмитриевич вместе с семьей уехал в Казань и начал искать новое место. Надо отметить, что со стороны казанского губернатора на это «не было никаких препятствий»¹⁷.

О проверке благонадежности «в политическом и нравственном отношении»

Проверка «политической благонадежности» акушеров и фельдшериц особенно усилилась в годы первой русской революции. Губернаторские канцелярии и

¹³ Там же. Л. 4 об.

¹⁴ Там же. Л. 19.

¹⁵ Там же. Л. 25 об.

¹⁶ Там же. Л. 32.

¹⁷ Там же. Л. 33—34.

жандармские службы разных губерний постоянно уточняли друг у друга данные соискательниц на должности медиков. Например, 28 марта 1906 г. екатеринославский губернатор запрашивал у казанского губернатора сведения о двух фельдшерицах, уроженках Казани, З. А. Тихомирновой и М. М. Кунавиной. Девушки устраивались в Екатеринославской губернии оспопрививательницами. Казанская полиция сначала дала обоим положительные характеристики, однако позднее губернское жандармское управление отправило справку о связи первой с социал-демократической партией¹⁸. Кроме политической благонадежности, работающим женщинам нужно было подтверждать перед обществом и властью свою нравственную чистоту, в некоторых случаях и в половом смысле [Энгель, 2023: 174].

Судя по всему, такая требовательность иногда приводила к трагическим последствиям. Например, 2 июля 1902 г. в Спасском уезде Казанской губернии произошла трагедия — «самоотравление» фельдшерицы-акушерки Татьяны Петровны Рахмановой. Причиной неожиданной смерти молодой женщины стал морфий, поводом — подозрения, подвергнувшие сомнению ее «благонадежность в политическом и нравственном отношении». Она устроилась на 3-й медицинский участок Спасского уезда при Полянской земской больнице в начале апреля того года, ей назначили оклад в размере 40 руб. в месяц, т. е. годовое жалованье должно было составить не менее 440 руб. При написании прошения о принятии на работу от 15 февраля 1902 г. Т. П. Рахманова предъявила диплом об окончании акушерских курсов и свидетельство Императорской Военно-Медицинской академии клиники профессора Рейна. Своим местожительством она указала Петербург, набережную реки Пряжка, д. 46, кв. 10¹⁹. Пока проверяли ее документы, фельдшерицу-акушерку трудоустроили в Спасском земстве лишь временно. На процедуру согласования всех документов ушло больше двух месяцев. 10 июня 1902 г. в Спасское пришло сообщение из Казани о том, что Т. П. Рахманова указала недостоверные сведения о себе и требуется «немедленно доставить точные и достоверные данные» о ее предыдущем местожительстве²⁰. Как видно из пояснения акушерки от 23 июня того же года, она проживала в Петербурге до декабря 1901 г., но по другому адресу — в клинике баронета Виллие на Большом Сампсониевском проспекте. Вероятно, это было местом ее работы. С конца декабря 1901 г. она находилась в пригороде, в доме своего отца, на Лесном участке²¹. Возможно, другой адрес был указан ею для удобства переписки со Спасским земством. Для подтверждения своих слов акушерка «прилагала паспортную книжку, если таковая нужна»²². Но 3 июля 1902 г. врач 3-го медицинского участка отправил в уездный город короткое сообщение о ее смерти в Полянской больнице²³. Спустя две недели нашли по тому самому «достоверному адресу» ее отца — неграмотного крестьянина Петра Рахманова, которому местный пристав сообщил о самоотравлении дочери в далеком Спасском уезде Казанской губ.²⁴. Остается лишь догадываться, как еще одна

¹⁸ ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2496. Л. 1—8.

¹⁹ ГА РТ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2052. Л. 1—3.

²⁰ Там же. Л. 9.

²¹ Там же. Л. 10.

²² Там же. Л. 12.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 14 об.

петербурженка оказалась в Спасском уезде. Безусловно, здесь нельзя исключать широкие неформальные связи между интеллигенцией разных губерний.

Социально-экономическое положение акушеров и фельдшериц

«Скоропостижная кончина» не была редкостью в трудовой практике акушеров и фельдшериц. Как и врачи, они находились в зоне постоянного риска из-за контакта с больными, среди которых встречались и носители различных инфекций. В том же Спасском уезде в 1900 г. после четырех лет службы умерла молодая фельдшерица Анастасия Ивановна Антонова. Она была выпускницей Казанской земской фельдшерской школы. Сначала ее хотели взять фельдшерицей-акушеркой, но она отказалась, сославшись на отсутствие соответствующего диплома и достаточной практики²⁵. А. И. Антонова работала в Спасском земстве с июля 1896-го по декабрь 1900 г. Коллеги отмечали ее «почти пятилетнюю полезную и безупречную службу». После смерти фельдшерицы выяснилось, что у нее не было «никаких средств» и земство приняло на себя расходы по ее погребению. Судя по всему, у А. И. Антоновой не было и родственников, готовых взять на себя это²⁶. 2 февраля 1907 г. умерла акушерка Мария Симашенко, работавшая в Лаишеве. При этом в январе того года ее перевели на 6-й участок г. Казань, но она не успела даже перебраться из уездного центра в губернский город²⁷.

Для некоторых девушек работа акушеркой или фельдшерицей была единственной возможностью вырваться из родительского попечения и вести самостоятельную жизнь. Например, фельдшерица Зинаида Тихомирова, дочь казанского купца, вспоминала, что сначала хотела стать певицей («но отец не отпустил из Казани»), после этого в 1900 г. она поступила в фельдшерскую школу²⁸.

Казанская земская фельдшерская и фельдшерско-акушерская школа открылась в начале XX в. Туда принимались лица старше 16 лет обоего пола, всех сословий и вероисповеданий, окончившие 4 класса государственных (правительственных) общеобразовательных школ. При этом для жителей Казанской губернии предоставлялись существенные льготы: если годовая плата за обучение для них составляла 10 руб., то для жителей других губерний — 40 руб. в год. Фельдшерский курс составлял 3 года, а фельдшерско-акушерский — 4 года²⁹. Преимущественно «женский» характер этих профессий показывают последующие отчеты учебного заведения. В 1911/12 учебном году в школе числилось 117 учениц и 26 учеников³⁰. В сословном отношении учились здесь, в основном, женщины из мещан и крестьян — 93 человека. Большинство учениц были незамужними (106 человек), лишь 5 состояли в браке, а 6 женщин являлись вдовами. Конечно, среди учащихся преобладала возрастная группа от 17 до 25 лет. Но встречались и те, кому исполнилось 30 лет и старше. Самой старшей ученице был 41 год. Интересен и этнический состав учащихся. Кроме русского

²⁵ ГА РТ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2042. Л. 3.

²⁶ Там же. Л. 7.

²⁷ ГА РТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1973. Л. 4.

²⁸ ГА РТ. Ф. П30. Оп. 3. Д. 2704. Л. 15.

²⁹ Правила для учащихся Казанской земской фельдшерской и фельдшерско-акушерской школы. Казань: Типо-литография Окружного Штаба, 1907. С. 5—6.

³⁰ Отчет Педагогического Совета о состоянии Казанской Земской Фельдшерско-акушерской школы за 1911—1912 учебный год. Казань, 1912. С. 1.

большинства, стремились получить эту профессию в Казани в 1911 г. четыре еврейки, три чувашки, две полячки, немка и шведка³¹.

«В фельдшерской школе я близко столкнулась с нуждой большинства учащихся, а также узнала, что среди нас были работники партии РСДРП», — вспоминала З. Тихомирнова уже в советское время³². Она сама выросла в богатой купеческой семье и эти проблемы не были ей знакомы. Профессия фельдшерицы не стала для нее источником заработка, в отличие от многих ее сокурсниц. Вплоть до 1917 г. Зинаида училась на частных женских курсах, позднее работала врачом в системе Наркомздрава³³.

Но для большинства девушек и женщин акушерство действительно стало источником дохода. Стремилась таким образом обрести «почву под ногами», прежде всего, девушки из небогатых семей, не имевшие родителей. Например, в 1903 г. получила свидетельство Повивального института Казанского университета Мария Лаврова. Она была приемной дочерью вдовы мелкого служащего (коллежского асессора). Сразу после успешного окончания обучения молодая девушка устроилась акушеркой в 6-м участке г. Казани³⁴. Даже по рекламным объявлениям рубежа XIX—XX вв. в провинциальной прессе можно увидеть, насколько большим спросом пользовались акушерские услуги (особенно анонимные роды). Реклама такого рода регулярно появлялась на страницах газет «Казанский телеграф», «Камско-Волжская речь» и других периодических изданий³⁵.

К этому времени казанскими врачами Бузуновым, Захарьевским, Климовичем, Клячкиным, Кривоносовым, Лурия была учреждена также частная женская фельдшерско-акушерская школа. Каждая ученица должна была провести не менее 20 самостоятельных приемов³⁶. Обучение в частной школе было значительно дороже, чем в земской. Вероятно, поэтому для подтверждения платежеспособности в правилах было примечание о том, что абитуриентки должны внести залог в размере 25 руб. Плата за обучение в этой школе составляла 100 рублей в год³⁷.

Профессию фельдшериц-акушеров выбирали и представительницы благородных семейств, причем не только из разорившихся дворян. Например, в Полянской земской больнице в июле 1902 г., почти сразу после кончины Т.П. Рахмановой, была трудоустроена Татьяна Сергеевна Геркен. Она была дочерью местной помещицы Любови Павловны Геркен, родовое имение которой находилось в с. Ромодан Спасского уезда. Претендентка летом 1902 г. окончила Казанскую фельдшерскую школу и сразу же была принята на работу в Спасское уездное земство Казанской губернии³⁸.

³¹ Там же. С. 2.

³² ГА РТ. Ф. П30. Оп. 3. Д. 2704. Л. 15.

³³ Там же. Л. 27 об.

³⁴ ГА РТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1973. Л. 4, 1.

³⁵ Казанский телеграф. 1895. № 656. 2 апреля; Камско-Волжская речь. 1913. № 100. 7 мая.

³⁶ Устав Казанской частной женской фельдшерско-акушерской школы. Казань: тип. Губ. правл., 1912. С. 2.

³⁷ Правила и сведения для учащихся Казанской частной женской фельдшерской школы. Казань: тип. Губ. правл., 1910. С. 1—2.

³⁸ ГА РТ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2043. Л. 6, 3.

Этноконфессиональная специфика в работе фельдшерниц-акушерок

Казанская губерния, впрочем, как и сопредельные территории, отличалась полиэтническим составом населения. Безусловно, такая особенность влияла и на работу местной медицинской службы. Так, нерусские пациенты не всегда доверяли русскоговорящим медикам. В этих условиях важной была не только подготовка собственных кадров, но и гендерный подход. Пациентки-татарки, например, чаще обращались к женщинам-медикам. Поэтому фельдшерницы-акушерки были особенно востребованы в этой среде. Это подтверждает и приведенный выше случай Е. И. Карасинской и А. И. Филипповой. Встречались даже ситуации, когда акушерка оказывалась единственным близким человеком для бывшей пациентки. Например, в 1902 г. в Казани купеческая жена Гайша Апанаева обратилась за помощью к акушерке Н. Нелидовой, когда нетрезвый супруг выгнал ее из дома с младенцем на руках. Позднее акушерка выступала в качестве свидетеля при бракоразводном процессе Апанаевых [Габдрафикова, 2013: 327].

Способность фельдшерницы или акушерки работать в инородческой среде (среди татар, чувашей и т. д.) земства обычно подчеркивали особо. Это учитывалось и при назначении им пенсии по выслуге лет [Татарские селения..., 2021: 232]. Кроме того, приветствовались медики-татарки. Например, в Мензелинском уезде Уфимской губернии в 1907 г. высоко оценили работу М. С. Резяповой во время эпидемии цинги. Участковый врач отмечал в отчете «ее татарское происхождение и ее язык, родственный больным», которые вместе с «ее приветливым отношением» позволили ей заслужить особую любовь среди пациентов [Татарские селения..., 2021: 238]. Вместе с тем появлявшиеся на рубеже XIX—XX вв. медицинские работники из женщин-татарок воспринимались мусульманским населением не всегда однозначно. Например, по словам врача А. Сухарева, в Казанском уезде мало кто доверял акушерке-татарке. Для русского населения медицинского участка было непривычно видеть акушерку-мусульманку, а сами татары не одобряли профессиональную деятельность незамужней женщины [Габдрафикова, 2013: 304]. Показательно и то, что упомянутая выше М. С. Резяпова работала еще в 1907 г. лишь временно и только в период эпидемии в качестве сестры милосердия. Между тем Марьям Мирсаидовна Резяпова с 1902 г. училась в Санкт-Петербурге на медицинских курсах [Биктимирова, 2011: 167]. Поэтому она могла бы как выпускница профильного учебного заведения занимать и более высокую профессиональную позицию. Однако такая возможность для нее открылась лишь после начала Первой мировой войны: с 1914 по 1925 гг. М. С. Резяпова заведовала Кармаскалинской земской больницей в Уфимском уезде. В целом, если обратить внимание на опыт первых женщин-врачей из татарок (Разия Кутлуярова-Сулейманова, Суфия Кулахметова-Агеева, Рукия Губеева-Кутлубаева и др.), профессиональную деятельность они осуществляли, будучи либо замужними женщинами, либо вдовами. Вероятно, такой социальный статус вызывал большую лояльность у традиционной части татарского сообщества.

В начале XX в. с развитием земской медицины образованные и состоятельные татарские семьи все чаще прибегали к помощи медиков, в том числе акушерок. В 1912 г. по инициативе Мусульманского благотворительного общества г. Казани открылось родовспомогательное лечебное учреждение для мусульманок (татарок). Открытие мусульманского роддома («вилядатхана» на татарской книжной лексике начала XX в.) было встречено образованными татарками положительно. В 1913 г. известная вероучительница из Казани Магруй Музаффария отмечала, что в

учреждении работают грамотные акушерки и женщины теперь больше полагаются на них, нежели на традиционных повитух [Габдрафикова, 2025: 57].

Накануне 1917 г. в фельдшерско-акушерской службе были задействованы десятки татарок. Еще больше их стало в первые годы советской власти: среди них и Амина Валиулловна Алимбек. Ее профессиональная деятельность любопытна тем, что она участвовала в становлении дипломатической миссии Советской России в Саудовской Аравии. Как акушерку-мусульманку ее пригласили на работу в больницу г. Рияд, а также для медицинского надзора за пациентками из дворца саудовского короля [Таиров, 2008: 283—285].

Выводы

Изучение архивных и других материалов, связанных с жизнью фельдшериц и акушерок Казанской губернии, показывает, что данная профессиональная область имела свои особенности. Самостоятельность таких женщин была вызовом для общества и власти. Ассоциирование (иногда небезосновательное) земских медиков с нелегальными кружками и партиями осложняло жизнь работающих женщин — любые их высказывания и действия могли быть интерпретированы в негативном ключе. Все это приводило к некоторому оттоку женщин из сферы медицины в пореформенный период. Между тем к началу XX в. экономическая выгода такой трудовой деятельности привлекала в эти ряды все больше женщин из разных социальных групп. Кроме того, женщины таким образом реализовали свое стремление к эмансипации.

Хотя трудовая деятельность женщин на рубеже XIX—XX вв. была явлением достаточно новым и продолжало господствовать общее отношение к ним как к исключительно хранительницам семейного очага, постепенно происходили изменения в общественном сознании. Случай с фельдшерицей-акушеркой А. И. Филипповой показывает, что земство могло постоять за права женского персонала.

Этноконфессиональная специфика тоже оказывала определенное влияние на становление акушерской профессии в Российской империи. Неслучайно и первая женщина-врач В. А. Кашеварова-Руднева начинала свой путь в качестве акушерки среди мусульманок Оренбургской губернии. Поэтому фельдшерицы-акушерки были особенно востребованы и среди татарок Казанской губернии. Кроме того, в начале XX в. эту профессию выбирали и сами татарки-мусульманки. В их среде чаще всего встречались замужние женщины. Такой социальный статус, судя по всему, вызывал большее доверие в традиционном обществе.

Таким образом, несмотря на различные трудности в конце XIX — начале XX века акушерки и фельдшерицы стали обыденным явлением, расширяя возможности как для женщин, так и для социума в целом.

Список источников

- Биктимирова Т. А. Ступени образования до Сорбонны. Казань: Татарское книжное издательство, 2011. 168 с.
- Валеева Н. Г. Чистопольское уездное земство Казанской губернии (1865—1914 гг.). М.: Перо, 2019. 472 с.
- Габдрафикова Л. Р. Повседневная жизнь городских татар в условиях буржуазных преобразований второй половины XIX — начала XX века. Казань: Институт истории АН РТ, 2013. 384 с.

- Габдрафикова Л. Р. Татарская женщина на рубеже XIX—XX вв.: традиции и новации в уходе за детьми // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т. 15, № 1. С. 55—67.
- Миронова Е. В. Медицинские работники и служащие Лаишевского земства // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 1. С. 110—127.
- Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л., Белова А. В. Человек рожающий: История родильной культуры в России Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 512 с.
- Мицюк Н. А., Белова А. В. Акушерский труд как первая официальная профессия женщин в России в XVIII — начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20, № 2. С. 270—285.
- Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л. От повивального искусства к акушерской науке: анализ акушерской литературы, изданной в России в 1760—1860 гг. // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2017. Т. 16, № 3. С. 151—164.
- Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции / пер. с нем. Ю. П. Шаттона. М.: РГГУ, 2005. 444 с.
- Пушкарева Н. Л. Социально-правовое положение женщин в Русском государстве // Государство и право. 1985. № 4. С. 121—126.
- Саматова Ч. Х., Ибрагимов Р. Р. Становление и развитие земской медицины в Лаишевском уезде Казанской губернии во второй половине XIX — начале XX в. // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2016. № 3/4. С. 260—268.
- Таиров Н. И., Таиров И. Н. Амина Валиулловна Алимбек // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2008. № 1. С. 283—285.
- Фуко М. Рождение клиники / пер. с фр. А. III. Тхостова. М.: Академический проект, 2010. 252 с.
- Энгель Б. Женщины в России. 1700—2000 / пер. с англ. О. Полей. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023. 423 с.

References

- Biktimirova, T. A. (2011) *Stupeni obrazovaniia do Sorbonny* [Educational stages before the Sorbonne]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Engel, B. (2004) *A History of Russian Women. 1700—2000*. Cambridge University Press.
- Foucault, M. (2010) *Rozhdenie kliniki*. Moscow: Akademicheskii projekt.
- Gabdräfikova, L. R. (2013) *Povsednevnaia zhizn' gorodskikh tatar v usloviiakh burzhuaiznykh preobrazovaniĭ vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka* [Everyday life of urban Tatars in the conditions of bourgeois transformations of the second half of the 19th and early 20th centuries]. Kazan: Institut istorii AN RT.
- Gabdräfikova, L. R. (2025) *Tatarskaia zhenshchina na rubezhe XIX—XX vv.: traditsii i novatsii v ukhode za det'mi* [Tatar woman at the turn of the XIX—XX centuries: traditions and innovations in child care], *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ia*, vol. 15, no. 1, pp. 55—67.
- Mironova, E. V. (2020) *Meditsinskie rabotniki i sluzhashchie Laishevskogo zemstva* [Medical workers and employees of the Laishevsky zemstvo], *Istoricheskaya etnologiya*, vol. 5, no. 1, pp. 110—127.
- Mitsyuk, N. A., Belova, A. V. (2021) *Akusherskii trud kak pervaiia ofitsial'naia professiia zhenshchin v Rossii v XVIII — nachale XX v.* [Obstetric work as the first official profession of women in Russia in the 18th and early 20th centuries], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriia Rossii*, vol. 20, no. 2, pp. 270—285.
- Mitsyuk, N. A., Pushkareva, N. L. (2017) *От повивального искусства к акушерской науке: анализ акушерской литературы, изданной в России в 1760-1860 гг.* [From midwifery to obstetric science: analysis of obstetric literature published in Russia in 1760—1860], *Vestnik Smolenskoy gosudarstvennoĭ meditsinskoi akademii*, vol. 16, no. 3, pp. 151—164.
- Mitsyuk, N. A., Pushkareva, N. L., Belova, A. V. (2022) *Chelovek rozhdaiushchii: Istoriia rodil'noi kul'tury v Rossii Novogo vremeni* [The Man Giving Birth: The History of Maternity Culture in Modern Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

«Я закричала: что вы делаете, я пойду мужиков взунтую!»:
акушерки-фельдшерицы в российской провинции на рубеже XIX—XX вв.

- Pietrow-Ennker, B. (1999) *Russlands "neue Menschen". Die Entwicklung der Frauenbewegung von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution*. Frankfurt-New York: Campus.
- Pushkareva, N. L. (1985) Sotsial'no-pravovoe polozhenie zhenshchin v Russkom gosudarstve [Social and legal status of women in the Russian state], *Gosudarstvo i pravo*, no. 4, pp. 121—126.
- Samatova, Ch. Kh., Ibragimov, R. R. (2016) Stanovlenie i razvitie zemskoi meditsiny v Laishevskom uезде Kazanskoї gubernii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [The formation and development of zemstvo medicine in the Laishevsky district of the Kazan province in the second half of the 19th and early 20th centuries], *Gasyrlar avazy — Ého vekov*, no. 3/4, pp. 260—268.
- Tairov, N. I., Tairov, I. N. (2008) Amina Valiullova Alimbek, *Gasyrlar avazy — Ého vekov*, no. 1, pp. 283—285.
- Valeeva, N. G. (2019) *Chistopol'skoe uyezdnoe zemstvo Kazanskoї gubernii (1865—1914 gg.)* [Chistopol district zemstvo of the Kazan province (1865—1914)], Moscow: Pero.

Статья поступила в редакцию 20.02.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 06.03.2026.

The article was submitted 20.02.2026; approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 06.03.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Габдрафикова Лилия Рамилевна — доктор исторических наук, профессор Академии наук Республики Татарстан, главный научный сотрудник, Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия, bahetem@mail.ru (D.Sc. (History), Professor of the Tatarstan Academy of Sciences, Principal Researcher, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation).

Миронова Елена Валерьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия, yelena.mironova@yandex.ru (Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по адресу: winrs@bk.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся название статьи, имя, отчество и фамилия автора, текст, список источников). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7—2021):

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Список источников к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Список источников») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Шведова Н. А. Женщины и власть: анализ политического представительства	3
--	---

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ростовская Т. К., Рычихина Н. С., Синельников А. Б. Демографический потенциал молодой сельской семьи (На примере Ивановской области)	15
Григорьева Н. С., Чубарова Т. В. Женщины и мужчины в системе здравоохранения: социально-экономическая повестка	36
Смирнова И. Н., Хасбулатова О. А. Малый город как пространство жизни: социальное настроение и миграционные установки девушек-студенток	54
Захарова Л. Н., Саралиева З. Х.-М., Сайгина Е. В. Динамика адресации доверия молодых женщин-инженеров производственной компании в условиях длительных систематических переработок	63
Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю. Детность: региональный дисбаланс	78
Доброхлеб В. Г. Динамика численности и половозрастной структуры населения России и ее регионов	92

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Пушкарева Н. Л. Женский «научный полк»: представительницы академического сообщества в годы военных испытаний.....	105
Сулейманова Р. Н. Региональная семейная политика в конце 1970-х—1980-е гг.: исторические уроки (На примере Башкирской АССР)	120
Габдрафикова Л. Р., Миронова Е. В. «Я закричала: что вы делаете, я пойду мужиков взбунтую!»: акушерки-фельдшерицы в российской провинции на рубеже XIX—XX вв.	130
Информация для авторов	144

CONTENTS

POLITICAL SCIENCES

Shvedova N. A. Women and power: an analysis of political representation	3
--	---

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Rostovskaya T. K., Rychikhina N. S., Sinelnikov A. B. The demographic potential of young rural families (Based on the example of the Ivanovo Region).....	15
Grigorieva N. S., Chubarova T. V. Women and men in the healthcare system: a socio-economic agenda	36
Smirnova I. N., Khasbulatova O. A. Small towns as living spaces: social attitudes and migration intentions among female college students.....	54
Zakharova L. N., Saralieva Z. Kh.-M., Saygina E. V. The dynamics of trust among young female engineers working overtime: a case study of a manufacturing company.....	63
Sigareva E. P., Sivoplyasova S. Yu. Fertility: regional imbalance	78
Dobrokhleb V. G. Trends in the population size and age-sex structure of Russia and its regions	92

HISTORICAL SCIENCES

Pushkareva N. L. The women's "scientific regiment": representatives of the academic community during the Great Patriotic War	105
Suleimanova R. N. Regional family policy in the late 1970s and 1980s: historical lessons (Based on the example of the Bashkir ASSR)	120
Gabdrafikova L. R., Mironova E. V. «I shouted: what are you doing, I'll go and stir up the men»: midwives and female paramedics in the Russian provinces at the turn of the 19 th and 20 th centuries	130
<i>Information for the authors</i>	144

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 — 2026

[12+]

Директор издательства Л. В. Михеева

Редактор О. Н. Масленникова

Технический редактор И. С. Сибирева

Компьютерная верстка Е. Е. Андреевской

Дата размещения на сайте 26.06.2026. 3,56 МБ

Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. 12,95. Уч.-изд. л. 10,8.

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru





Выходит 4 раза в год с 1996 года

Распространяется по подписке и
по предварительным заявкам ученых
и библиотек

 **ЖЕНЩИНА**
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ